

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ XXI ВЕКА

По решению редколлегии журнала «Вестник Челябинского государственного университета» в настоящем выпуске публикуются статьи участников Шестой международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации», посвященной памяти выдающегося российского терминоведа Владимира Моисеевича Лейчика (1928–2013).

Действительный член Российской академии естественных наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, лауреат премий Российского терминологического общества и Инфотерма, один из создателей отечественной школы терминоведения, В. М. Лейчик объединял вокруг себя терминологов в разных регионах России и зарубежья, участвовал в организации международных терминологических конференций, был бессменным членом редколлегии реферативного сборника «Научно-техническая терминология», постоянным участником международных симпозиумов по языкам для специальных целей. Челябинский государственный университет и Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», отдавая дань уважения замечательному ученому, организовали международную научную конференцию «Языки профессиональной коммуникации» в его честь и вносят свой вклад в развитие его плодотворных идей.

Проблематика конференции обусловлена логикой развития терминоведения – его междисциплинарным, полипарадигмальным характером, стремлением объяснить сложные феномены взаимодействия людей в различных профессиональных сферах, исследовать многообразие их связей и отношений, мотивацию социального поведения и проявлений личности. Организаторы конференции ставили перед собой задачу укрепления научных связей между академическими и образовательными учреждениями России и зарубежных стран, выработки общих программ сотрудничества в изучении терминологических систем, в вопросах совершенствования профессиональной культуры и профессиональной коммуникации, в осуществлении образовательной деятельности на разных уровнях – с учетом уровня терминоведческих знаний в XXI веке.

Статьи участников конференции опубликованы в двух выпусках журнала и объединены в шесть разделов. В настоящем выпуске научному сообществу представлены три раздела, каждый из которых демонстрирует новый подход в решении проблем терминоведения: дискурсивный, коммуникативно-личностный (холистический) и семиотический.

Открывает журнал статья о Владимире Моисеевиче Лейчике. Ее авторы – ведущие российские терминоведы доктор филологических наук, профессор Московского государственного медико-стоматологического университета В. Ф. Новодранова и доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Л. А. Манерко. Эта публикация проясняет роль выдающегося российского терминоведа в становлении и развитии терминоведения, раскрывает значимость его идей для современного научного знания, определяет уникальные черты личности В. М. Лейчика.

Статьи первого раздела выпуска «Проблемы дискурса, жанра и стиля в сфере профессиональной коммуникации» посвящены особенностям функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности.

Значимые теоретико-методологические положения содержатся в статье профессора Г. Н. Манаенко. Автор устанавливает сложный характер связей и отношений между объективной информацией и личностными смыслами говорящего в процессе коммуникации и прослеживает их актуализацию в синтаксической структуре речи. Осложненное предложение в данной статье рассматривается через призму осуществления замысла говорящего.

Особое внимание в разделе уделено трем профессиональным дискурсам, интенсивно развивающимся в современном социокоммуникативном пространстве: экономическому (А. В. Бушев, А. В. Дрожжих), юридическому (Л. А. Нефедова, Э. Ш. Никифорова, М. В. Слатина, Н. Ю. Кузнецова) и политическому (А. М. Чащина). В статьях Л. О. Бутаковой, Е. Н. Гуц, Т. А. Ширяевой, И. Н. Потеряхиной и Л. В. Купфер излагаются новые подходы к исследованию делового (и шире – организационного) дискурса. В работе М. А. Самковой предложена лингвосинергетическая модель учебно-педагогического дискурса.

Традиционным предметом изучения в терминоведении XXI века остается специфика функционирования языковых единиц в научном дискурсе. Этой проблематике в разделе посвящены статьи Т. А. Воронцовой (о стратегиях и тактиках презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе), Е. Н. Демидовой (о когнитивных характеристиках и критериях разграничения паронимов в научных текстах), А. В. Раздueva (о системообразующих признаках дискурса сферы нанотехнологий), М. А. Заниной (о трудностях перевода метафорических наименований в научном дискурсе).

Большой интерес представляют статьи, предлагающие новые сферы дискурсивного анализа. Так, в статье Е. Н. Азнамеевой рассматриваются особенности функционирования архетипических коцептов в астрологическом дискурсе, Л. А. Шкатова, Н. А. Дьячкова показывают сложное взаимодействие в современную эпоху религиозного и светского дискурсов, в исследовании Р. В. Белютина анализируется информационная структура и специфика языкового оформления онлайн-трансляций в рамках спортивного дискурса.

Личностный (холистический) подход к изучению профессиональной коммуникации, характерный для терминоведения XXI века, представлен в статьях второго раздела выпуска – «Профессиональная языковая личность: когнитивный, коммуникативный и лингвокультурологический аспекты». Авторы исследуют значимые характеристики коллективной языковой личности судьи (Н. П. Глинская), авиадиспетчера (М. Н. Бондарчук), бизнесмена (М. А. Черкасова), спортсмена (А. А. Елистратов, А. Х. Габдуллина), врача (Д. Н. Полякова), экскурсовода (У. А. Жаркова), юриста (Г. В. Кубиц), футбольного комментатора (М. В. Санатина), менеджера (А. Р. Кусяев). Впервые в рамках настоящей конференции рассматриваются модели профессиональной языковой личности (А. Г.-Б. Салахова) и личности геймера (П. В. Часовский). Отдельное внимание в разделе уделяется лингводидактическим аспектам формирования профессиональной языковой личности (статьи Р. А. Абсалямовой, И. А. Бобыкиной, Е. В. Вагановой, О. Н. Ярошенко). В статье О. В. Эфтор обосновывается эффективность использования индекса цитирования научных статей для анализа динамики работ по проблеме языковой личности. В ис-

следованиях А. А. Упорова, А. В. Таскаевой, Н. Н. Саппы, Ю. А. Нелюбиной для изучения языковой личности профессионала привлекается широкий круг лингвокультурных источников.

В центре внимания статей третьего раздела выпуска «Художественный дискурс в контексте профессиональной коммуникации» находятся характеристики авторского мышления и особенности его реализации в творчестве А. Платонова и П. Бажова (И. А. Голованов), В. Муратовского (Н. О. Джуанышбеков), В. Фритца (О. Ю. Подъяпольская), В. Пелевина (Е. Н. Широкова); проблемы перевода художественных текстов (Н. Н. Дуринова, Ф. Е. Исмаилова); специфические формы коммуникации писателя с читателем (Т. Н. Маркова); слагаемые когнитивного стиля поэта (И. А. Тарасова). Особое значение имеют в разделе семиотические аспекты исследования художественного дискурса: отражение реалистических традиций в текстовом пространстве (Г. Д. Ахметова), временная организация художественного дискурса (С. Ю. Двинина), проблемы звуко-символизма в поэтическом произведении (Е. А. Титова), специфика художественной информации и адекватность ее восприятия (Л. И. Стрелец), значимость профессиональных концептов в художественной картине мира (К. А. Керер, Н. В. Разумкова, Е. И. Голованова). Коммуникативная сложность художественного дискурса и многоаспектный характер его интерпретации отражены в статьях Л. А. Белоколенко, Е. В. Ивановой, Н. В. Мамоновой, О. В. Томберг, Н. В. Часовского и Е. В. Шелестюк.

Организаторы конференции и редакторы настоящего выпуска надеются на то, что публикуемые материалы будут стимулировать коллег к активному научному поиску и получению новых данных в области терминоведения и смежных дисциплин.

Сердечно благодарим за рецензирование и подготовку статей к печати сотрудников кафедры теории языка Челябинского государственного университета докторов филологических наук С. А. Питину, Л. А. Шкатову, Т. А. Воронцову и Е. В. Шелестюк.

Зам. председателя оргкомитета
доктор филологических наук, профессор
Е. И. Голованова

В. Ф. Новодранова, Л. А. Манерко

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ

Памяти В. М. Лейчика

Шестого ноября 2013 года вся лингвистическая общественность собиралась отметить 85-летие выдающегося филолога, лингвиста и терминоведа Владимира Моисеевича Лейчика. К этому юбилею готовилось пятое издание его фундаментального труда «Терминоведение: предмет, методы, структура»; вышла его новая книга в соавторстве с С. Д. Шеловым «Терминология и профессиональная лексика: состав и функции»; 22 мая 2013 года В. М. Лейчик блестяще выступил в МГПУ в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации О. Л. Аriskиной, посвященной становлению понятийно-терминологического аппарата морфемики и словообразования в русском языке XVI–XVIII веков; 29 мая 2013 года в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН был успешно проведен семинар «Терминология и языки для специальных целей», для которого Владимир Моисеевич подготовил обобщающий доклад «Новое в проблематике терминоведения (начало XXI столетия)». И вдруг в самый разгар лета, 23 июля 2013 года, внезапная весть – ушел из жизни Владимир Моисеевич Лейчик. Все терминологи и все лингвистическое сообщество восприняли это известие как трагедию для науки и личную утрату для каждого.

Для нас, его друзей и коллег, В. М. Лейчик был ведущим терминологом, основателем новой дисциплины – терминоведение. За последние 40 лет ни одно терминологическое событие в России не проходило без его участия. Он оставил след во многих лингвистических областях, начиная с лексикологии и стилистики и кончая когнитивным терминоведением.

Если проанализировать список опубликованных В. М. Лейчиком работ, то сразу бросается в глаза масштабность, полипарадигмальность и междисциплинарность его мышления. Начав в 60-х годах прошлого века с проблем словообразования во французском языке, В. М. Лейчик развернул неустанную просветительскую деятельность в области разных наук, показывая их взаимодействие и интеграцию: семиотика и информатика, лексикология и лексикография, фразеология и стилистика,

русистика и культура речи, культуроведение и риторика, переводоведение и редактирование, патентоведение и документоведение, рекламоведение и язык СМИ, методология и лингводидактика и т.д.

Основным направлением его научной деятельности стало терминоведение, проблемы которого он начал разрабатывать с 1969 года в своей первой статье «Место терминологии в системе современных наук (к постановке вопроса)». В 70-х годах прошлого века вопросы терминологии автор поднимал в статьях «Терминологическое редактирование переводов» (1972), «Терминоведение и перевод» (1973), «Структурные типы номенклатурных единиц, используемых в рекламных целях» (1979). Уже в эти годы В. М. Лейчик утверждал системный подход к исследованию терминологии в статьях «Термины и терминосистемы» (1973), «Лингвистические методы анализа формирования, строения и функционирования терминов и терминосистем» (1976), «Роль терминов и терминосистем в формировании научной теории» (1980). В 1980-е годы Владимир Моисеевич продолжает разрабатывать теоретические и прикладные аспекты в науке о терминах (1983), дает характеристику языков для специальных целей как функциональных разновидностей национальных языков (1986), определяет семантические и формальные признаки терминоэлементов (1986), ставит вопрос об изучении терминов в тексте (1987), формирует основные положения сопоставительного терминоведения (1988). «К концу 1980-х годов терминоведение получило достаточно стройную теоретическую базу <...>, приобрело черты полноправной области знания с собственной структурой, включающей теоретические и прикладные разделы» [3. С. 122].

В 1990-е годы тема функционирования терминов в тексте получает свое развитие в трудах ученого – им выделены три основных типа текстов: терминопорождающие, терминопользующие и терминофиксирующие. Два первых типа В. М. Лейчик считает первичными, а терминофиксирующие – вторичными, они представлены в терминологических стандартах, ре-

комендациях и словарях. В эти годы он ставит задачу многоаспектной классификации лексики языков для специальных целей, анализирует их современное состояние и намечает перспективы изучения в будущем. В 1980–1990-х годах В. М. Лейчиком была сформулирована целостная концепция терминоведения, основные положения которой получили отражение в главном труде его жизни – монографии «Терминоведение: предмет, методы, структура» (первое издание вышло в Белостоке, Польша, в 1998 году). Именно в этой книге он указал, что термин является объектом целого ряда наук и «каждая наука стремится определить в термине признаки, существенные с ее точки зрения. Действительно, лингвистическое определение термина – это определение языковых его аспектов, логическое же определение – это определение его логических аспектов и т. д.» [4. С. 20]. При этом «термин либо обозначает, либо обозначает и выражает понятие, называя его признаки» [4. С. 23].

Центральной идеей концепции В. М. Лейчика является понимание термина как сложной трехслойной лексической единицы языков для специальных целей, включающей логический суперстрат, естественноречевой субстрат и терминологическую сущность, которая проявляется в содержательной, формальной и функциональной структуре термина. Ученый отмечает: «Термин дан нам в виде лексической единицы, единицы языка, мы имеем полное право утверждать, что термин вырастает в лексической единице определенного естественного языка или что, иначе говоря, лексическая единица этого языка является естественно-языковым субстратом термина» [4. С. 30], причем «ее содержательные, формальные и функциональные признаки могут изучаться совместно или раздельно» [4. С. 31].

В 80–90-е годы XX века в России решительно утверждались идеи и принципы когнитивной лингвистики. Отечественную версию этого научного направления Е. С. Кубрякова назвала когнитивно-дискурсивной парадигмой, расширив рамки зарубежной когнитивной парадигмы знания введением новых дискурсивных параметров: «изучать каждое языковое явление надо в его использовании – в тексте и дискурсе» [1. С. 19]. Когнитивный подход открывал новое видение языковых фактов, давал понимание соотношения языка и действительности, сознания и языковой картины мира, единства процессов номинации и категоризации, про-

блем представления знаний, роли словообразования в формировании картины мира, роли дискурса в реализации семантики слова и т. п.

Когнитивный поворот в терминоведении в 90-х годах прошлого века в значительной степени был подготовлен когнитивной лингвистикой. Заслуга В. М. Лейчика состояла в том, что он, опираясь на достижения традиционного системного подхода в терминоведении, сумел увидеть и оценить новые, когнитивные аспекты в изучении терминов и терминосистем, предоставляющих богатый материал для проверки методов когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике. Об этом свидетельствуют такие его статьи, как «Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии» (1987), «Элементы языкового сознания в эвристической деятельности» (1988), «Базы знаний и логическое программирование в исследованиях процессов терминообразования» (1989), «Использование методов базовых и смежных наук в изучении терминов и терминосистем» (1990).

В 2000-х годах когнитивное терминоведение уже формируется как самостоятельное научное направление со своим категориальным аппаратом, предметом исследования и методами анализа. Это нашло отражение в работах В. М. Лейчика этого периода: «К обоснованию когнитивного терминоведения» (2001), «Понятие и концепт» (совм. с В. Ф. Новодрановой) (2002), «Место терминов в процессах вербализации концептов в семантике языка и текста» (2003), «Дискурс – речь – текст» (2004), «Русское терминоведение: опыт синтеза «старой» и «новой» парадигмы» (совм. с С. Д. Шеловым) (2004) и др.

Переход на новую когнитивно-дискурсивную парадигму в терминоведении был проанализирован в обобщающей статье В. М. Лейчика «Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков» (2007). Когнитивное терминоведение вступает в свои права после подготовительного (с начала XVIII века до конца 20-х годов XX века) и последующих четырех этапов развития терминоведческой науки, – указывает Владимир Моисеевич [3]. Именно в этой работе звучат слова, которые в полной мере раскрывают сущность когнитивного терминоведения: «Применение когнитивного подхода к определению термина, его лингвистических признаков (наличие в структуре терминологического знака

элементов естественно-языкового субстрата и логического суперстрата) и совокупности выполняемых им функций (когнитивная, номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая, эвристическая и др.) позволяет показать, что термин появляется в результате концептуализации как речемыслительной операции, обеспечивающей переход от первоначально субъективных представлений к субъективно-объективному языковому знаку в процессе вербализации специальных концептов в форме слов или словосочетаний – лексических единиц языков для специальных целей (ЯСЦ), то есть функциональных языков, фигурирующих в настоящее время в сферах науки, техники, технологии, экономики, общественно-политических отношений и др.» [3 С. 124]. Понимание терминологической системы – одного из ключевых понятий когнитивного терминоведения – становится возможным на основе когнитивной, содержательной, лингвистической и нормативной характеристик [2].

В. М. Лейчик был не только крупным ученым, разрабатывающим концепции терминоведения, но и талантливым организатором науки, продвигающим терминоведение как самостоятельную научную дисциплину. Он дал путевку в научную жизнь многим молодым исследователям. Под его руководством сформировалась целая плеяда кандидатов и докторов наук. В. М. Лейчик выступал официальным оппонентом и рецензентом на заседаниях советов по защите диссертаций в крупнейших университетах России и Польши.

Владимир Моисеевич – участник многих международных форумов, научных конференций, круглых столов по терминоведению и теории языков для специальных целей. Его имя и научные работы известны во многих странах Европы – в Австрии, Великобритании,

Германии, Дании, Польше и др. Научные труды В. М. Лейчика, а их более 500, включают пять монографий, терминологические словари, учебные пособия, методические рекомендации, материалы многочисленных российских и зарубежных конференций, рецензии на статьи и монографии терминоведов и его собственные статьи в ведущих журналах по языкознанию и терминоведению. Главная монография В. М. Лейчика по терминоведению награждена премией Инфотерма (Австрия), а общий вклад в развитие отечественной науки о терминах и терминостистемах отмечен премией имени Д. С. Лотте, учрежденной Российским терминологическим обществом.

Его дом был добрым и гостеприимным для всех учеников, коллег и друзей. Талант Ученого, щедрость, демократизм и доброжелательность Владимира Моисеевича навсегда останутся в наших сердцах.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
2. Лейчик, В. М. Классификация терминосистем // *Termonologija*. 2008. № 15. С. 10–16.
3. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // *Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. Вып. 5. М. ; Рязань, 2007. С. 121–132.*
4. Лейчик, В. М. *Терминоведение: Предмет, методы, структура.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. 256 с.

ПРОБЛЕМЫ ДИСКУРСА, ЖАНРА И СТИЛЯ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Н. Азнамеева

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045,
проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Рассматривается функционирование теонимических терминов в астрологическом дискурсе на примере толкования гороскопов в лекциях Т. Ринга, выявляются архетипические концепты различных уровней и условия их порождения.

Ключевые слова: архетипический концепт, теонимический термин, деривационная активность, воплощенные имена.

Астрологический дискурс, наряду с мифологией и фольклором, является благодатной почвой для порождения и функционирования архетипических концептов. Астрология насчитывает, по разным данным, от четырех до нескольких десятков тысяч лет, поэтому ее истоки неразрывно связаны с мифологическим мышлением. Архаический характер основных единиц астрологического языка проявляется в названиях знаков зодиака и планет, символическое значение которых восходит к шумеро-вавилонским астральным мифам и к греко-римской мифологии; в них запечатлены корреляции космических объектов с мифологическими фигурами и присущими им сюжетами. Параллелизм между набором функций знаков зодиака и планет и качествами, ассоциированными с мифологическими персонажами в мифах и сказках разных народов, объясняется наличием общечеловеческих архетипических моделей поведения.

Концепция архетипов была разработана К. Г. Юнгом. Он рассматривал их как образные схемы (образцы, модели) инстинктивного поведения, содержащиеся в коллективном бессознательном. Эти схемы не индивидуальны, они составляют содержание коллективного бессознательного и обуславливают поведение множества людей. Но если архетипы, исследованные Юнгом (анима, анимус, тень, персона и др.), представляют глубинную структуру психики универсального человека и осознаются личностью по мере ее продвижения на пути к индивидуации, то архетипы, описываемые последователями ученого, в частности в

рамках направления архетипической психологии, составляют основу для психологической типологизации. Так, в работах Дж. Ш. Болен анализируются архетипические качества, присущие богам и богиням древнегреческого пантеона, и особенности их реализации в жизни и поведении современных людей. По мнению исследовательницы, древнегреческие боги и богини представляют определенные качества в человеческой психике; в виде архетипов в каждом из нас присутствует весь пантеон греческих божеств – как мужских, так и женских, но один из архетипов является доминантным, что и определяет различия между психотипами разных людей [2; 3].

Семантика теонимов не исчерпывается апеллятивной функцией, она является результатом проецирования представлений людей о земной жизни, в том числе и о внутренней реальности человека, на персонифицированные сверхчувственные объекты, соотносящиеся не с единичными явлениями, а с целыми классами явлений. В мифологии теонимы представляют собой концепты с условными экстенционалами, но с широким интенциональным значением. В астрологии собственные имена-теонимы подвергаются терминологизации, но, как модификации одних и тех же инвариантных сущностей, во многом сохраняют функциональную преемственность со своими мифологическими первоисточниками. Астрологические теонимы имеют значения качества, приложимого к множеству объектов и получающего дифференциацию в зависимости от типа объекта и контекста карты.

Глубинное сходство между архетипами, персонифицированными в образах мифологических богов и богинь, и значениями астрологических символов, обусловлено тем, что они отражают врожденные свойства, определяющие базовые психофизические особенности и подсознательные реакции человека. Названия знаков зодиака и планет являются средствами объективации концептов базового уровня макроконцепта «Человек». Классификация по знакам зодиака представляет собой наиболее древнюю и фундаментальную типологию человеческих психотипов, а символы светил и планет воплощают в гороскопах парциальные свойства, субличности, олицетворяющие определенные аспекты индивидуальности – такие, как интеллект, воля, чувства и проч. Другие подсистемы гороскопа также обладают стереотипизированным набором архетипических значений.

Таким образом, компоненты астрологического языка могут быть рассмотрены как знаки, основу содержания которых составляют архетипические концепты. Их архетипический характер проявляется в таких особенностях, как универсализм, связь между индивидуальной жизнью и глобальным уровнем, интуитивная узнаваемость, стереотипизированность, аксиологическая амбивалентность, наличие множества индивидуальных ассоциаций и коннотаций. Каждый из элементов астрологического языка указывает на широкую сферу качественных признаков, ассоциируемых с названиями знаков зодиака и планет.

Архетипические свойства элементов астрологического языка эксплицитно проявляются в стереотипизированных характеристиках астрологических предсказаний в СМИ. Знаки зодиака и планеты в астрологии имеют характер прототипов, близость к которым определяется выраженностью типических или индивидуальных свойств человека – носителя определенных качеств. Динамический аспект функционирования архетипических концептов разных уровней реализуется в астрологической практике в процессе творческой интерпретации.

Примером могут служить стенографические записи семинарских занятий немецкого астролога Т. Ринга [4], их преимуществом является индивидуальный и процессуальный характер интерпретаций, а также спонтанность реакций преподавателя и слушателей, что позволяет проследить за механизмами концептуализации. Концептуализация происходит в ре-

зультате обобщения и языковой объективации наблюдений над человеческими характерами и событиями жизни. С одной стороны, общеизвестные термины направляют поток ассоциаций, с другой, оязыковление данных смыслов в конкретных контекстах способствует появлению окказиональных обозначений, которые при определенных условиях могут войти в идиолект или речевую практику астролога.

Инвариантный характер значений астрологических теонимических терминов, высокая степень их абстрагированности проявляется в рекуррентном использовании абстрактных существительных, субстантиваций, а также окказиональных неологизмов, обозначающих качество в чистом виде (*skorpionenhaft, uranushaft, marsisch, ganzwasser männisch, Plutonisches, das Venushafte*), что подчеркивает обобщенность представлений, связанных со знаками зодиака и планетами. Эти значения раскрываются в текстах через ассоциации, **толкования и иллюстрации** (*dieses Neptunische, Atmosphärenhafte, Schwingende; wenn man marsisch ein Vorhaben so anspannt, daß es ein Krampf wird; Skorpion? – nun, das Zweiflerische ja? ...also da bezweifelt man alles, man möchte alles umwälzen*). Использование окказиональных субстантиваций при наличии соответствующих существительных в языке (**Saturn...** als Element der Depression, des Depressiven; **Jupiter:** die Rechtlichkeit, also Rechtsfragen. Es ist natürlich nicht der Anspruch vor dem Rechtsanwalt, sondern das Rechtliche, das Recht) подчеркивает **более широкий и неконвенциональный набор смыслов, вкладываемых** в эти обозначения.

В отличие от стереотипных характеристик, используемых в прогнозах СМИ, в индивидуальных гороскопах обобщенные представления в процессе толкования подвергаются детализации и спецификации. При трактовке гороскопа происходит индивидуализация и конкретизация качеств человека, отраженных основными архетипическими концептами. Синтез качеств знаков зодиака, планет, аспектов и других характеристик дает новые, более индивидуализированные значения, которые в ряде случаев можно рассматривать как архетипические концепты более низкого порядка (поскольку они известны меньшему кругу людей) или потенциальные концепты, находящиеся в процессе своего становления.

В качестве одной из особенностей архетипа К. Г. Юнг отмечает его свойство вызывать в сознании каждого человека индивидуальные

ассоциации. Так, асцендент в Весах у Т. Ринга и его слушателей вызывает представления о чем-то раскачивающемся, расслабленном, равномерном, упорядоченном, плавном; связывается с любезным и предупредительным отношением к людям; ассоциируется с Австрией и Веной, легкостью и восприимчивостью – и все это концептуализируется как «Tanzmeisterstil» (танцевальный стиль). Слабый пораженный Нептун, по Рингу, имеет свойство «парфюмированного», что означает смешение реального и туманного. Такие окказиональные концепты являются промежуточной ступенью для формирования стереотипизированных прототипических концептов субординатного уровня.

При толковании астролог проводит параллели между положением планеты в гороскопах известных личностей, имена которых при восприятии вызывают в сознании ряд ассоциаций. Например, расположение Солнца и Луны в Тельце во втором поле у Маркса, по мнению Т. Ринга, коррелирует с его особым отношением к деньгам, которое в молодости выразилось в его расточительности (Meistverbraucherseiner Generation), а в зрелом возрасте в интересе к вопросам собственности на средства производства. Положение Венеры в Овне астролог связывает с плохими отношениями клиента с матерью и с пресловутым эдиповым комплексом. Большое количество проводимых параллелей и примеров является особенностью учебных астрологических текстов, связанных с эмпирическим характером астрологической практики, и является основой для формирования новых архетипов.

Прецедентные имена, служащие для иллюстрации особенностей характера или судьбы в астрологии, также как и в психологии, можно, вслед за Н. Э. Арутюнян [1], назвать воплощенными. В художественной литературе, по мнению исследователя, воплощенные имена, в отличие от говорящих имен, выделяющих

какой-то признак литературного героя, связаны с определенными событиями в их жизни или поступками. Исследователь отмечает, что такими же особенностями обладают имена не только литературных персонажей, но и реальных людей, сыгравших значительную роль в истории или культуре общества. Эти ассоциации, являющиеся общими для части говорящего сообщества, несут в себе моменты стереотипизации и, следовательно, обладают потенциалом для формирования новых концептов. При повторяемости связь между определенным положением астрологических показателей и качествами их носителей закрепляется и конвенционализируется, представляя архетипическую ситуацию или архетипическое свойство-характера человека.

Таким образом, астрологическая практика и астрологический контекст являются зоной повышенной деривационной активности для образования концептов, связанных с характеристикой человека.

Список литературы

1. Арутюнян, Н. Э. Имя собственное как концепт // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участников IV Междунар. науч. конф. Т. 2. Челябинск, 2008. С. 21–25.
2. Болен, Дж. Ш. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин / пер. с англ. Е. Мирошниченко. М., 2008. 400 с.
3. Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины Архетипы богинь / пер. с англ. Г. Бахтияровой и О. Бахтиярова. М., 2008. 352 с.
4. Ring, Th. *Dierevidierte Astrologie: Seminarin Kopenhagen* [Электронный ресурс]. URL: http://www.astro.com/astrologie/in_ring74_teilhor_g.htm.

ТЕКСТОВЫЕ ОНЛАЙН-ТРАНСЛЯЦИИ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ: ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Рассматриваются особенности семиотического пространства текстовых онлайн-трансляций как одного из наименее изученных субдискурсов спортивной медиакоммуникации. Определяются ключевые модули их информационной структуры, выделяются компоненты, отвечающие за информационную насыщенность текстов. На примерах демонстрируется реализация двух противоположных принципов – инновативности в репрезентации знаний и конвергенции, сближения с классическими массмедийными жанрами.

Ключевые слова: спортивный дискурс, текстовые онлайн-трансляции, информационная структура, мультимодальность, принцип инерционности.

Сегодня вряд ли кто-то возьмется оспаривать тот факт, что наиболее семиотически активным по различным вербальным и невербальным показателям является интернет-дискурс. Как справедливо отмечает М. Р. Желтухина, Интернет, объединяя качественные характеристики всех остальных видов средств массовой информации, «отличается высокой степенью интертекстуальности, гипертекстуальностью, интерактивностью» [4. С. 111]. Кроме этого, медийная интернет-среда, в отличие от классической модели коммуникации, формирует абсолютно новую форму сотрудничества адресанта и адресата, при которой у последнего открываются более широкие, инновативные способы удовлетворения информационных потребностей и предпочтений.

Функциональная дифференциация в сфере интернет-коммуникации становится все более очевидной. Это выражается в появлении новых жанров медийного дискурса, которые, в свою очередь, стимулируют развитие новых типов текста, обладающих определенной лингвокогнитивной, лингвoseмиотической, лингвостилистической и лингвокультурологической спецификой. К числу набирающих популярность информационных интернет-источников можно отнести текстовые онлайн-трансляции спортивных событий (Live-Ticker), которые базируются на периодически обновляемых письменных комментариях модератора о ходе соревнования и сопровождающих текстовую информацию графических знаках.

Информативность – основная категория любого текста, она может включать различную по своему прагматическому назначению и степени насыщенности информацию: содержатель-

но-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую.

Информационное поле текстовых онлайн-трансляций состоит из нескольких блоков (модулей), каждый из которых репрезентирует определенный аспект освещаемого спортивного события. Информационные модули обладают собственной системой семиотических ресурсов, которая позволяет производить многосторонний трансфер нового знания. Ниже представлен фрагмент текстовой онлайн-трансляции матча принципиальнейших соперников бундеслиги – «Шальке 04» (Гельзенкирхен) и «Боруссии» (Дортмунд) (игра проводилась 09.03.2013 в 15.30).

The screenshot shows a live broadcast interface for a football match between FC Schalke 04 and Borussia Dortmund. At the top, the score is 2:1 in favor of Borussia Dortmund. Below the score is a match timeline from 0 to 90 minutes. To the right, there are several advertisements, including one for Sony and another for a chocolate brand. Below the timeline, there is a table of player statistics for both teams, including names like Hildebrand, Hübner, and Kolasnac. At the bottom, there is a section for 'Einwechslungen' (substitutions) with names like Pukki, Fuchs, and Raffael.

В левом нижнем углу размещается «сердцевина» текстовой онлайн-трансляции – репортаж о ходе матча. Информация обычно имеет нарративную форму, то есть линейно упорядоченную, однако при этом наблюдается одна особенность – временные параметры, указывающие в левой части, показывают, что поль-

ция и флексибилизация. В этом, собственно, и заключается эксклюзивность, самобытность и инновативность данного медийного продукта.

С другой стороны, исследуемый дискурс не лишен устоявшихся, конвенционализованных знаковых образований, прежде всего в плане языковых средств выражения тех видов информации, которые формируют коммуникативное пространство текстовых онлайн-трансляций. Среди заимствованных приемов, которые в значительной мере определяют стиль письменной онлайн-коммуникации в новом медийном жанре – гиперболизация, суперлативизация, метафоризация, «переключение» на нормы устной речи и др.

Список литературы

1. Белютин, Р. В. Метафоры в спортивном нарративе // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 129–134.
2. Белютин, Р. В. Гипербола в спортивном языковом пространстве // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33. С. 29–31.
3. Голованова, Е. И. Место и функции антиконцепта в сферах специального знания // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. М. ; Тамбов, 2012. С. 152–162.
4. Желтухина, М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиа коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. М., 2003. С. 109–132.
5. Hauser, S. Live-Ticker: Ein neues Medienangebot zwischen medienspezifischen Innovationen und stilistischem Trägheitsprinzip [Электронный ресурс]. URL: http://www.soz.uni-frankfurt.de/K.G/F1_2008_Hauser.pdf.
6. Ziem, A. Fußball als Zeichenprozess: Ansätze zu seiner diskursanalytischen Beschreibung. In: Fußball als Leitdiskurs? (Hrsg. von A. Ziem). Tübingen, 2010. Band 32. Heft 3 4. S. 227–241.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 16–22.*

Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТРУКТИВНОГО ДОКУМЕНТА МЕТОДОМ «ВСТРЕЧНОГО ТЕКСТА»

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант №12-04-00219
«Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного
русскоязычного документа»

Обсуждаются психолингвистические методы диагностики доступности организационно-распорядительных документов и выявления факторов, повышающих / понижающих степень адекватности их понимания реципиентами-специалистами. Авторы полагают, что метод «встречного текста» оптимален для определения качества восприятия реципиентами-профессионалами распорядительно-организационного текста.

Ключевые слова: языковое сознание, речевая деятельность, ассоциативный эксперимент, семантический эксперимент, методика «встречного текста», официально-деловой текст, восприятие текста, понимание текста.

Актуальность исследования обусловлена нарастающей стилиевой, лексической, семантической стереотипностью официально-деловых текстов, не облегчающей, а увеличивающей сложность восприятия и понимания их содержания. Официально-деловая коммуникация

вовлекает в зону своего действия большую аудиторию коммуникантов-специалистов. При этом не всегда очевидно, насколько хорошо воспринимается и адекватно понимается официально-деловой текст теми, кому он предназначен.

Порождения и восприятия речевого произведения – взаимосвязанные и взаимозависимые процессы, требующие активной речевой деятельности продуцента и реципиента. Теория речевой деятельности позволяет диагностировать доступность организационно-распорядительных документов, функционирующих в определенных типах дискурса на территории одного региона, исследовать факторы, повышающие / понижающие степень адекватности их понимания реципиентами-специалистами.

В данном исследовании учитываются теоретические достижения ряда научных направлений, исследующих текст с точки зрения его порождения, восприятия, понимания, структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации:

– *русской психолингвистической школы*, рассматривающей текст как результат речевой деятельности его продуцента и реципиента (теория речевой деятельности Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. Ф. Петренко; концепция смыслового восприятия речевого сообщения И. А. Зимней, психолингвистический подход к восприятию текста А. А. Залевской, психолингвистическая концепция текста Н. И. Жинкина, получившая дальнейшее развитие в трудах А. И. Новикова; теория сознания и его структуры А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Ф. Е. Василюка, В. Ф. Петренко, теория языкового сознания А. А. Залевской, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, современная психолингвистическая теория значения как достояния индивида А. А. Залевской, Н. О. Золотовой, Е. В. Лукашевич, Е. Ю. Мягковой, В. А. Пищальниковой; концепция смысловых доминант и эмоционально-смысловых доминант В. А. Пищальниковой, Ю. С. Сорокина, А. В. Кинцель; психолингвистическая «концепция смысла», разрабатывающая механизмы формирования содержания текста (А. И. Новиков, В. Н. Пешкова, А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка);

– *когнитивно-дискурсивного подхода* (когнитивно-дискурсивный анализ текста Е. С. Кубряковой, З. А. Харитончик, В. З. Демьянкова и др.; коммуникативно-прагматические исследования дискурса / текста ван Дейка, Кинча, Р. Барта, Н. Д. Арутюновой, Г. В. Колшанско-

го, В. Б. Касевича, А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой, К. Ф. Седова, В. В. Дементьева, моделирование авторского сознания по тексту Л. О. Бутаковой, исследования категории текстовой компетенции М. Я. Дымарского);

– *функциональных исследований текста как межпарадигмального объекта* (акцентирование коммуникативно-диалогической природы текста в философских, семиотических, общелингвистических, лингвистических исследованиях М. М. Бахтина, Р. Барта, Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова, Т. Г. Винокур, А. И. Новикова, Е. В. Сидорова, А. А. Чувакина, Н. С. Болотновой и др.);

– *документной лингвистики и исследований делового общения* (лингвистический анализ делового текста в работах С. Е. Максимова, И. Д. Сухановой, А. В. Крыминой, В. В. Радченко, Л. Р. Дускаевой, Л. В. Рахманина, Н. И. Кузнецовой, С. П. Кушнерука, Е. В. Ковшиковой, О. С. Сыщикова, А. А. Алексеевой; описание феномена деловой речи Т. В. Матвеевой, когнитивное моделирование делового дискурса Т. А. Ширяевой, функционально-генетическое исследование официально-делового текста О. П. Сологуб и др.).

Основной акцент в данной статье делается на психолингвистическом подходе к процессам понимания текста, методам его экспериментального изучения.

Целью статьи является обобщение результатов психолингвистического эксперимента, проведенного с помощью метода «встречного текста», установление особенностей процесса понимания реципиентами-профессионалами официально-деловых (ОД) текстов, регламентирующих внутренний распорядок медицинского учреждения и выполнение профессиональных обязанностей его работниками.

В рецепции текста нами разграничивались процессы:

– восприятия и понимания, результатом которых становятся ментальная репрезентация содержания текста (ментальный образ содержания текста), включенная в смысловое поле реципиента;

– осмысления (интериоризации всей структуры значения текста) и интерпретации (рефлексия над осмыслением текста).

Понимание текста рассматривалось нами как процесс его интерпретации, на который оказывают влияние и его содержательно-смысловые характеристики и его внешняя языковая структура. Реципиенты в процессе понимания

играют активную роль, не просто адресата, но и одновременно автора «встречного текста».

«Жизненный цикл» текста представляется психолингвистам в виде схемы, имеющей двойное обозначение: ПОРОЖДЕНИЕ – ТЕКСТ – ПОНИМАНИЕ или ЗАМЫСЕЛ – ТЕКСТ – СМЫСЛ [6. С. 26]. В самостоятельной жизни текста [10. С. 121–126] проявляется его природа и реализуются такие его характеристики, как информативность и имплицитность. Любой текст естественного языка несет в себе информацию, которая сама по себе всегда неоднозначна. Имплицитность [6] присутствует в содержательной структуре текста в двух видах – пресуппозиции и импликации [7]. Природа текста на стадии порождения обеспечивает его многозначность. Воспринимая письменную информацию, реципиент строит свой собственный «встречный текст» (в терминологии А. И. Новикова) или контртекст (в терминологии Н. И. Жинкина) как «набор индивидуальных реакций» [11. С. 39–51; 8; 9]. Такой набор реакций можно охарактеризовать как индивидуальную стратегию понимания текста. Действие индивидуальной стратегии понимания обеспечивается определенными, присущими данному индивидууму ментальными и психическими особенностями, а также наличием у него собственного запаса предварительных знаний, приобретенных до чтения текста.

Для исследования процессов понимания ОД текстов было предположено следующее: на процесс понимания данных текстов оказывают влияние как объективные факторы, присутствующие самому воспринимаемому вербальному материалу, под которыми понимается сложность содержательной структуры и специфика семантической организации текста, и субъективные факторы, к которым относится уровень языкового и когнитивного развития воспринимающего текст индивида, степень профессиональной стереотипизации его сознания.

Общая характеристика экспериментального материала. В качестве экспериментального материала использовались ОД тексты г. Омска, имеющие статус обязательных инструктивных документов центра современной медицины типа: «Должностная инструкция врача-кардиолога», «Должностная инструкция старшей медсестры», «Правила внутреннего трудового распорядка и проч. Тексты написаны официально-деловым стилем, отличаются книжностью, обращены к конкретному адреса-

ту, обозначенному в заглавии, содержат четко выраженные информационные блоки инструктивного характера и регламентирующие профессиональное поведение адресата компоненты, соотношенные с российским законодательством.

В структурном отношении тексты однотипны. Они четко делятся на композиционные блоки, каждый из которых графически отделен от другого, имеет внутреннюю и внешнюю нумерацию. Количество структурных частей и их порядок обусловлены жанровым канонем ОД текста и объемом необходимой информации. Тексты, соответствующие речевому жанру инструкции, содержат четыре структурных компонента: «Общие положения», «Обязанности», «Права», «Ответственность».

Тексты относятся к императивным речевым жанрам, содержат информацию о действиях, обязательных для исполнения адресатом, реализуют «формально-содержательную инвариантную модель текстов с общей коммуникативной целью (или с общей коммуникативной функцией) давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия», функционируют только в ОД стиле [12. С. 10]. Они входят в «арсенал речевых действий людей, вступивших в отношения с целью осуществления общего дела, оптимизация которого предполагает заключение делового договора, регулирующего их отношения» [12. С. 65].

Подробный анализ данных, полученных в результате предварительного и первого этапа эксперимента, содержится в [1; 2].

Описание эксперимента с использованием метода «встречного текста». Эксперимент на порождение «встречного текста» являлся заключительным этапом исследования проблемы восприятия и понимания официально-делового документа. В ходе этого этапа эксперимента предполагалось получить картину индивидуальных реакций, возникших в процессе понимания письменного текста. Реципиентами на этом этапе эксперимента (апрель–май 2013 года) были те же сотрудники центра современной медицины г. Омска. Каждому участнику эксперимента необходимо было заполнить анкету. Анкета содержала вопросы, касающиеся информации о референте (пол, возраст, профессия, должность, стаж), и задания по порождению встречного текста. В каждую анкету были включены два текста должностных инструкций – санитарки лабораторного кабинета

та и врача-терапевта, разделенные на пункты. После каждого пункта было оставлено место для реакции реципиента (несколько строк). Была поставлена следующая задача: выразить свою реакцию на прочитанные пункты, то есть написать все то, что на момент поочередного прочтения каждого предложения возникало в сознании реципиента: *«Читая текст, составьте свой «контртекст». Контртекст – это все то, что возникает в вашем сознании как результат понимания очередного пункта инструкции. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредованно, в том числе и различного рода ассоциации»*. В ходе эксперимента было зафиксировано два отказа от выполнения заданий.

Задачами данного этапа было уточнение видов реакций, повторяющихся для обоих текстов и являющихся преобладающими для испытуемых; проведение качественного анализа выявленных реакций и их классификация; выявление ядерно-периферийных типов реакций; экспликация устойчивого набора реакций, действующих как стратегии реципиентов при восприятии текста.

Результаты эксперимента на порождение «встречного текста» (на примере восприятия текста должностной инструкции санитарки лабораторного кабинета). Проведение эксперимента было связано с рядом трудностей, обусловленных непониманием и отчасти нежеланием профессионалов углубляться в содержание хорошо знакомых им текстов. Именно это обусловило характер рецепций – их неразвернутость, преобладание реакций по типу «подтверждение информации» и «положительная реакция», большое количество пропусков ответов, малое количество дополнений, несогласий, редкость эмоционального реагирования. Вероятно, текст представлялся большинству реципиентов оптимальным по форме и содержанию. У реципиентов задание сказать что-либо по поводу прочитанного вызывало удивление, что указывает на буквальность восприятия содержания ОД текстов инструктивного типа, незначительную активацию когнитивных механизмов, связанных с интерпретацией исходного текста.

Все реакции испытуемых были разделены на два основных блока: реакции, относящиеся непосредственно к содержанию должностной инструкции (ДИ), и реакции, относящиеся собственно к тексту ДИ.

По результатам эксперимента, среди реакций, относящихся непосредственно к тексту ДИ, чаще всего встречаются «положительные реакции»(113) и реакции, подтверждающие информацию (64). Как было сказано выше, это связано прежде всего с тем, что текст ДИ реципиентам хорошо знаком и у них не было желания глубоко его интерпретировать. Далее следуют реакции «рассуждения» (20), «утверждения» (18), «мнения» (17) и «пропуск ответа» (17). Остановимся на этих реакциях более подробно (см. таблицы 1, 2, диаграммы 1,2).

«Рассуждение». В основном реципиенты «рассуждали» об обязанностях санитарки и ее правах. Например, на пункт 2.10. (Ежедневно дезинфицировать лабораторную посуду) была получена следующая реакция: *«Обязательно, посуды тоже всегда много»*. Реакции являлись также откликом на такие пункты, как: «1.2. Санитарка назначается и увольняется директором (главным врачом) клиники по представлению главной медицинской сестры в соответствии с действующим законодательством», «1.4. Объем работы санитарки устанавливается главной медицинской сестрой», «1.5. В своей работе санитарка руководствуется должностной инструкцией, указаниями главной медицинской сестры», «3.2. [имеет право] Вносить предложения по улучшению условий труда» и др.

Приведем несколько примеров реакций на текст:

Пункт 1.2. Санитарка назначается и увольняется директором (главным врачом) клиники по представлению главной медицинской сестры в соответствии с действующим законодательством.

Ответ 1: *«Скорее, принимается на работу, так как назначение в отношении санитарки звучит как-то странно (врач, 52 года)»*.

Ответ 2: *«Сестрой-хозяйкой представляется (врач, 27 лет)»*.

Пункт 2.3. Производить влажную уборку закрепленных за ней помещений с применением дезинфицирующих средств два раза в день.

Ответ 1: *«Хоть бы один раз тщательно (врач, 52 года)»*.

Ответ 2: *«желательно (м/с, 54 года)»*.

«Утверждение». Данные реакции с одинаковой частотой встречаются во всех четырех блоках инструкции. Утверждение может быть связано с личным опытом и знаниями реципиента (пример: «2.4. Производить генеральную уборку закрепленных за ней помещений один раз в неделю». Ответ: *«не думала об этом»*;

«2.10. Ежедневно дезинфицировать лабораторную посуду.» Ответ: «не знаю»), с представлениями о том, что должно быть (пример: «1.4. Объем работы санитарки устанавливается главной медицинской сестрой». Ответ: «так должно быть»); «2.11. Знать и соблюдать правила охраны труда, техники безопасности, пожарной безопасности, правила санитарно-гигиенического и противоэпидемического режима.» Ответ: «должны все»), а также может заключать в себе конкретный ответ на прочитанную информацию (пример: «3. Санитарка имеет право». Ответ: «имеет»).

«Мнение». Выражение своего мнения также встречается во всех четырех блоках. Они могут касаться, например, обязанностей санитарки (ответ: «Выполнять требования ДИ, требования нормативных документов (по дезинфекции, например»), ее прав (ответ: «На отдых, уважение к своему труду»); выражать личный опыт реципиента (пример: «2.4. Производить генеральную уборку закрепленных за ней помещений один раз в неделю». Ответ: «Это вообще мало кто выполняет»), содержать поправки и предложения (примеры: «2.5. Проводить кварцевание кабинетов три раза в день». Ответ: «Я думаю, что за этот пункт несет ответственность медперсонал (медсестры»); «2.12. Своевременно проходить обязательный медицинский осмотр и профилактические прививки». Ответ: «Это касается всех, а не только санитарок»).

«Дополнение». Реакции, содержащие некоторую дополнительную информацию, также встречаются во всех блоках ДИ. Реакция в основном является дополнением к тексту (примеры: «1.3. Санитарка подчиняется главной медицинской сестре, медицинским сестрам клиники». Ответ 1: «+ совести своей», ответ 2: «И главному врачу. Выполняет поручения (касающиеся чистоты и порядка в Центре) врачей»; «2.1. Получать у главной медицинской сестры моющие и дезинфицирующие средства, расходный материал и целесообразно их использовать». Ответ: «и где-то хранить»).

«Пояснение». Данные реакции поясняют содержание конкретного пункта и встречаются лишь в блоках «Обязанности» и «Оценка работы и ответственность» (примеры: «2.13. Выполнять поручения главной медицинской сестры». Ответ: «разовые»; «2.5. Проводить кварцевание кабинетов три раза в день». Ответ: «В зависимости от кабинета, согласно графика кварцевания»; «2.12. Своевременно

проходить обязательный медицинский осмотр и профилактические прививки». Ответ: «по графику»; «4.1. Оценка работы санитарки производится главной медицинской сестрой на основании выполнения должностных инструкций, указаний врачей, главной медицинской сестры и соблюдения правил внутреннего трудового распорядка». Ответ: «Подчиняется только гл. медсестре и сестрам кабинета»).

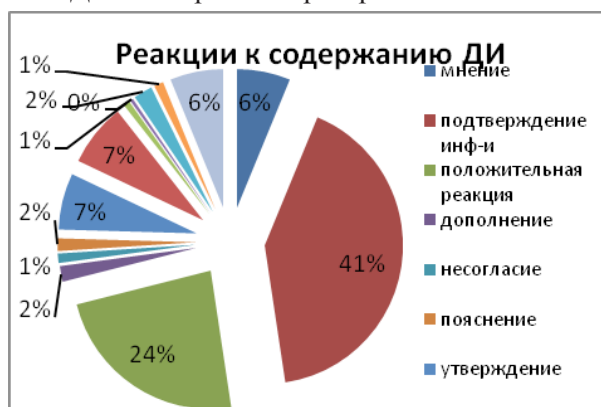
Таблица 1

Реакции непосредственно к содержанию ДИ санитарки лабораторного кабинета

Реакция	Количество реакций
Подтверждение информации	113
Положительная реакция	64
Мнение	17
Дополнение	5
Несогласие	3
Пояснение	4
Утверждение	18
Рассуждение	20
Философия	2
Эмоция	1
Сомнение	6
Исправление	3
Пропуск ответа	17

Диаграмма 1.

Реакции непосредственно к содержанию ДИ санитарки лабораторного кабинета



Что касается реакций, относящихся собственно к тексту ДИ, то здесь наиболее частотная реакция – выражение «мнения», касающегося в основном координации работы среднего и младшего медперсонала, замечания и поправки чаще всего встречаются в блоке «обязанности». Например:

Пункт 2.9. Обеспечивать своевременную смену спец. одежды, белья; контролировать процедуру приема-сдачи белья и спец. одежды в прачечную, утюжить выстиранное белье.

Ответ 1: «за этот пункт должна нести ответственность сестра-хозяйка».

Ответ 2: «для этого нужна сестра-хозяйка».

Ответ 3: «это должна сестра-хозяйка».

Ответ 4: «смену спецодежды должен контролировать каждый, а остальное санитарка».

Ответ 5: «сестра хозяйка занимается».

Таблица 2

Реакции собственно к тексту ДИ

Реакция	Количество реакций
Положительная реакция	1
Мнение	9
Дополнение	2
Пояснение	1
Утверждение	3
Рассуждение	1
Вопрос	3
Оценка	4
Исправление	2

Диаграмма 2

Реакции собственно к тексту ДИ санитарки лабораторного кабинета



Выводы и перспективы дальнейших исследований. Исследование процессов восприятия ОД текстов медицинского дискурса показало определенную вариативность смыслообразования реципиентов, связанную с профессиональной профилизацией сознания. Она проявилась в неровности восприятия. Методика семантического дифференциала дала возможность выявить преобладающую позитивную оценку реципиентами-медиками текстов инструктивного типа, регламентирующих их

должностные обязанности и работу медицинского учреждения. С ее помощью были получены высокие положительные индексы для половины шкал.

Наибольшая интенсивность отношения реципиентов фиксировалась при восприятии рациональной организации и информационной стороны текстов. Не случайно качества *доступности* и *понятности* регулярно были оценены как наиболее интенсивные. Качества *стандартности*, *продуманности* и *честности* чаще всего образовывали группу постепенно снижающихся, но не переходящих черту высокой интенсивности, параметров восприятия текста.

Ценностный аспект текстов также оказался существенным, что выразилось в высоком позитивном показателе фактора «постоянство». Одновременно у текстов обнаружился невысокий воздействующий потенциал, связанный с неравномерностью объема блоков текстов, уровнем значимости передаваемой информации для реципиентов, со структурной и содержательной неоднородностью частей.

Использование методики «встречного текста» дало сопоставимые результаты, позволяющие сделать ряд выводов о стратегиях понимания текста профессионалами и дать ряд комментариев по улучшению текстов ДИ.

Эксперимент второго этапа проявил высокую степень стереотипизованности профессионального сознания медицинских работников, что не позволяло им глубоко понимать и интерпретировать текст. Структура и содержание ОД текстов хорошо знакомы реципиентам, не требуют затраты значительных усилий на прочитывание и понимание. Это привело к большому количеству позитивных реакций, выражающих согласие с написанным, и незначительному количеству реакций, содержащих эмоцию, оценку, комментарий, дополнение и др. Между тем сам текст провоцировал реципиентов активизировать метатекстовые когнитивные стратегии в процессе восприятия и понимания, на что указывают реакции, касающиеся собственно текста.

Если разделить исследованные тексты по формуле «золотого сечения», то в зоне повышенного внимания реципиентов оказывается раздел «Права». Именно на этот небольшой раздел приходится много реакций, выражающих эмоцию, оценку, несогласие, сомнение, рассуждение, утверждение, мнение. Отсюда вытекает следующее: для повышения степени

воздействия текста на адресата необходимо помещать наиболее важную информацию в середину ОД текста (в нашем случае – в разделе «Права»). Разделы должны быть также примерно равны по размеру и графическому делению, длинные и громоздкие формулировки редко воспринимаются адресатом и вызывают формальный отклик.

Оказалось, что разные категории профессионалов (старший, средний и младший медицинский персонал) по-разному воспринимают ОД тексты: в реакциях ощутимы проявления профессиональной этики.

Использование экспериментальных психолингвистических методов для исследования восприятия официально-деловых текстов реципиентами-профессионалами методически обоснованно и эффективно. Процедурой верификации результатов семантического дифференциала может стать направленный ассоциативный эксперимент, целью которого будет определение психологического значения прилагательных, используемых в качестве названий шкал. Кроме того, перспективным является расширение текстовой базы и профессиональных групп реципиентов.

Список литературы

1. Бутакова, Л. О. Восприятие современного русскоязычного документа медицинского дискурса / Л. О. Бутакова, Н. П. Янкелевич // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 1 (8). Н. Новгород, 2013. С. 30–46.
2. Бутакова, Л. О. Речевая деятельность в официально-деловой сфере: восприятие современного русскоязычного документа / Л. О. Бутакова, Н. П. Янкелевич // Коммуникация.

Мышление. Личность : материалы междунар. конф., посв. памяти И. Н. Горелова и Г. Ф. Седова. Саратов, 2012. С. 218–231.

3. Кинцель, А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000. 152 с.
4. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск, 2000. 110 с.
5. Петренко, В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983. 175 с.
6. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб., 2005. 480 с.
7. Пешкова, Н. П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2002. 353 с.
8. Пешкова, Н. П. **Смысл текста и его многозначность // С любовью к тексту / под ред. Ю. М. Камильяновой.** Уфа, 2006. С. 39–51.
9. Пешкова, Н. П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н. П. Пешкова, А. А. Авакян, И. В. Кирсанова, И. Н. Рыбка. Уфа, 2010. 268 с.
10. Пешкова, Н. П. **Типологические исследования научного и делового дискурса: психолингвистический аспект // Языковая личность – текст – дискурс: теоретический и прикладные аспекты исследования.** Ч. 1. Самара, 2006. С. 121–126.
11. Пешкова, Н. П. **Типология научного текста: психолингвистический аспект.** Уфа, 2002. 261 с.
12. Рехтин, Л. В. Речевой жанр инструкции: полевая организация : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005. 194 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 22–25.

А. Б. Бушев

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Анализируются типичные языковые особенности экономического дискурса. В качестве материала исследования использованы научные и публицистические тексты, посвященные мировому экономическому кризису.

Ключевые слова: *экономический дискурс, метафора, эвфемизм, перифраза, термин.*

В настоящей статье дискурсивному анализу (о методологии см.: [2; 3]) подвергаются типичные особенности экономического дискурса. Материалом являются научные и публицистические тексты об экономическом кризисе, охватившем мир в 2008 году.

Когда речь заходит о деньгах, в экономическом дискурсе особенно часты **иносказания** и **эвфемия**. Так, слова *resources, funds, finances* привычно употребляются вместо *money*, обозначение *devaluation* заменяется на *exchange rate adjustment*. Названиями, камуфлирующими действительность (подтасовка отчетности), являются *creative book-keeping, черная бухгалтерия*.

Ставшие в последние годы традиционными сообщения о кризисе изобилуют эвфемизмами типа *рост без развития, нулевые темпы роста, коррекция вниз = кризис, либерализация цен = их повышение, проблемы с ликвидностью = нехватка денег, высвобождение кадров = оптимизация занятости, социальное пособие = пособие по безработице*. Загадочны и необычны транслитерированные в русском языке экзотические термины *флуктуация, аддикция, рецессия* и проч.

Обратимся к метафорике бирж: *рынок в неважной форме, превалирует медвежье настроение, рынок не бьет рекорды* и проч. Говоря о **метафорике экономического дискурса** в целом, следует помнить, что этот дискурс изобилует банальными, стертыми метафорическими рефлексамии как свидетельствами метафорического переноса в словообразовании, например:

Cut the interest rates, the prices soared, tightening credit, put downward pressure on consumer spending, , a key economic engine, outstanding debts, a period of global growth, the debt grew, speculative bubbles, to lower the underwriting standards, to increase their loan volume and total profit, to issue bonds to hold to maturity, financial leverage, mortgages began to default, to hedge risks, stock indices entered a bear market, a bailout plan, credit crunch, to have a history of loan delinquency, predatory lending practices, a cash flow waterfall, easy money, loose credit.

Инвентаризация банальных метафор не входит в наши задачи: затушеванные метафоризации не несут ничего нового, не воспринимаются говорящим и слушающим, это автоматизации. Однако отметим, что в традиции американской теории метафоры выполнено множество исследований, описывающих ко-

нечное число моделей таких метафоризаций – например, роста, животного мира, болезни, дороги и т. д.

Следует констатировать, что терминология кризиса в целом нова: слов *subprime, bailout, credit crunch* в привычном для нас значении нет в словарях даже 90-х годов XX века. Это свидетельствует о развитии языка и изменениях в менталитете, так как за каждым словом стоит концепт. Другие термины существуют давно, но непонятны без предварительной семантизации, например: *first lien mortgage, markdowns, margin calls, underwriting standards, non-recourse loans, adjustable rate mortgages, mortgage – backed securities*. Сравните также: *Lenders had begun foreclosure procedures*.

Словосочетание *subprime mortgage crisis* требует семантизации слова *subprime*, в современном своем значении известного с 1993 года и ставшего словом 1998 года:

Subprime lending is the practice of lending, mainly in the form of mortgages for the purchase of residences, to borrowers who do not meet the usual criteria for borrowing at the lowest prevailing market interest rate.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debt holders, in particular MBS investors, from the risk of default. (Здесь, кроме всего прочего, пояснения требует и *MBS = mortgage backed securities*). *Like all swaps and other financial derivatives, CDS may either be used to hedge risks (specifically, to insure creditors against default) or to profit from speculation.*

Полагаем, что причина кризиса проста, сколько ни укрывай ее за эвфемизмами: *Mortgages were issued to households with low incomes and assets and with troubled credit histories. Lenders have offered increasingly risky loan borrowers.* Однако посмотрим на **эвфемизмы**, свойственные дискурсу о кризисе: *housing bubble, higher risk lending practices, liquidity risk, mortgage default, lending to uncreditworthy borrowers, capital flows, opaque financial products*. Все **риски игры на бирже завуалированы эвфемизмами**:

To assume difficult mortgages in the belief they would be able to quickly refinance at more favorable terms.

The risks to the broader economy created by the housing market downturn.

The federal government bailout of thrifts during the savings and loan crisis of the late 1980s may have encouraged other lenders to make risky loans, and thus given rise to moral hazard.

Укрыты за эвфемизмами и последствия неразумной погони за доходными финансовыми операциями по вложению в сомнительные ценные бумаги: *To minimize collateral damage to the economy*. Вторая причина – создание таких финансовых инструментов, как деривативы. Этот феномен нуждается в семантизации: *A variety of financial innovations have gradually made it possible for lenders to sell the right to receive the payments on the mortgages they issue, through a process called securitization. The resulting securities are called mortgage backed securities and collateralised debt obligations*.

Отсюда понятным становится результат, сколько ни скрывай его за метафоризированными эвфемизмами: *Borrowing at a lower interest rate and investing the proceeds at a higher interest rate is a form of financial leverage. The prices began to decline and mortgages began to default*.

Многочисленные **аббревиации** не вносят ясности в воспринимаемый текст: *MBS, ARM, CDO, CDS = credit default swaps*.

Естественным для отправителя, но затрудняющим рецепцию текста для читателя является факт наличия в текстах об экономическом кризисе различного рода **цивилизационных реалий** фигурантов экономического кризиса, требующих экстраязыковых знаний: *Emergency Economic Stabilisation Act of 2008, MBSs, CDOs, the State foreclosure Prevention Working Group, Bank of America, Fannie Mae, Freddie mac, Northern Rock, Bear Sterns, J. P. Morgan Chase, Merrill Lynch, HBOS, Lehman Brothers, AIG, federal Reserve, USA Office of Thrift Supervision, Citigroup, TARP funds, Federal Home Loan Banks*.

Порой требуется **понимание самих концептов** типа *government sponsored enterprises (GSE)*. Приведем пример знаков, требующих экстралингвистического знания: *In November 2008 the Fed announced the \$200 billion Term Asset – Backed Securities Loan Facility (TALF). This program supported the issuance of asset-backed securities (ASB), collateralised by loans, related to autos, credit cards, education, and small businesses*.

Усложняют процесс понимания текстов о кризисе термины. Так, например, частотен термин *securitization*, означающий сомнительные с традиционной точки зрения действия в отношении ценных бумаг: *Securitization meant that issuers could repeatedly lend a given sum, greatly increasing their free income*. В экономическом

дискурсе терминологизированы и слова типа *liquidity, solvency, credit crunch*. Требуют специального знания **эпонимические, метафорические наименования и аббревиации**. Сравните:

The Ponzi borrower – who relies on the appreciation of the value of his assets to refinance or pay off his debt, while being unable to repay the original loan.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debtholders, in particular MBS investors, from the risk of default.

Liberal economist Robert Kutner has suggested that the repeal of the Glass-Steagall Act by the Gramm-Leach-Bliley Act may have contributed to the subprime meltdown, but this is controversial.

Итак, метафоры, эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие на неопределенность, – конститuentы дискурса экономического кризиса.

Еще одним конструктом данного дискурса выступает **оценочная лексика**: *More favorable mortgage terms (i.e. refinancing, loan modification or loss mitigation)*. Здесь постоянны явные и коннотированные оценки: *predatory lending practices, exorbitant fees*. С **оценочностью** связана и эвфемия: *Corporations, trade groups, and consumer advocated have begun to cite data on the numbers and types of borrowers assisted by loan modification programs. Consumer groups claimed these modification affected less than 1% of the 3 million ARM subprime mortgages outstanding as of the third quarter*.

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенные ограничения на реальность, задает способ видения объекта. В экономической теории мелиоративная оценка присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие, совершенная конкуренция*). Читаем «естественный уровень инфляции» – и сразу сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «*неизбежный, желательный, оптимальный*».

Многие оперативные термины представляют собой убеждающие метафоры, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «*невидимая рука*», «*ночной сторож*», *психология laissez-faire* (в семантике последнего термина участвует и компонент «офранцузивания»: согласимся, что он понимается не так, как буквальный перевод «*делайте, что хотите*»).

Существуют также мировоззренческие метафоры – *свободный рынок, открытый рынок, открытое общество*. В утверждении «*переходный период*» кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера.

Перечислим **расхожие метафоры общественно-политического дискурса об экономическом кризисе**: *economy is in bad shape; to set politics aside; to beef up the state of the intelligence; tax cut; American voters have spoken clearly; a weight has been lifted from my shoulders; a huge burden of expectations; amid a sea of supporters; running neck in neck; the clock is already ticking; to bury the hatchet; swing state; redesign the future; a new capitalism should be built out of today ruins; the shares are sliding; no-casino capitalism; chasing profits; slide into recession; removal of the trade barriers*. Потенциал затертой метафоризации был показан нами в военном переводе, в экономическом и общественно-политическом переводе, в историческом дискурсе. В экономическом дискурсе постоянно встречаются затертые метафоры: *naked short selling, credit default swaps, credit crunch, bailout, asset price bubble*. Оценим **стандартность образности**: *The markets liked the medicine shares have jumped. Рынки подскочили*.

Еще **раз отметим, что отдельного обсуждения** в связи со своей функциональной ролью заслуживает такое явление, как **эвфемия**: *executive remuneration = bonuses = overcompensation; low income food; risky spending; toxic assets = troubled assets; loose fiscal policy; financial malaise...* Ситуативной может быть **отрицательная коннотация эвфемизма**: *mortgage-related assets*.

Феномен скрытой и явной оценочности требует внимательного изучения в связи с социальной значимостью и в дидактике, и в риторике, и в юрислингвистике. Явление эвфемии и феномен стереотипии (штамп, клише) также,

наряду с затертой метафоризацией, являются текстовыми маркерами автоматизации [1]. Затертости смысла такого дискурса (сознательной или подсознательной) способствует и неясная семантика ряда рекуррентных коллокаций: *failed countries, humanitarian catastrophe* и т. п.

С семантическими играми связан **язык политической корректности**, проявляющейся прежде всего в феномене эвфемии: *рецессия, постепенный рост цен и зарплат = инфляция, затишье на рынке = отсутствие активности, бюджет увеличивается = вам это будет дороже, малопривилегированные люди = люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства, нуждающиеся = люди, лишенные жизненных благ*.

Лишь понимание функциональной роли всех этих знаков позволяет нам подняться от первого уровня понимания экономического дискурса (простой семантизации его конститuentов) до когнитивно-распредмечивающего понимания и аналитико-прогностической работы.

Согласимся, что эффективное понимание подобного текста выходит далеко за рамки собственно лингвистической трактовки и семантизации его знаков. Мы выходим к проблематике предпереводческого анализа и стандартного и актуализированного в дискурсе.

Список литературы

1. Бушев, А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 704 с.
2. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ / пер. и науч. ред. А. А. Киселевой. Харьков, 2008. 350 с.
3. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006. 177 с.

Т. А. Воронцова

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРЕЗЕНТАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматриваются коммуникативные тактики и речевые способы презентации научного знания в специализированных научно-популярных журналах и массовых медиаисточниках.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, информирующая стратегия, коммуникативные тактики, адресант, адресат.

Научно-популярный дискурс представлен разными жанрами: книга, статья, интервью и т. п. При этом научно-популярный текст может быть самостоятельным (книга) и может быть «встроен» в иную дискурсивную среду, например, в дискурс СМИ.

Основная функция научно-популярного дискурса – распространение специальных научных знаний в непрофессиональной среде. Исследователи научно-популярного дискурса, несмотря на различие позиций, определяют его адресата как неспециалиста, то есть круг получателей популяризированного научного знания достаточно широк [2; 3; 4].

Исходя из того, что СМИ по определению рассчитаны на массового адресата, можно говорить о том, что именно они являются сегодня одним из основных источников научно-популярного знания. Можно выделить две разновидности печатных медиаизданий, репрезентирующих научно-популярный дискурс. Во-первых, это специальные научно-популярные журналы, в которых представлены материалы из различных областей научного знания («Знание – сила», «Наука и жизнь», «В мире науки», «Наука и техника», «Наука в фокусе», «Популярная механика» др.); во-вторых – это «многопрофильные» газеты и журналы, посвященные актуальным событиям в самых разных областях: в культуре, политике, общественной жизни (журналы «Русский репортер», «Эксперт», «Профиль», «Огонек» и др.). Как правило, тексты научно-популярной тематики в таких изданиях составляют не более 5–10% [6].

Различие в содержании названных типов СМИ позволяет предположить, что научно-популярные тексты каждой группы медиаисточников имеют свою коммуникативно-прагматическую специфику, обуславливающую выбор коммуникативных тактик, реализующих информирующую стратегию как основную стратегию данного дискурса.

В специальных научно-популярных журналах в качестве адресанта научной информации может выступать ученый (специалист) или журналист, не являющийся производителем научного знания. Следовательно, научная информация может быть представлена либо как авторский текст, либо как стилистически переработанный в соответствии с дискурсивными требованиями реферативный материал со ссылкой на соответствующие научные источники.

Как показывает анализ, стилистические параметры текста, написанного ученым-специалистом и журналистом-неспециалистом, не определяются статусом адресанта. Способ изложения зависит как от степени владения научно-популярным стилем и сложности исходного научного материала, так и от прагматических установок автора на характер адресации текста. Использование определенных коммуникативных тактик для презентации специальных знаний позволяет говорить о специфическом характере взаимодействия на оси «адресант – адресат».

Специфика реализации информирующей стратегии проявляется в том, что в данных текстах широко представлены языковые средства и речевые приемы, характерные для текстов собственно научного стиля. Это прежде всего активное употребление специальных терминов без объяснений и дефиниций и использование объемных синтаксических конструкций с бессоюзной связью и рядами однородных членов. Ср.: *Без преувеличения, белки в живой клетке выполняют все существующие в природе функции: это и катализ, и регуляция биохимических реакций, и связывание сигнальных молекул с поверхностью клетки, и защита от чужеродных белков, и транспорт молекул через клеточные мембраны, и «чтение / запись» генетической информации, не говоря уж о «каркасной» функции»* (Наука и жизнь, № 1, 2010).

Такой способ подачи материала предполагает: а) наличие у адресата специальных знаний, достаточных для понимания данного текста; б) наличие у адресата навыка чтения и восприятия сложных по синтаксической структуре научных текстов.

О том, что адресант ориентируется на подготовленного читателя, свидетельствует активно применяемая тактика апелляции к фоновым знаниям. Речевым показателем данной тактики являются метатекстовые маркеры, указывающие на то, что, с точки зрения адресанта, в фоновых знаниях адресата уже имеется необходимая информация, связанная с предметом речи, например, *вспомним, напомним* и др. Ср.: **Как известно, клетки любого организма постоянно обмениваются информацией** (Наука в фокусе, 2012).

Если адресант не уверен в достаточности фоновых знаний адресата, то выравнивание прагматических пресуппозиций адресанта и адресата достигается путем использования тактики расширения информации, а не путем упрощения способа изложения. Ср.: **Этот краткий экскурс в основы рентгенографии нам понадобился потому, что картинка микродифракции, которую <...> увидел в электронном микроскопе Дан Шехтман, была очень странной** (Химия и жизнь, 2011).

Заслуживает внимания и тот факт, что в рассматриваемых текстах тактика привлечения внимания либо отсутствует вовсе, либо отходит на второй план. Вводная часть текста (анонс или лидер-абзац) выполняет здесь, скорее, информативную, чем рекламную функцию. Ср.: **Нобелевская премия по физике 2012 года присуждена двум исследователям – французу Сержу Арошу и американцу Дэвиду Уайнленду, которые, независимо один от другого, разработали методы управления отдельными квантовыми частицами и наблюдения за ними** (Наука и жизнь, 2012).

Стратегии и тактики презентации специальных знаний в текстах, представленных в научно-популярных изданиях, позволяют говорить о том, что адресант и адресат взаимодействуют друг с другом по коммуникативной схеме «профессионал → профессионал». Это значит, что основная интенция адресанта – предоставить адресату интересующую его научную информацию. Прагматические пресуппозиции адресата «вычисляются» адресантом на основании дискурсивных параметров медиаисточника: статус специального научно-популярного жур-

нала позволяет автору предполагать, что его читатель мотивирован на получение научного знания и имеет необходимые фоновые знания для восприятия научной информации. Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что в данных научно-популярных СМИ преобладают «интранаучная (удовлетворяющая профессиональные запросы специалистов, стремящихся выйти за пределы узкой специализации в рамках своей науки) и интернаучная (восполняющая междисциплинарные интересы ученых)» формы популяризации [5. С. 237].

В отличие от специальных научно-популярных медиаисточников, читательский интерес к массовым изданиям определяется актуальностью представленной в них информации из разных областей: политики, экономики, культуры, науки и др. Специфика массового издания ставит перед адресантом научно-популярного текста задачу не только транслировать научную информацию, но и сделать свой материал конкурентоспособным, заинтересовать «случайного» читателя. Именно поэтому одной из основных тактик адресанта научно-популярного текста является тактика привлечения внимания, которая реализуется уже на этапе отбора информации: в массовых журналах, как правило, представлены либо особо значимые научные события и факты, либо достижения науки, имеющие перспективу практического применения. В научно-популярных текстах массовых изданий тактика привлечения внимания обычно реализуется в интродуктивной части статьи при помощи специальных лексических средств (*уникальный, новый, впервые* и т. п.), форм превосходной степени сравнения прилагательных, гипербол и т. п. Ср.: **Ученые из Корнеллского университета в Нью-Йорке объявили о *новой* разработке – принтере, который будет сочетать сразу две *уникальные* технологии** (Итоги, 2011).

Столь активное использование тактики привлечения внимания указывает на то, что с точки зрения адресанта адресат (читатель массовых изданий), в отличие от адресата специализированных научно-популярных медиаисточников, изначально не ориентирован на получение научного знания, следовательно, скорее всего, он не обладает фоновыми знаниями, достаточными для восприятия научной информации. Именно поэтому основной тактикой репрезентации специальных знаний для адресанта научно-популярного текста, является тактика объяснения. Данная тактика может быть ре-

лизована эксплицитно через соответствующие метатекстовые маркеры, например: *здесь нужно пояснить...*; *сейчас я расскажу...*; *для начала разберемся в понятиях...* и т. п. В рассматриваемых текстах данные маркеры являются сигналом того, что прагматические пресуппозиции адресанта и адресата неравны и адресант взаимодействует с адресатом «по вертикали»: как профессионал с непрофессионалом.

Имплицитным способом реализации тактики объяснения является упрощение сложных синтаксических конструкций за счет широкого использования таких приемов, как парцелляция и расширенный повтор. Например: *Сами по себе гены – лишь инструкция по сборке белковых молекул. Тех молекул, из которых, как из кирпичиков, сложены любые наши клетки. Тех молекул, что преобразуют усвоенные организмом компоненты пищи в энергию. Тех молекул, чьим радением организм растет и старится. Тех молекул, из-за дефицита или избытка которых мы бодем.* (Первое сентября, 2004).

Упрощение синтаксической структуры текста достигается также за счет активного использования вопросно-ответных комплексов, которые имитируют диалогическое взаимодействие непрофессионала (вопрос) и профессионала (ответ). Ср.: *Так что же описывает EQ? Грубо говоря – психологическую и нравственную зрелость и уравновешенность* (Итоги, 2012).

Тактика объяснения реализуется также через способы репрезентации специальных терминов и сложных понятий. Одним из основных приемов является прием переключения языкового кода (перифразирование). Сначала информация дается как собственно научный (или как научно-учебный) текст, затем та же информация «переводится» в общедоступную языковую форму с использованием сравнений, метафор, разговорной лексики. Для экспликации данной тактики широко используются метатекстовые маркеры, указывающие на открытое переключение языкового кода: *другими словами, иначе говоря* и т. д. Например: *По ходу расчетов астрофизикам стало ясно, что Млечный путь отнюдь не располагает достаточным числом галактических солнечных систем, которые включали бы все блуждающие планеты-странницы. Другими словами, не все планеты-бомжи, гуляющие сами по себе, представляют собой планет-«сирот», изгнанных из законного «родительского дома»* (Профиль, 2012).

Другим приемом репрезентации научных понятий, который широко используется в данных текстах, является прием аналогии, то есть сравнение и метафора. Например: *Геном – это русло реки, проложенное поколениями потоков, пронесившихся по нему. Протеом – это бурление и плеск миллиона капель, мчащихся по реке в данную секунду* (Первое сентября, 2004). Следует отметить, что успешность применения приема аналогии определяется тем, насколько объект сравнения (то, с чем сравнивается) известен адресату. В научно-популярных текстах, представленных в массовых медиаисточниках, объектом сравнения являются реалии, находящиеся в сфере обыденного знания.

В данных медиаисточниках широко распространены такой способ использования аналогии, как визуализация «глазами дилетанта», то есть предмет речи представлен так, как его увидел бы сам адресат, «автору научно-популярного текста зачастую приходится обращаться к пресуппозициям, размещенным в бытовом, а не научном опыте адресата» [1. С. 21]. Ср.: 1. *Этажом выше в этот момент <...> работают анализаторы – масс-спектрометры. На вид это большие железные ящики не самого оригинального дизайна* (Русский репортер, 2012). 2. *ATLAS – самый крупный из когда-либо создававшихся детекторов <...>. Нашпигована эта бочка электроникой до предела* (Русский репортер, 2012).

Как видим, в научно-популярных статьях, представленных в массовых медиаисточниках, реализуется «классическая» коммуникативно-прагматическая модель научно-популярного дискурса, предполагающая взаимодействие профессионала и непрофессионала.

Таким образом, в научно-популярном дискурсе коммуникативные тактики и речевые способы представления научного знания в значительной степени обусловлены «образом адресата», который в свою очередь моделируется адресантом в зависимости от типа медиаисточника, в котором опубликован научно-популярный текст.

Список литературы

1. Баранова, И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: на материале подязыка физики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 19 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.

3. Новиков, А. И. Научно-популярный текст в его соотношении с научным текстом / А. И. Новиков, И. В. Богословская // Обработка текста и когнитивные технологии. Пушкино, 2003. С. 346–356.

4. Одинцов, В. В. Речевые формы популяризации. М., 1982. 80 с.

5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М., 2003. 696 с.

6. Яковенко, И. А. Рынок научно-популярных журналов. Аналитический обзор. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: www.pressaudit.ru.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 29–31.

Е. Н. Демидова

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПАРОНИМИЧЕСКИХ ЗАМЕН В НАУЧНОЙ РЕЧИ

В статье анализируются типы паронимов, представленных в научной речи. Особое внимание уделяется когнитивным характеристикам и критериям разграничения паронимических пар.

Ключевые слова: научная коммуникация, пароним, оппозиция, когнитивная характеристика.

Проблема паронимических замен в научной речи не становилась до настоящего времени предметом целенаправленного, системного изучения, хотя многие исследователи обращали внимание на необходимость такого анализа (см. [2; 3; 6; 7]). Трудность исследования паронимии в научной коммуникации состоит в том, что она представлена здесь преимущественно частичными, неполными – по классификации О. В. Вишняковой – паронимами (подробнее см.: [1]).

Под паронимией в научной речи, вслед за Е. И. Головановой, будем понимать «ненамеренное (не отрефлексированное автором) сближение сходных, но не тождественных по звучанию <...> единиц, обладающих самостоятельным содержанием и формой» [2. С. 28]. Паронимические замены могут касаться как терминологической лексики, так и лексики, выполняющей в научном тексте мыслеформирующие функции.

Проблемы употребления терминов, частично совпадающих по форме и содержанию, во многом обусловлены отсутствием их точных толкований в специальных словарях. В результате пишущий либо использует их как варианты, либо по умолчанию употребляет как синонимы. В связи с этим необходимо уточнить типы паронимов в научных текстах, выявив релевантные основания для их разграничения.

Это упорядочит использование данных единиц, а также облегчит представителям разных научных направлений и школ понимание друг друга.

Цель статьи – проанализировать паронимы, функционирующие в научной речи, с точки зрения их категориальных свойств и определить когнитивные основания для их разграничения.

В паронимические отношения в исследуемой сфере языка, как правило, вступают лексемы иноязычного происхождения, различающиеся суффиксами. Паронимов исконного происхождения, противопоставленных на основе приставок, типа *осложнение – усложнение, проследить – отследить, провести – произвести* незначительное количество.

Чаще всего паронимами становятся однокоренные слова, имеющие не только различный морфемный состав, но и неодинаковые лексико-грамматические характеристики, которые сигнализируют о том, что члены соотносительных пар должны использоваться в разных контекстах.

Самую многочисленную группу паронимов в научной речи составляют прилагательные с суффиксами *-еск-* / *-н-* (*антонимический – антонимичный, идиоматический – идиоматичный, метафорический – метафоричный* и др.). Приведенные слова различаются грамматически: одни являются относительными, другие –

качественными прилагательными. Отметим, что для научной речи наиболее характерно употребление относительных прилагательных (особенно в составе терминов).

На втором месте по употребительности в научных текстах стоит группа качественных и относительных прилагательных с суффиксами **-ивн/-онн-** (*адаптивный – адапционный, информативный – информационный, коммуникативный – коммуникационный* и др.).

Паронимические оппозиции могут быть образованы прилагательными с другими суффиксами, например: *вариантный – вариационный, эмотивный – эмоциональный*. В научной речи нередки также взаимозамены собственно прилагательных и прилагательных, возникших из причастий, например: *велярный – веляризованный, вербальный – вербализованный* и т. п.

Среди существительных паронимические пары (или ряды) встречаются реже. Как наиболее частотные нами выделены модели соотносительных форм со следующими финалями: **-изм/-ость** (*гуманизм – гуманность*), **-изм/-ичность/-ика** (*архаизм – архаичность – архаика, динамизм – динамичность – динамика*), **-ация/-ивность** (*адаптация – адаптивность*), **-ция/-ность** (*компетенция – компетентность*).

При рассмотрении паронимов с когнитивных позиций целесообразно вести речь о фокусировке внимания на том или ином аспекте устанавливаемого исследователем признака (свойства, качества) или описываемой субстанции. В соответствии с таким подходом все паронимы в научной речи можно распределить по двум типам: признаковые и предметные слова.

Первую, более многочисленную группу образуют прилагательные, вторую – существительные. При этом образы, активизируемые разными в структурном отношении языковыми формами, различны [5. С. 204]. Нетождественность формы влечет за собой нетождественность выражаемой семантики.

При анализе **признаковых слов** в научном тексте мы исходим из того, что признак – «это показатель, сторона предмета или явления, по которым можно узнать, определить или описать предмет или явление» [4. С. 477]. Отсюда главная особенность признака – неотделимость от носителя свойства и его дескриптивный характер.

Нами выявлены четыре параметра соотношения паронимических пар прилагательных в научном тексте:

- временная характеристика,
- посессивность признака,
- связь с действием,
- корреляция с областью референции.

Временная характеристика лежит в основе разграничения относительных и качественных прилагательных. Постоянный признак, выражаемый относительными прилагательными, обуславливает статичность, стабильность выражаемой информации, что обеспечивает тождественность описываемого предмета самому себе. Непостоянный признак, выражаемый качественными прилагательными, подчеркивает динамичность и градуируемость транслируемой информации, ср.: *архаический – архаичный, схематический – схематичный* и т. д.

При маркированной посессивности пароним-прилагательное отсылает к конкретному референту, при немаркированной – выражает абстрактный признак, ср.: *символьный – символический, гидронимный – гидронимический*.

Часть паронимов разграничивается на основе значимости / незначимости связи обозначаемого предмета с действием (процессом). Если отношение к действию актуально, соответствующий признак выражается отглагольным прилагательным (*вербализованный, веляризованный*), если не актуально – признак передается непроцессуальным прилагательным (*вербальный, велярный*).

Важная характеристика – указание на область референции. В соотносительных парах паронимов в качестве области референции может выступать целостная концептосфера (например, концептосфера определенной области знания) или представляющий ее ядерный концепт (как основной объект познания), например: *лингвокультурологический – лингвокультурный, диалектологический – диалектный*.

В группе паронимов – **предметных имен** нами выделены три значимых основания для разграничения:

- отношение к действию (безотносительность к действию / связь с действием);
- качественная определенность (партитивность / цельность);
- отношение к области референции.

При выражении отношения к действию маркированный член оппозиции представлен словом с процессуальной семантикой (*цитирование, ориентирование, варьирование* и т. п.), немаркированный член указывает на явление, выступающее дискретной сущностью (*цита-*

ция, ориентация, вариантность). Таким образом, дополнительным фактором разграничения паронимов оказывается дискретность – недискретность обозначаемых паронимами явлений.

Качественная определенность субстантивных паронимов рассматривается через семантику паритивности или цельности объекта: первый член оппозиции выражает свойство как неотъемлемую часть целого (например, *омонимичность, ментальность, напряженность*), второй член паронимической пары подчеркивает цельность воспринимаемого объекта (*омонимия, менталитет, напряжение*). При этом паронимы выполняют различные функции наименования: дескрипцию либо категоризацию объекта.

Значимость области референции наглядно иллюстрирует соотношение терминов *эмотивность* и *эмоциональность*. Первый термин обозначает лингвистическую категорию, связанную с передачей эмоций и эмоциональных состояний в языке, второй – собственно психологическую категорию и используется в работах психологов.

Определение релевантных оснований для разграничения паронимов является значимым этапом в исследовании когнитивного механизма, лежащего в основе паронимического сближения лексических единиц.

В целом, наличие паронимов в научной коммуникации подтверждает мысль Р. Джекендоффа о существовании в сознании человека разветвленной системы идентификации

объектов при сравнительно ограниченном наборе языковых средств [5. С. 212]. С помощью однокоренных соотносительных слов вычлениваются и фиксируются языковыми средствами разнообразные характеристики научно значимых предметов и явлений, по-разному распределяется информация о референте.

Список литературы

1. Вишнякова, О. В. Паронимия в русском языке. М., 1984. 382 с.
2. Голованова, Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания // Гуманитар. вектор. 2012. № 4 (32). С. 28–33.
3. Гринева, С. В. Введение в терминоведение. М., 1993. 309 с.
4. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. 720 с.
5. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
6. Куликова, И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. СПб., 2002. 352 с.
7. Шурыгин, Н. А. Семасиологический и лексикографический аспекты описания терминологической лексики. Нижневартовск, 2005. 246 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 31–34.

А. В. Дрожащих

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале годовых отчетов банков)

Описывается специфика коммуникативного поведения банковских учреждений в условиях экономического кризиса и языковые средства, используемые банками для защиты корпоративного имиджа. Источником эмпирического материала послужили годовые отчеты крупных западных банков за 1991–2011 годы.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, кризисная экономическая коммуникация, корпоративный имидж.

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей коммуникативного поведения и интеракции банковских учреждений с различными внешними целевыми аудиториями в условиях экономического кризиса и имеет целью выявить и описать языковые средства, используемые банками для защиты корпоративного имиджа и оперативного реагирования на проблемные деловые ситуации в режиме кризисной экономической коммуникации. Предлагаемое исследование проводится на базе корпоративных годовых отчетов, которые играют важную роль в современных институциональных коммуникациях. Тексты указанного жанра нацелены на решение разнообразных коммуникативных задач, главной из которых является информирование целевой аудитории об итогах экономической деятельности хозяйствующего субъекта за отчетный год. При этом в процессе информирования акционеров и других заинтересованных сторон происходит формирование положительного стереотипа восприятия данной организации в массовом сознании, установление и поддержание интерактивных коммуникативных отношений между организацией и общественностью.

Большой интерес в плане создания корпоративной идентичности и позитивного имиджа проявляют банковские учреждения, которые справедливо полагают, что в условиях интенсивной конкурентной борьбы имидж становится важным неценовым преимуществом и средством борьбы за привлечение новых клиентов. В проблемных ситуациях банки активно используют годовой отчет как эффективный PR-инструмент для поддержания собственной репутации, нейтрализации недружественных информационных акций конкурентов, реагирования на ухудшение финансовых показателей деятельности, финансовые скандалы и другие внутренние проблемы экономического и этического порядка. При этом важной составляющей успешного годового отчета в кризисных условиях является его адекватная коммуникативно-речевая и собственно языковая организация: общая продуманность публикации, последовательная и логичная подача языкового материала, корректная лексико-грамматическая аранжировка текста, эффективные коммуникативные стратегии и тактики, риторические приемы и техники речевого манипулирования.

Следует отметить, что банки не могут игнорировать провалы в собственной экономической деятельности и, как правило, открыто ин-

формируют заинтересованные группы контрагентов о наличии проблем. Вербальными маркерами плохих корпоративных новостей в текстах годовых отчетов могут быть специальные экономические термины типа losses и общеупотребительные лексические единицы различной частеречной принадлежности, эксплицитно указывающие на снижение экономических показателей банка: decrease, decreased, lower, reduced, reduction и другие. При этом если в специализированном бухгалтерском разделе годового отчета банки используют профильную терминологию для обозначения потерь и убытков и строгий конвенционально закреплённый стиль изложения, то в общей информационной части годового отчета, нацеленной в том числе и на решение PR-задач, негативная экономическая информация подается преимущественно на фоне умеренно оптимистического контекста. Интересно, что оптимистический контекст создается убыточными компаниями за счет активной эксплуатации позитивно заряженной лексики, которая имеет более высокий удельный вес в рассматриваемой сфере делового общения по сравнению с негативно заряженной лексикой [2. С. 10]. По утверждению А. Рузерфорда, такое распределение лексики объясняется тем, что компании в рамках реализации стратегии управления впечатлениями намеренно используют экспериментально доказанный психологический принцип Поллианны, состоящий в том, что позитивная информация обрабатывается и вспоминается пользователями точнее и быстрее, чем негативная [3. С. 362–366].

Названный принцип находит широкое применение в банковской отчетной практике. Так, некие проблемные моменты могут быть сопряжены с позитивной информацией о деятельности банка в рамках единого высказывания; при этом позитивная информация, как правило, составляет рему высказывания и поэтому попадает в фокус внимания адресата как наиболее емкая в информационном плане. Показателен в этом смысле следующий пример: It has been a tough year for Abbey but we've made a lot of progress in reducing risk, selling certain assets, reorganizing the Personal Financial Service business and putting foundations in place to allow Abbey to grow in the future (Abbey 2003). Высказывания такого рода имеют компенсаторную направленность и являются одним из эффективных инструментов защиты и стабилизации имиджа и репутационного капитала банка.

В силу цикличности экономических процессов деловая ситуация не может всегда складываться однозначно благоприятно для всех участников рынка. Как отмечает И. В. Воскресенский, в кризисных и неоднозначных ситуациях любой бизнес стремится избежать негативной информации или минимизировать ее объем путем актуализации или искусственного конструирования неоднозначности деловой ситуации с использованием двух основных стратегий – стратегии полной неясности и стратегии нулевой реакции [1. С. 17]. Стандартными приемами манифестации неоднозначности в корпоративном годовом отчете являются ссылки на плохие параметры внешней среды и неверные действия партнеров и других участников рынка, а основные языковые средства импликации неоднозначности включают предметную генерализацию, эвфемизмы, метафорические построения, синтаксические усложнения, пассивные конструкции и особенно метафорические построения.

Действительно, метафоричность корпоративных текстов в кризисные времена существенно возрастает. В частности, англоязычный отчетный дискурс характеризуется широким спектром цветковых и погодных метафор типа **dark days of the banking industry, bleak outlook for world economy, cloudy external environment**, что позволяет указать на общую нестабильность экономики, а также неоднозначный и противоречивый характер делового климата, в котором работает банк. При этом масштаб кризисных явлений может подчеркиваться на языковом уровне с помощью неопределенных и обобщающих местоимений, суперлативов и слов-интенсификаторов. Например: *It was not an easy year for anyone in the banking industry (MNB 1991); The global economy was in the grip of the biggest downturn in eighty years (BNY Mellon 2009).*

Линия на метафоризацию корпоративных годовых отчетов в кризисных ситуациях сопровождается общим усложнением синтаксической организации текста, что проявляется на уровне длины отдельного слова и предложения и находит отражение в широком функционировании пассивных конструкций и сложных синтаксических построений. Как утверждает Д. Томас, простой язык, используемый в годовом отчете, является маркером финансовой устойчивости компании, по мере роста плохих корпоративных новостей происходит ухудшение читабельности текста [4. С. 53]. Сложные

синтаксические построения, по-видимому, являются инструментом ухода от конкретного обсуждения невыгодных корпоративных фактов и событий, а в рамках интеракции с рядом контрагентов также нацелены на то, чтобы намеренно затруднить коммуникативный обмен и дать возможность адресанту сообщения дополнительное время для стабилизации деловой ситуации и минимизации ее негативных последствий. Например: *Lower levels of client transaction activity and a delay to establish a positive trend in net new money led in 1999 to a segment performance before tax of CHF 2,652 million compared to CHF 3,135 million in 1998 adjusted for the gain on the divestment of BSI-Banca della Svizzera Italiana as well as related operating revenues and expenses (UBS 1999).*

Существенным потенциалом для речевого манипулирования в режиме кризисной экономической коммуникации обладают пассивные конструкции. При этом в контексте рассматриваемой проблематики активно функционирует двучленный пассив, который в силу своей грамматической организации предоставляет составителям годового отчета большие возможности для сокрытия информации. Устранение субъекта действия из структуры предложения позволяет банку снять ответственность с менеджмента за плохой экономический результат и представить сложившуюся ситуацию как сложную и неоднозначную, при которой негативное развитие событий невозможно было предвидеть и спрогнозировать. Например: *Some of the challenges that faced us could not be foreseen and had to be handled as and when they arose (MNB 1991).*

В некоторых случаях возможна и другая скрытая прагматика употребления двучленного пассива в тексте годового отчета – подчеркнуть фатальный характер происходящих на рынке событий. Например: *Lehman's collapse led to considerable disruption in the interbank market as some market participants were forced to liquidate their positions (Commerzbank 2008).*

Таким образом, в условиях кризиса банковские учреждения уделяют повышенное внимание выработке эффективной модели коммуникативного взаимодействия с различными целевыми аудиториями для поддержания корпоративного имиджа и деловой репутации. При этом для реализации информационных и PR-задач банки эксплуатируют разнообразные приемы речевого воздействия и манипулирования с применением широкого набора лекси-

ческих и грамматических языковых средств, включая метафоры, обобщающие местоимения, синтаксические усложнения, пассивные конструкции.

В настоящей работе рассмотрен лишь один частный случай кризисной экономической коммуникации, однако на самом деле названный вид коммуникации представляет собой многоплановый феномен и дает богатый фактический материал для проведения дальнейших лингвистических исследований.

Список литературы

1. Воскресенский, И. В. Неоднозначность в деловой коммуникации (на материале деловой переписки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.

2. Hildebrandt, H. H., Snyder, S. The Pollyanna hypothesis in business writing: initial results and suggestions for research // *Journal of Business Communication*. 1981. Vol. 18, № 1. P. 5–15.

3. Rutherford, B. A. Genre analysis of corporate annual report narratives: a corpus linguistics-based approach // *Journal of Business Communication*. 2007. Vol. 34, № 1. P. 349–378.

4. Thomas, J. Discourse in the marketplace: the making of meaning in annual reports // *Journal of Business Communication*. 2005. Vol. 42, № 4. P. 47–66.

1. Воскресенский, И. В. Неоднозначность в деловой коммуникации (на материале деловой переписки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 17 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 34–36.

Н. А. Дьячкова

РЕЛИГИОЗНЫЙ И СВЕТСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается проблема коммуникации между представителями религиозного и светского дискурсов. Затрагивается вопрос о лексико-семантической интерференции, обусловленной расширением границ религиозного дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, религиозный дискурс, аскетическая терминология.

Дискурс православных верующих сегодня – это заметное явление в русском литературном языке. Человеку, не погруженному в этот дискурс, особенности речевого поведения православных верующих заметны сразу (Иулия, искушение, благословиться, безстрастный). Носители «религиозного русского» также без труда смогут отличить «своего» от «внешнего».

Диалог между носителем православного мировоззрения и человеком с секулярным сознанием часто затруднен в силу того, что у них разный объем фоновых знаний. Это видно на примере диалога «автор – адресат», где автор – писатель с христианским мировоззрением, адресат – читатель с секулярным сознанием [4. С. 19]. Группе профессиональных филологов, не являющихся носителями христианского мировоззрения, были предложены различные тексты, содержащие отсылки к евангельским текстам, в частности такой: *Парили рыбы в вы-*

шине, / На дубе зрел ранет, / Когда при огненной Луне / Явился я на свет. / С ужасным голосом, с моей / Ушастой башкой – / Насмешка беса надо всей / Скотиной трудовой; / Каприз неведомых владык, / Их воли злой печать, – / Гоняйте, бейте, я привык, / Мне есть, о чем молчать. / О дурачье! Мой лучший миг / Отнять вы не смогли: / Я помню стоголосый крик / И ветви пальм в пыли (Г. К. Честертон). Читатели-филологи это стихотворение не поняли, хотя последние слова данного текста содержат аллюзию, которая отсылает адресата к евангельскому событию огромной значимости – входу Господню в Иерусалим [4. С. 20–21].

Источником коммуникативных неудач могут быть аскетические термины (далее – АТ), такие как: «безрассудный», «брань», «ветхий», «вместить» / «не вместить», «искушение», «немощный», «прилепляться», «рассуждение», «соблазнять», «спасаться», «спасение»,

«тварь», «подвиг» и многие другие. Эти слова являются ключевыми в религиозном дискурсе. См.: «Господь учил о спасении»; «обязательно начнутся искушения»; «человек не понесет»; «учиться терпению скорбей», «ты пока не вступишь»; «дар рассуждения дается не всем» и т. п. Например, проповедник говорит, что высшей добродетелью, по мнению Святых Отцов, является дар рассуждения. Один из слушающих высказывает недоумение. «Ночью заплакал ребенок, – говорит он, – а мать начинает рассуждать, встать к нему среди ночи или не встать. Какая же это добродетель?» Можно предположить, что в аскетическом смысле под рассуждением имеется в виду то, что в общеупотребительной практике называется рассудительностью. Ср.: Рассуждение – «умозаключение, ряд мыслей, изложенных в логически последовательной форме» [6. С. 665]. Рассудительный – «руководствующийся требованиями рассудка, благоразумный; обдуманый» [6. С. 664]. Однако это не так. Например: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству – это *дар рассуждения* <...>. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая» [9. С. 502]; «...здоровое христианское *рассуждение* требует, чтобы мы не только поступки свои, но и самые мысли и мнения поверяли <...> прежде всего по заповедям Божиим» [7. С. 252]. Таким образом, АТ *рассуждение* означает: 1) «способность соотносить мысли и поступки с Законом Божиим»; 2) «способность воспринимать метафизическую реальность, сокрытую от обычных людей».

Рассмотрим также слова «спастись» / «спасение». В светском дискурсе спасение – это «избавление от опасности, несчастья» [6. С. 753]. В религиозном – «воссоздание падшей человеческой природы Божественной благодатью Святого Духа через веру в Иисуса Христа и подвиг исполнения евангельских заповедей, увенчивающийся блаженным соединением с Богом в вечности» [1]. Например: «Бог не мог *спасти* человека, созданного свободным, одним только действием Своего всемогущества. Насильно увлекаемый к блаженству, человек был бы и неспособен к блаженству, и недостойн его» [5. С. 356]. Таким образом, спасение – это «достижение состояния блаженства, благодаря общению с благодатью, что невозможно без Бога и усилий самого человека». Большой толковый

словарь русского языка (далее – БТС) дает указание на христианское значение глагола «спастись»: «в *христианстве*: подвижничеством, постом, молитвой избавиться от вечных мук в загробной жизни» [2. С. 1246]. БТС утрачивает некоторые важные компоненты значения, которые есть в Словаре Д. Н. Ушакова (далее – СУ). См.: спастись – «то же, что *спасти свою душу* (церк.)»; спасти – «в христианском вероучении – подвижничеством, постом, молитвой, *отшельничеством* *избавить (душу)* от вечных мук в загробной жизни (церк.)» [9]. БТС исключает из словарной статьи понятие «душа» и понятие «отшельничество». Посмотрим, как толкуется слово «отшельничество» / «отшельник»:

– в Словаре В. И. Даля (далее – СД): «живущий в уединении, отдельно от жилого или населенного места, сам по себе, *ради спасения души*; пустынник, пустынножитель, *удалившийся от суетного мира* в пустыню» [3. II. С. 768];

– в СУ: «*монах*, отказавшийся от общения с людьми, *аскет*, пустынник (устар.)» [9];

– в БТС: «человек из *религиозных соображений* поселившийся в уединении и отказавшийся от общения с людьми, миром; пустыжник» [2. С. 767].

СУ в сравнении с СД утрачивает такие важные составляющие, как «ради спасения души», «удалившийся от суетного мира», но зато в нем есть компоненты «монах», «аскет». БТС утрачивает и эти понятия, сообщая лишь о *человеке* и *религиозных побуждениях*.

Обратимся к толкованию слова *подвижник*:
– в СД: «подвигающийся на пути *веры* и *праведничества*» [3. III. С. 164]. Подвизаться – «деятельно, усердно заниматься, отличаться, бороться, ратовать» [3. III. С. 164]; праведничество – «состоянье праведника, *спасенье*», *праведник* – «праведно живущий; во всем *по закону Божью* поступающий, *безгрешник*» [3. III. С. 380];

– в СУ: «аскет, человек, *из религиозных побуждений* подвергающий себя лишениям (церк.)» [9];

– в БТС: «человек, *изнуряющий себя* лишениями, *молитвами* во имя служения Богу; отшельник, затворник» [2. С. 861].

В СД высказана мысль о *праведничестве*, *безгрешии* подвижника, возможности его *спасенья* и соответствии поступков *закону Божьему*. В СУ эти компоненты значения исчезают, появляются компоненты «аскет» и «подвергающий себя лишениям». Здесь уже видна позиция

«внешнего» наблюдателя, но она лишена оценки. В БТС вместо нейтрального «подвергающий себя лишениям» появляется отрицательная оценочность: «изнуряющий себя лишениями, молитвами». Изнурять – «доводить до крайнего утомления, полного истощения сил» [2. С. 384]. Методика ступенчатой индентификации позволяет увидеть, что, согласно БТС, для спасения необходимо «изнурять себя молитвой», в то время как в многочисленных источниках мы читаем о благодатном, блаженном состоянии, которое переживают молитвенники.

В процессе все большего расширения границ религиозного дискурса лексико-семантическая интерференция единиц двух дискурсов будет усиливаться. Речевые конфликты в такой ситуации неизбежны.

Список литературы

1. Азбука веры. Православная интернет-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/dictionary/17/spasenie.shtml>.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978–1980. Т. 2. 1980. 779 с. ; Т. 3. 1980. 555 с.
4. Котова, Л. Н. Прагматика нарратива (теоретико-экспериментальный аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 50 с.
5. Малиновский, Н. П. Очерк православного догматического богословия. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2003. 351 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2006. 939 с.
7. Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. М., 2006. 352 с.
8. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. 2009–2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakov-online.ru/about/>.
9. Шустин, В. Отец Варсонофий Оптинский // Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу батюшки». Оптина Пустынь, 2009. 704 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 36–38.

М. А. Занина

ТРУДНОСТИ ПОНИМАНИЯ МЕТАФОРЫ В АНГЛИЙСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается проблема адекватности перевода англоязычных терминов в специальных текстах. Утверждается, что для эффективной профессиональной деятельности необходимо формирование у специалистов навыков интерпретации метафорических наименований.

Ключевые слова: *метафора, метафорический термин, научный дискурс, профессиональное знание.*

Научные понятия обладают принципиальной возможностью менять содержание, что позволяет преодолевать жесткий логически однозначный строй профессионального знания. Инверсность научного дискурса базируется на постоянной инкорпорации терминов и понятий из наивного, художественного и других видов дискурса. При этом термины и понятия, употребляемые в новых контекстах, становятся метафорической основой для образования спе-

циальных терминов, обеспечивая перестройку понятийного фонда конкретной научной области знаний. Этот процесс сопровождается установлением новых ассоциативных связей между объектами и явлениями, что обуславливает развитие терминологического аппарата данной научной сферы [5].

Удачные научные термины, как правило, являются метафорами, например: *устье мочевого пузыря, ротор, проводник, социальная*

фобия и др. В подобном термине учитываются необходимые и достаточные признаки термилируемого понятия; термин не только называет понятие, но и определяет его. В научной метафоризации главное – создать адекватный термин для выражения определенной научной концепции. В системе вербальных средств научного дискурса выделяются общенаучные термины, предназначенные для выражения категорий, понятий, применимых ко многим областям научного знания. Междисциплинарные термины, будучи интегрирующими средствами для различных областей знаний и практики, унифицируют научный язык. Например: *сальник* (техн.) и *малый (большой) сальник желудка* (мед.); *маятник* (физ.) и *маятниковое облечение* (мед.).

Узкоспециальная терминология образует слой специфических для каждой отрасли знания наименований. При недостатке логических характеристик определенного явления в узкоспециальной терминологии нередко используются образы [5], например: *manual transmission* (букв. «ручная» трансмиссия, то есть механическая) или *jack* (домкрат; англ. jack – мальчик на побегушках, слуга, человек, занимающийся физическим трудом). Как видим, термины-метафоры технического дискурса представляют особый класс психолингвистических феноменов, привлекающих к себе повышенное внимание со стороны слушающего. Как и остальные специальные единицы, они ограничены рамками профессионального общения.

Изобразительность термина-метафоры обусловлена апперцептивным характером познавательного процесса, то есть узнаванием на основе прежних представлений [1], например: *nut –тех.* гайка, муфта (англ. *nut* обозначает также орех; гайка ассоциируется с орехом по форме и прочности).

Следует учитывать, что термины в различных контекстах могут обозначать разные предметы. Например, англ. *vehicle* имеет ряд значений: 1) транспортное средство; 2) связывающий состав; 3) ракета; 4) метательный аппарат; 5) световод; 6) растворитель. О конкретном значении этого метафорического термина можно судить только из контекста: *Automobile is a vehicle for transporting people* (Автомобиль – это средство для перевозки людей); *Current manned spacecraft are the most complex aerospace vehicles* (Современные пилотируемые космические аппараты – это комплексные воздушные корабли).

Проблема заключается в том, что при переводе обнаруживается большое количество несоответствий терминов. «Используемые в качестве эквивалентов, термины могут не совпадать по объему значения, являясь, таким образом, референциальными эквивалентами» [6. С. 97]. «Формально совпадающие термины могут иметь различное содержание», поэтому «концептуально различающиеся термины – источник появления ложных друзей переводчика» [6. С. 98]. Переводчик с английского (особенно при отсутствии профессионального опыта в определенной области знаний) в проблемной ситуации может изобрести новый термин, абсолютно противоположный по значению аутентичному. Это часто наблюдается у студентов технических специальностей, поскольку они не обладают необходимой профессиональной компетентностью.

С. Л. Рубинштейн указывает, что текст часто не понимается потому, что его компоненты выступают для читателя в свойствах, не адекватных связям, в которые включает их контекст. В этом случае понимание осуществляется путем анализа, который, исходя из этих связей, выявляет вещи в других аспектах и свойствах, как бы поворачивает их той стороной, которой они входят в данный контекст. Это открывает путь к пониманию метафор как «образных переносов» [7. С. 226].

Техническая метафора является вербальной репрезентацией профессионального знания, при этом она позволяет выявить особенности восприятия окружающего мира и раскрыть систему понятий, через которые человек осмысляет окружающий его мир. Иначе говоря, в процессе употребления метафоры-термина происходит активизация значения, отражающего культурные, социальные связи в сознании/подсознании индивида в рамках профессионального знания. Таким образом, употребление профессиональной технической терминологии есть творческое и каждый раз уникальное присвоение и усвоение индивидом некой общечеловеческой и профессиональной нормы. Например, *steering wheel* – руль (с англ. букв. «колесо управления»). У людей, взаимодействующих на основе имеющегося у них опыта, вырабатывается единый «язык», состоящий из языковых репрезентаций известного им опыта [2. С. 31]. Другими словами, профессиональный опыт влияет на формирование языковой картины мира у представителей технической специальности и обуславливает их

специфическое видение мира в рамках определенного языка. Поэтому часто такие термины-метафоры, как, например, в авиационном дискурсе *stick shaker* или *glide path*, при переводе на русский язык индивидами, не имеющими профессионального опыта и не обладающими знаниями в этой области, получают значения, противоположные истинным.

Ошибка заключается в том, что явления собственной речи, привычные для человека, переносятся на явления в изучаемом языке, в результате возникает эффект электронного словаря или электронного переводчика (который также осуществляет пословный перевод, не учитывая контекста употребления, что приводит к набору слов, а не связному предложению или тексту). «Подобная специфика составляет главную трудность в усвоении второго языка (а вовсе не грамматика и необходимость выучивать слова). Эта специфика – в особенностях сочетаемости лексических единиц между собой, в том, что так называемая «эквивалентная лексика», то есть семантически идентичная, на самом деле является эквивалентной лишь в небольшом числе случаев»[3]. При отсутствии понимания языковых единиц при переводе с английского языка на русский, необходимо «заполнить» этот пробел объяснением, что дает возможность лучше усвоить профессиональную сторону термина, особенно метафорического. Например, чтобы устранить непонимание термина *stick shaker* (вibrator рулевой колонки), словарь дает описание и рисунок данного устройства [8. С. 130].

Стремительное развитие многих областей научного знания (медицины, физики, астрономии, биологии, психологии, информационных технологий и т. д.) стимулирует активный процесс терминотворчества. Массовое появление новых понятий, обусловленное открытиями, требует все новых ресурсов для их языкового

обличия и одновременно предъявляет высокие требования к когнитивным возможностям и способностям специалистов [4]. Именно поэтому сегодня, чтобы облегчить понимание и осмысление терминов, в том числе и метафорических, составляются словари реалий, появляются глоссарии-приложения к учебной и научной литературе.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. Пермь, 1998. 250 с.
2. Голованова, Е. И. Теория профессиональной коммуникации в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания // Языки профессиональной коммуникации : сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф. : в 2 т. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 29–34.
3. Горелов, И. Основы психолингвистики / И. Горелов, К. Седов [Электронный ресурс]. URL: http://www.syntone.ru/library/books/content/4996.html?current_book_page=all.
4. Галкина, О. В. Роль метафоры в науке и научной терминологии [Электронный ресурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/485>.
5. Зубкова, О. С. Медицинская метафора-термин в профессиональном дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://ic.kursksu.ru/pdf005-007.pdf>.
6. Кульчицкая, Л. В. Проблема лакунарности в терминосистемах русской и англоязычной традиций переводоведения // Лакуны в языке и речи : сб. науч. тр. Благовещенск, 2003. С. 96–98.
7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999. 720 с.
8. Boeing Technical Dictionary (рус. пер.). Боинговое подразделение гражданских самолетов. 1994. 130 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В РАМКАХ КОНЦЕПТА «СУД» (на материале паремий немецкого и русского языков)

В статье рассматривается проблема функционирования и коннотации наименований лиц по профессии (на примере фрейма «суд») в немецких и русских правовых паремиях.

Ключевые слова: *концепт, фрейм, наименования лиц по профессии, правовые паремии.*

Являясь продуктом человеческой культуры, правовая система отражает определенную картину мира. Концепты права существуют в различных сферах культуры. Мы рассмотрим реализацию одного из компонентов этого сложного ментального конструкта, а именно концепт «суд».

Институт суда, как мы его сейчас понимаем, появился с возникновением государства. Но даже при первобытнообщинном строе, когда суда еще не существовало, решения о наказании виновных принимались советом старейшин, споры и недоразумения разрешались коллективно. Существительное *das Gericht* (суд) в немецком языке происходит от прилагательного *richten* (судить). Современное существительное *Gericht* означает общественный институт, который от имени государства вершит правосудие, карает за нарушение законов и улаживает спорные вопросы. В средние века в Германии суд состоял из судьи, ведущего судебный процесс и провозглашающего приговор, и судебных мужей – шеффенов (своего рода присяжных), выносивших приговор.

Отрывочные сведения из русских летописей IX–X веков позволяют сделать вывод, что в Киевской Руси существовал суд как орган государственной власти. Это был суд либо самого князя, либо поставленных им судей. Место суда именовалось «княж двор». Первым известным нам памятником законодательства X–XI веков считают «Русскую Правду», которая, как и германская «Салическая Правда», является, прежде всего, судебником. Однако, как отмечают историки (М. А. Чельцов-Бебутов, О. А. Омельченко), «Русская Правда» не дает полной картины организации и деятельности суда, поскольку отдельные исторические пласты в ней перемешаны, стройная систематика отсутствует.

Мы представим концепт «суд» в качестве статичного концепта – фрейма. С юридиче-

ской точки зрения участниками судебного процесса считаются: судья, присяжные заседатели (если речь идет о суде присяжных), обвиняемый (или ответчик в гражданском процессе), потерпевший (или истец в гражданском процессе), обвинитель (прокурор), защитник (адвокат), свидетели. Кроме этих основных групп участников лицами, участвующими в деле, могут быть эксперты, переводчики, представители общественности. Таким образом, фрейм «суд» состоит из слотов под общим названием «участники процесса». Среди перечисленных выше участников судебного процесса в нем профессионально заняты судья, присяжные, прокурор (обвинитель) и адвокат (защитник).

Рассмотрим функционирование наименований лиц по профессии как вербализаторов фрейма «суд» на материале паремиологического фонда немецкого и русского языков. Наиболее репрезентативным в количественном отношении в обоих языках является слот «судья». Большая часть немецких пословиц, включающих наименование лица по профессии «судья» и, соответственно, относящихся к указанному слоту, имеют нейтральную стилистическую окраску и отражают роль судьи или правила поведения судьи во время процесса. Пословица *Der Richtersitz tan Gottes Statt* определяет место судьи как орудия Божьего, «поскольку Бог есть право, то и суд дело Божье, Он – справедливый судья. Поэтому судья от имени Бога вершит правосудие» [8.С.87]. В пословицах *Der Richter muss sitzen*, *Sitzend muss man Urteil finden* (Судья должен сидеть, Приговор нужно выносить сидя) зафиксирован правовой обычай вынесения приговора. Такое положение судьи было выражением его спокойствия и концентрации внимания.

Мысль о том, что судья должен быть справедлив, неподкупен и обязан одинаково воспринимать обе стороны (истца и ответчика),

эксплицируется во многих пословицах: *Der Richter soll zwei gleiche Ohren haben* (Судья должен иметь два одинаковых уха), *Ein Richter darf niemanden kennen* (Судья не должен никого знать), *Der Richter muss allen Leuten ein gleicher Richter sein* (Судья должен быть для всех справедлив), *Kein Richter darf seine Gerechtigkeit verkaufen* (Судья не может продавать свою справедливость).

Являясь основной фигурой судебного процесса, судья не должен совмещать свою должность с ролью истца, поскольку в этом случае судья становится заинтересованным лицом, что повредит объективности и беспристрастности правосудия: *Kein Richter kann Richter und Kläger zu gleich sein, Niemand kann Richterin eigener Sache sein* (Сам в своем деле не судья). Все эти пословицы имеют характер предписаний и происходят из различных юридических источников. Именно такого типа правовые пословицы, не имеющие ярко выраженной оценочной окраски, преобладают над паремиями народного происхождения, в которых можно проследить отношение рядовых носителей языка к представителям данной профессии, например: *Ein blinder Richter hört auch das Geldklingen* (Даже глухой судья слышит звон денег). Думается, что количественное распределение правовых паремий позволяет утверждать, что в немецком наивном сознании судья профессионально выполняет свой долг, следует букве закона и является фигурой, заинтересованной в справедливом разрешении конфликта.

В русских паремиях, относящихся к слоту «судья», гораздо более ярко выражен оценочный компонент значения, пословицы имеют негативную коннотацию: *Не бойся суда, а бойся несправедливого судьи; Суд крив, коли судья лжив; Не всякий судит по праву, иной и по праву; У несправедливых судей много затей*. Как отмечает Е. И. Голованова, «чиновничья сфера <...> вызывает резко негативную оценку у воспринимающего коллективного сознания» [1. С. 149]. **Фрейм «судья» имеет такие оценочные характеристики, как «несправедливый» и «мздоимец»** [1. С. 250]. **Позволим себе утверждать, что в русском наивном представлении судья является скорее отрицательной фигурой, заинтересованной не в справедливом разрешении конфликта, но явно заинтересованной в получении прибыли для себя: *Пред богом с правдою, а пред судьей с деньгами; То-то и закон, как судья знаком; Судьям то и полезно,***

что в карман полезло; Дари судью, так не посадишь в тюрьму; Порожними руками с судьей не договоришься.

Русские предписывающие пословицы более абстрактны в отличие от немецких, которые имеют функциональное назначение (то есть содержат непосредственные рекомендации по ведению суда). Основной идеей в русских пословицах этого типа является идея справедливости и законности судопроизводства: *Держи суд по закону!; Сиди криво, а суди прямо; Не спеши карать, спеши выслушать*. Нужно заметить, что в русском языке паремии, актуализирующие слот «судья», составляют примерно половину всех пословиц, относящихся к фрейму «суд», что говорит о большой значимости этой фигуры в процессе судопроизводства.

Что касается остальных наименований лиц по профессии, участвующих в судебном процессе, то в немецком паремиологическом фонде ярко и представительно в количественном отношении представлен слот «адвокат»: *Jemehr Advokaten, jemehr Prozesse* (Чем больше адвокатов, тем больше процессов), *In einer leichten Sache kann jeder Advokat sein* (В легком деле каждый может быть адвокатом), *Wo viel Streit ist, da halten die Advokaten Ernte* (Где споры, там адвокат пожинает урожай). Паремии, составляющие слот «адвокат», интересны тем, что в них очень четко просматривается отношение народа-носителя языка к лицам данной профессии. Адвокаты имели дурную славу, считалось, что их легко можно подкупить и что закон они толкуют, как им вздумается: *Advokaten und Soldaten sind des Teufels Spielkameraden* (Адвокаты и солдаты – друзья черта); *Advokat – Schadvokat* (Адвокат – вредитель); *Ein Advokat und ein Wagenrad wollen geschmiert sein* (ср. рус. Не подмазанное колесо скрипит). В русском паремиологическом материале слот «адвокат» является лакуной, он не получил объективации на данном уровне языка, что свидетельствует о нерелевантности этой профессии для русского судопроизводства в период формирования паремиологического фонда.

Итак, проанализировав наименования лиц по профессии, объективирующих фрейм «суд» в немецкой и русской паремиологических картинах мира, можно сделать вывод, что в немецком сознании суд сопровождается в большей степени нейтральными коннотациями, а в русском восприятии – по большей части негативными коннотациями. Негативное отношение к суду связано не с судом как органом судопро-

изводства, а с людьми, отправляющими правосудие. В немецком языке фрейм «суд» представлен более дифференцированно вследствие большей разработанности слотов и наполнения их паремиологическим материалом.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 304 с.
2. Иванова, Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб., 2002. 160 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.

4. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 1990 с.
5. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. М., 1995. 846 с.
6. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
7. Duden Herkunftswörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
8. Kaib, H. Rechtssprichwörter und sprichwörtliche Redensarten mit rechtlichem Inhalt. Rothenburg ob der Tauber 1992.
9. Schmidt-Wiegand, R. Deutsche Rechtsregeln und Rechtssprichwörter : ein Lexikon. München, 1996.
10. Simrock, K. Die deutschen Sprichwörter. Stuttgart Philipp Reclam jun. 2000.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 41–43.

Л. В. Кунфер

РЕЧЕВЫЕ СПОСОБЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

Анализируется предконфликтное речевое поведение руководителя и сотрудников организации. Автором предложена методика определения конфликтной личности для предупреждения возможных конфликтов и представлены основные техники их речевой профилактики.

Ключевые слова: *конфликтная ситуация, конфликтная личность, коммуникативный аудит в организации, конфликтное речевое взаимодействие, речевая профилактика организационных конфликтов.*

По определению А. Н. Кошелева и Н. Н. Иванниковой, «конфликт – это столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, который приводит к борьбе» [1. С. 14]. Конфликты, возникающие в организации при социальном взаимодействии, во многом специфичны и нуждаются в изучении.

Исходя из законов предпринимательства, целью каждой компании является достижение максимального результата и получение прибыли, что возможно при выполнении обязательных для фирмы условий: организованный рабочий процесс, профессиональный коллектив, отсутствие споров и психологической напряженности между сотрудниками. Именно поэтому конфликт как весьма распространенное

в последнее время явление стал объектом пристального внимания со стороны менеджеров различных уровней, бизнес-тренеров, бизнес-консультантов, руководителей организаций.

На сегодняшний день в конфликтологии существует множество подходов к типизации конфликта, к изучению различных его видов. К примеру, по значению для организации конфликты делятся на конструктивные (функциональные, созидательные) и деструктивные (дисфункциональные, разрушительные). Конструктивные конфликты возникают ввиду объективных причин (вопрос о заработной плате, рабочем времени, например) и указывают на пробелы и сложности в трудовом процессе, несовершенство управления, что, несомненно, идет на пользу организации. Положитель-

ное влияние конфликта может проявляться в следующем: столкновение различных точек зрения позволяет участникам делового общения получить наиболее полную информацию о проблемах, адекватно ее оценить и совместно разработать комплекс мероприятий для устранения недостатков в работе компании, явившихся причиной конфликта. В итоге при умелом разрешении такого конфликта повышается эффективность организации.

В данной статье мы рассматриваем деструктивные конфликты, которые, в отличие от конструктивных, являются серьезным препятствием для эффективной деятельности фирмы и в целом могут привести к весьма плачевным для предприятия последствиям. Складывание нездорового психологического климата в коллективе, отказ работников от сотрудничества и совместной деятельности способны увеличить кадровые потери, ухудшить качество работы, приостановить трудовой процесс и в итоге снизить производительность компании. Необходимо отметить, что значение конфликта для организации во многом зависит от знания речевых приемов прогнозирования и предупреждения конфликтных ситуаций, управления ими.

За управление и разрешение конфликтов в компании в большей мере отвечают руководитель, его заместитель, начальники отделов, то есть те, кто в деловой коммуникации занимает главенствующую позицию, за кем остается последнее слово, кто является инициатором, а впоследствии и «режиссером» деловой беседы.

Представленная статья посвящена изучению конфликтного речевого поведения сотрудников организации ООО «НПО «Надежность» и направлена на преодоление напряженности между ними в рамках делового общения. В статье предложены основные стратегии речевого взаимодействия, которые могут быть использованы в конфликтной ситуации в целях ее нейтрализации. В результате коммуникативного аудита в компании нами были разработаны основные приемы лингвотерапии как наиболее уместного предконфликтного речевого поведения и смоделированы речевые конструкции, которые позволят снизить конфликтность ситуации и предупредить конфликт.

В теории конфликтологии существует позиция, согласно которой конфликтную личность сравнивают со своеобразным ферментом, способным значительно ускорить развитие конфликтной ситуации в негативную сторону. В связи с этим необходимо отменить,

что уже на начальном этапе делового общения у руководителя возникает возможность предотвратить потенциальный конфликт. Обладая определенным объемом знаний в области психологии конфликтного поведения, он способен «распознать» типы личности участников коммуникации и «предугадать» их линии поведения.

Нами разработана методика определения личности собеседника, что, несомненно, позволит руководителю сориентироваться в ситуации и предупредить возможный конфликт. Ниже перечислены черты характера и особенности поведения, свойственные конфликтным личностям, и приведены речевые конструкции, которыми они обычно пользуются:

– неоправданно завышенная оценка собственных способностей, хвастовство; частое употребление местоимения «я»: *я знаю побольше вашего; хочу, чтобы Вы отдали эту работу мне, не сомневайтесь; я сделаю ее лучше всех; на мои суперспособности еще никто не жаловался!; по сравнению с другими, у меня за спиной большая школа жизни, столько лет учебы, такой профессиональный опыт, уж я-то справлюсь, зуб даю!;*

– стремление всячески доминировать в деловой коммуникации; неприемлемая для профессиональной беседы настойчивость, граничащая с навязчивостью: *ну как Вы понять не можете, это для Вашей же пользы; я не о себе думаю, я для фирмы стараюсь!;*

– консерватизм, зашоренность, ограниченность взглядов и убеждений, создающие коммуникативные барьеры при общении; неприятие, отрицание новаторской деятельности, новых методов и идей, подрывающих устоявшиеся каноны: *мой многолетний опыт подсказывает мне самое верное решение; немыслимо, ведь это не подтверждено еще расчетами; я разрабатывал похожие проекты, и этот проект не будет от них отличаться, тут не нужна самостоятельность; что вы мне объясняете, я здесь столько лет работаю!; я отказываюсь от этой работы, не хочу, чтобы меня учили!; никому не позволю мне указывать, еще не доросли до этого!;*

– выходящая за рамки делового общения прямолинейность суждений; собеседник бесцеремонно всех перебивает, постоянно стремится высказать свое мнение, даже когда его об этом не просят: *а я Вам все выскажу; Вы говорите ерунду, это невозможно слушать; кто, кроме меня Вам правду скажет?!;*

– эмоциональные качества личности, характеризующиеся конфликтогенностью для деловой коммуникации (раздражительность, тревожность, неуступчивость, агрессивность, упрямство, мнительность и др.) и проявляющиеся в замечаниях, содержащих бездоказательную критику, высказываемых фамильярно и навязчиво, с употреблением обобщений: *здесь абсолютно все неверно; Вы неправильно рассуждаете, впрочем как всегда; почему вечно, как только дело касается Вас, Вы умудряетесь все испортить?!*

Представленные речевые формулы служат «сигналами» конфликтогенности личности, позволяющими смоделировать поведение собеседника в ситуации конфликта.

В целом проблема конфликтных личностей весьма актуальна и подчас требует от руководителя незамедлительного решения. С одной стороны, решить ее можно, устранив такую личность из делового общения, однако с другой – это не всегда возможно. По нашему мнению, наиболее уместно в данном случае следование формам речевого поведения, разработанным по результатам анализа коммуникаций в компании и выполняющим функции лингвотерапии:

1. Вести беседу в рамках делового общения, соблюдая при этом нормы служебной этики и дистанцию в отношениях с сотрудниками.

2. В случае отклонения от темы беседы тактично прервать собеседника или изначально определить временные рамки его монолога; вежливо напомнить ему о предмете деловой встречи: *спасибо, мы вас услышали (поняли); мы забыли о самом главном в разговоре, о том, с чего начали; давайте вернемся к ключевой теме нашей беседы; мы потеряли нить разговора; а теперь постараемся вернуться к сути проблемы.*

3. Оспаривать заявления «проблемного» собеседника следует спокойно, настойчиво, подробно аргументируя собственные замечания; по возможности приобщать к разговору потенциальных конфликтантов и других участников коммуникации, требуя от них выразить свою точку зрения на высказывания конфликтной личности и тем самым вовлекая всех в совместное обсуждение проблемы: *твое мнение в корне неверно, ведь факты говорят о дру-*

гом; я категорически не согласен с этим, твои утверждения голословны; теперь слушаем других экспертов, нам нужен свежий взгляд; Вы действительно так думаете?! А эксперт N предлагает другое проектное решение.

4. Если собеседник «закрыт» для контакта, необходимо показать свою искреннюю заинтересованность в общении с ним, его всячески заинтересовать в обмене опытом, информацией: *ввиду Вашего большого опыта в обследовании хотелось бы услышать рекомендации в отношении такого проблемного здания; компания нуждается в Вашей помощи (поддержке); не могли бы Вы проконсультировать наших специалистов по поводу традиционных методов проектирования, они, кстати, вернулись с обучения по инновационным разработкам в этой области, думаю, вам есть что обсудить.*

5. Ограничить использование речевых формул, содержащих конфликтогены: приказание, угрозу, критику, обвинения, насмешку и т.д.

Таким образом. В результате аудита коммуникаций в организации были выявлены основные речевые конструкции, позволяющие спрогнозировать и предупредить конфликт.

В совокупности с предложенными способами предупреждения конфликтов в компании ООО «НПО «Надежность» их возникновению препятствуют следующие мероприятия: постоянная диагностика психологического климата среди сотрудников и создание благоприятной для работы коллектива обстановки; соблюдение работниками своих должностных обязанностей; доброжелательное отношение руководства ко всем сотрудникам, способное выработать в них стремление противостоять негативным влияниям и сотрудничать на благо организации.

Список литературы

1. Бершова, Л. В. Курс лекций для руководителей. М., 2003. 119 с.
2. Кошелев, А. Н., Иванникова, Н. Н. Конфликты в организации: виды, назначение, способы управления. М., 2007. 326 с.
3. Шкатова, Л. А. Конфликты в организациях : психолингвистический аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 11 (192). С. 151–155.

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ПРИЕМ АВТОКОММЕНТАРИЯ ЗАМЫСЛА ГОВОРЯЩЕГО В КОММУНИКАЦИИ

В профессиональной коммуникации особенно значимо точное представление знания. Система осложненного предложения позволяет говорящему комментировать демонстрируемое им знание и отношение к нему.

Ключевые слова: замысел речи, знание, смысл, значение, интенция.

В современной науке есть точка зрения, согласно которой информация – это передаваемое языковыми формами в коммуникации знание, которое представляет собой семантическое, то есть опосредованное социальной практикой и конвенциональное по своей сути содержание пропозиционально структурированных ментальных репрезентаций когнитивного пространства индивидуума. Иначе говоря, выступая в виде знания, информация обязательно передает в конвенциональном коде индивидуальный опыт человека, содержание результатов всей его деятельности и процессов познания им мира. В то же время каждый индивид имеет специфическую систему связей и ориентиров (личностных смыслов) организации своего когнитивного пространства, которые могут и не иметь конвенционального характера. Таким образом, понятие смысла не обладает презумпцией знаковой системы, но детерминирует наличие как субъекта, так и момента коммуникации. Отметим, что любая речевая коммуникация, по Г.-Г. Гадамеру, представляет собой акт означивания текста в процессе его интерпретации, то есть любой индивидуум, создавая свою картину мира, основывается на *пред-понимании*, включающем в себя допущения, неявно выраженные в используемом языке.

В теории коммуникативной компетенции (ТДМ) О. Т. Йокоямы коммуникация рассматривается как процесс передачи знания от одного собеседника другому в соответствии с правилами кооперации, минимальная же единица общения включает 4 набора знаний: знания индивидуума о мире и о самом себе и знания, важные в данный момент как для первого участника коммуникации, так и для второго [1. С. 95–96]. Соответственно, в речевом общении передается 3 типа информации: информационное знание, метаинформационное знание (о коде и ситуации общения) и информация об

отношении говорящего к высказыванию (что как бы остается вне знания. – Г. М.). Однако, как известно, фоновые знания – это не множество суждений, а общая ориентированность человека миром, который всегда организован вокруг фундаментальных замыслов человека. Следовательно:

1) процесс межличностной коммуникации характеризуется интенциональностью, что согласуется и с положением О. Т. Йокоямы об основании говорящим своих высказываний на субъективной картине между четырьмя наборами знаний;

2) знание никогда не передается объективно, «навязывание» важного для говорящего набора знаний обусловлено тем, что говорящий не описывает ситуацию, а сам создает ее;

3) употребление языковых форм определяется необходимостью координации деятельности индивидуума с деятельностью других, так как речевой акт всегда осуществляется в контексте и на основе общего фонда знаний;

4) передаваемое знание выражается посредством конвенциональных значений, основанных на закрепленных в речевых актах «принятых обязательствах» и на обращенных к коммуникации способах их оформления.

Каждый индивид формирует свою специфическую систему связей и ориентиров, организующих когнитивное пространство. Выведение так называемых функциональных ориентиров «вовне» требует перехода от интрапсихического к интерпсихическому, что возможно с помощью логической обработки информации и ее вербализации, то есть с привлечением конвенциональных значений семантического уровня, придающих этому процессу характер экстерииоризации и позволяющих его продуктам соотноситься с правилами описательной грамматики. В то же время функциональные ориентиры, или индивидуальные оперативные единицы мышления (личностные смыслы), мо-

гут и не иметь знакового, то есть конвенционального характера: «Личностные смыслы, из которых кристаллизуется мысль, могут иметь разный субстрат» [2. С. 29]. Так, актуализация того или иного целостного фрагмента модели мира субъекта коммуникации как кванта его предшествующего опыта может определяться воспоминанием, или, как иногда образно говорят, «всплытием», какого-либо образа, представления, картины невербального характера.

Если замысел речи говорящего представляет целостный гештальт, своеобразный континуум личностных смыслов, включающих «содержание» фрагмента картины мира говорящего, его отношения к нему, приоритеты и интенции в предстоящей коммуникации (внутренний контекст), а также учет условий общения, отношений к слушающему и возможных речевых стратегий (внешний контекст), то текст выступает как информационно завершенная конвенциональная репрезентация замысла речи в акте коммуникации, дискретно организованная и линейно структурированная в соответствии с общим контекстом и на основе языковых значений. При этом в ментальном пространстве внутренней речи холистическое образование замысла претерпевает последовательно расщепление на коммуникативно значимые ситуации и отношения между ними, структуризацию посредством выбора пропозиций, перераспределение информации в нем на основе придания пропозициям грамматического статуса и коррекцию при выборе «упаковочных» компонентов пропозиционального содержания непосредственно в ходе порождения речи.

Поскольку языковые значения (грамматические и лексические), являясь областью «конвенциональной образности», суть не только акты видения мира (идеальные действия), но и способы организации человеческого опыта как достояния социума, языковые выражения в определенной степени навязывают свой образ фрагмента картины мира говорящему, ограничивая его в адекватности представления личностных смыслов и их роли в замысле речи. Преодоление ограничений, накладываемых языковыми значениями на репрезентацию замысла, возможно, как это ни парадоксально, с помощью других языковых значений при «комментарии» говорящим своего замысла в тексте. Комментарий может относиться как к онтологии выражаемого фрагмента картины мира, так и к ее оценкам говорящим (которые при соответствующих интенциях субъекта комму-

никации могут быть представлены в качестве онтологических сущностей). Однако языковая система не только позволяет указывать степень приоритетности знания в картине мира говорящего через номенклатуру своих единиц, но и подчеркивать его актуальность через их комбинаторику. Выбор говорящим синтаксической структуры – простого, сложного и осложненного предложений – «подсказывает» другим участникам коммуникации, что наиболее актуально в том или ином высказывании, соответственно: отношение между участниками ситуации, отношение между ситуациями, отношение либо между коммуникативно неравнозначными ситуациями, либо между репрезентируемой ситуацией и говорящим.

Система осложненного предложения, как и системы простого и сложного предложений, определяющая коммуникативный ранг выражаемой информации в «возможном мире» говорящего, позволяет создавать дополнительные (второстепенные и метатекстовые) линии («нити») сообщения в тексте. При этом даже сам выбор говорящим той или иной синтаксической единицы показывает, какой аспект представления данной единицы информации является для него коммуникативно приоритетным: представление ситуации – используется простое предложение; связь между ситуациями, ее вектор – применяются различные виды сложного предложения; комментарий, выражение отношения, позиции говорящего или существенность в рамках репрезентируемой ситуации «следа» / отношения другой ситуации – появляется осложненное предложение с разными типами осложняющих категорий. Таким образом за счет последовательности используемых синтаксических единиц, генерируется и актуализируется интенциональная направленность текста.

Помимо выбора грамматических единиц и их комбинаторики, говорящий при реализации замысла может опираться на «упаковочные» компоненты пропозиционального содержания высказывания. Так, эмпатия, важность и актуальное членение, ориентированные на «эго» говорящего, относятся к когнитивному содержанию языкового значения. Оппозиции данное / новое и известное / неизвестное, а также частично постановка логического ударения в высказывании предполагают ориентацию говорящего на фонд знаний слушающего, условия ситуации общения и апелляцию к уже известному контексту, следовательно, ориен-

тированы на «внешний» контекст и принадлежат к прагматическим компонентам значения языкового выражения.

Осуществление комментария – основная функция системы осложненного предложения, в первую очередь обозначающей коммуникативный ранг информации в тексте в соответствии с личностными смыслами говорящего. В зависимости от коммуникативного статуса выражаемой информации значения осложняющих категорий актуализируют в тексте либо смыслы дополнительных топиков и исходных точек, отношений и пресуппозиций, либо смыслы достоверности и различных оценок сообщаемого, авторизации и адресата побуждения, а также отра-

жают коммуникативные интенции говорящего. Таким образом, можно утверждать, что наряду с системами простого и сложного предложений осложненное предложение предназначено для обеспечения полноценного воплощения замысла говорящего в тексте.

Список литературы

1. Йокояма, О. Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // *Вопр. языкознания*. 1992. № 6. С. 94–103.
2. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. 240 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 46–48.

Л. А. Нефедова, Э. Ш. Никифорова

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИЯХ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045,
проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, возникающих на стыке языка и права. Особое внимание авторами уделяется интерпретации речевого поведения профессиональных участников судебной коммуникации в ситуациях потенциального конфликта.

Ключевые слова: *юрислингвистика, судебный дискурс, профессиональный участник судебной коммуникации, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.*

Исследования последних лет отличаются особым интересом к проблемам функционирования языка в различных сферах профессиональной деятельности. Этот интерес охватил и область права: возникла особая дисциплина – юрислингвистика, изучающая различные вопросы правовой сферы, получающие отражение в языке. Эта наука успешно функционирует во многих странах мира. Так, например, в США Forensic Linguistics (судебная лингвистика) представляет собой сформировавшуюся область знания, рассматривающую широкий круг проблем, касающихся взаимодействия языка и права, где под «правом» понимается поддержание правопорядка, разре-

шение конфликтов в правовом поле и другие вопросы, прямо или косвенно затрагивающие правовую сферу [3. С. 3]. Судебная лингвистика опирается на достижения когнитивной лингвистики, дискурсивного анализа, теории грамматики, теории речевых актов, теории диалога, прагмалингвистики, социолингвистики, функциональной стилистики и т. д. В России в настоящее время лингвистические исследования в области права сосредоточены на проблемах разработки стандартов языка законодательства с целью создания понятных текстов законов, а также проведения лингвистической экспертизы в ходе уголовных процессов.

В данной статье мы затронем лишь некоторые вопросы, рассматриваемые в рамках юрислингвистики. Так, одним из понятий, которым оперируют специалисты, изучающие взаимодействие языка и права, является «судебный дискурс», рассматриваемый нами как тип речевого поведения участников судебного процесса: профессиональных и непрофессиональных.

Остановимся подробнее на речевом поведении профессиональных участников судебного процесса. Заметим, что в современном обществе право трактуется как особый социальный язык и как способ социального взаимодействия, причем, по мнению Н. Д. Голева, «правовая коммуникация формируется по образу и подобию естественных семиотических систем: естественный язык входит в правовую коммуникацию как часть дискурса, отражает сознание и интенции ее участников» [1].

Взаимодействуя в рамках судебного дискурса, участники судебного процесса проявляют себя как языковые личности, по-разному вербализирующие свои коммуникативные интенции. Поскольку за каждым участником закреплена определенная социальная роль и статус, коммуниканты выступают не столько как индивиды, сколько как представители той или иной социально детерминированной группы. При этом речевое и неречевое поведение **профессиональных** участников судебной коммуникации подвергается наиболее жесткой детерминации. В то же время их поведение является вариативным за счет применения определенного набора коммуникативных тактик внутри общей коммуникативной стратегии.

Необходимо отметить и тот факт, что участники судебного заседания (прокуроры и адвокаты) общаются в присутствии третьих лиц – судей и присяжных. В этой ситуации говорящий имеет дело с двойным адресатом: реплики юриста направлены как на его непосредственного процессуального собеседника или свидетеля, который является формальным адресатом, так и на присяжных и судей, которые являются фактическим адресатом [2. С. 143]. Для судебного заседания характерна также фиксированная смена коммуникативных ролей. Все это, несомненно, отражается на речевом поведении участников судебного процесса, влияет на построение коммуникативных стратегий и выбор коммуникативных тактик. Например, в судебной коммуникации зачастую встречается ситуация прямого и перекрестного допроса свидетелей и подозреваемых:

“Stormer: You learned there were no weapons?”

Davis: I heard there were no guns.

Stormer: But you had no information that they had weapons?

Davis: That’s correct.

Stormer: And they were peaceful and no looting

Davis: Well, no looting” (Bowoto v. Chevron).

Задавая простые, понятные вопросы, юрист доказывает, что его подзащитные не проявляли агрессии и не нарушали закон (*were peaceful and not looting*), причем вопросы задаются таким образом, что опрашиваемый, отвечая на них, неизбежно озвучивает ту информацию, которая нужна адвокату.

Того же алгоритма придерживается и русскоязычный юрист:

«Адвокат: У меня есть вопросы. Скажите, пожалуйста, с заявлением Правозащитного центра «Мемориал» об убийстве Натальи Эстемировой Вы знакомы?»

Каляпин: Да.

Адвокат: Когда Вы с ним познакомились?»

Каляпин: Прочитал я его, может быть, неделю спустя. О том, что Орлов сделал такое заявление, говорили много.

Адвокат: То есть Вам известно.

Каляпин: С коллегами-правозащитниками я общаюсь достаточно тесно. Безусловно, мне сказали, что такое заявление сделано» (Дело Орлова).

Адвокат, задавая ряд вопросов, имплицитно дает понять, что рассматриваемое дело было освещено в прессе предвзято, акценты расставлены неправильно, что приводит к искаженному восприятию событий.

Все приведенные примеры указывают на то, что перлокутивный эффект таких высказываний направлен на присяжных и судей, поскольку материалы дела предварительно тщательно изучаются как адвокатами, так и прокурорами и ответы на задаваемые вопросы им известны, следовательно, их интенцией является экспликация скрытых мотивов и деталей рассматриваемых дел для оказания влияния на фактического адресата и его убеждения.

Характерным для судебной коммуникации является также повтор фраз типа “*you are aware that?*”, “*you will see*”, “*as you see...*”, «*хочу обратить внимание суда на то..*», «*направляется вопрос: почему...*», причем такое построение речи помогает акцентировать внимание фактического адресата на необходимой для говорящего информации. Проиллюстрируем это положение рядом примеров: «*You’re not*

going to hear any testimony that Mr. Mueck did anything like that, that he let her keep strapping people so that the money would keep flowing in. We're going to have testimony where he was prewarned about her... You'll hear in this particular case that the hospital is being reviewed by a couple of different people» (Seward, Muek, Keraga case). Многочисленные фразы, обращенные к фактическому адресату, позволяют направлять внимание слушателей, предупреждают о возможном развитии событий, подготавливают к восприятию важной информации.

«**Напрашивается вопрос:** почему прокуратура против этого очевидного для всех обстоятельства? Я полагаю, ответ на этот вопрос найти несложно» (Дело Пасько). Адвокат структурирует речь, имплицитно подготавливая слушателей к восприятию информации в нужном для говорящего ключе.

Участники процесса часто прибегают к перифразированию утверждений собеседника с целью привлечения внимания наблюдателей к определенной информации: *“Witness: ... about five days later, on March, 13, 2003, she went to her primary doctor, Dr Washington and according to his records she had complaints about acute pain or pain arising in the recent past.*

Prosecutor: Let me interject for a moment, if I may, Doctor. You said that there was evidence of acute and I think you went onto pain, you went onto explain what that means. But just so it's clear to the members of the jury, does acute mean, in this context, does that mean extreme pain?” (Seward, Muek, Keraga case).

Прокурор перифразирует слова свидетеля и тут же задает вопрос по поводу услышанных показаний, прямо обозначив свою цель (*just so it's clear to the members of the jury*), привлекая этой фразой внимание присяжных и попутно объясняя свидетелю цель своего вопроса. Данный ход рассчитан прежде всего на фактического адресата: прокурор «сигнализирует» присяжным о том, что далее будет предъявлен материал, на который нужно обратить особое внимание.

«Адвокат Резник: Скажите, пожалуйста, Вам известно что-нибудь о том, как расследуется дело об убийстве Эстемировой?»

Шведов: Да, мне это известно, и на «Кавказском узле» мы публиковали сведения о том, как идет, как, вернее, не идет это расследование.

Адвокат Резник: Не идет расследование?» (Дело Орлова).

Адвокат привлекает внимание присяжных к последней фразе, намекая на то, что расследование по рассматриваемому делу не проводится должным образом. Такое коммуникативное поведение связано с необходимостью усилить свою позицию и ослабить позицию оппонента в процессе судебной аргументации.

Все проиллюстрированные приемы реализуются в рамках судебной коммуникации не изолировано и хаотично, а являются составной частью коммуникативных тактик дискредитации, профессиональной самопрезентации, имитированного диалога и ряда других в рамках базовых коммуникативных стратегий.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридическое функционирование // Юрислингвистика–5: Лингвистические аспекты права и юридические аспекты языка : сб. науч. тр. Барнаул, 2004. С. 41–59.
2. Куралева, Т. В. Особенности коммуникативного поведения участников судебного заседания (на материале англоязычных детективных романов) // Филологические науки в России и за рубежом : материалы междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 143–145.
3. Olsson, J. Forensic Linguistics. London, 2004. 269 p.

Список источников

1. Речь адвоката Генри Резника. Дело Григория Пасько [Электронный ресурс]. URL: http://www.den.lv/index.php?s=4f4eabe94c7ce7dc312_9d642772d27bd&showtopic=21219&pid=385755&mode=threaded&show=&st=0.
2. Стенограмма судебного заседания по уголовному делу о клевете, возбужденному против председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/2011/02/02/02021111.html>.
3. Jury Trial before the Honorable Ewing Werlein, United States District Judge in the Peterson, Seward, Muek, Keraga, Davis case September 9, 1998 [Electronic resource]. URL: <http://www.fmsfonline.org/eastepp.opening.html>.
4. Larry Bowoto V. Chevron Corporation – Ninth Circuit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca9.uscourts.gov/.../09-156411.pdf>.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОРПОРАТИВНОГО САЙТА

Рассматриваются элементы, характеризующие корпоративный сайт как отдельный жанр делового дискурса, отмечаются его особенности, обусловленные принадлежностью к виртуальному пространству. Утверждается, что развитие виртуальной среды оказало значительное влияние на деловое общение.

Ключевые слова: деловой дискурс, речевой жанр, корпоративный сайт.

В современном коммуникативном пространстве, по мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей, существуют, взаимовлияют и взаимодействуют различные типы дискурса – военный, медицинский, педагогический, политический, деловой. Подчеркнем, что последний, с одной стороны, обладает типичными дискурсивными характеристиками и находится под влиянием, происходящих в нем процессов, а с другой – имеет ярко выраженную специфику. Деловая коммуникация протекает в соответствии с принятыми в деловом сообществе нормами и правилами и регламентируется достаточно жесткими стандартами. Основной задачей деловой коммуникации является решение различных деловых вопросов, обмен профессиональными сведениями и фактами.

Цель делового общения обычно определяют как «установление условий сотрудничества, достижение деловой договоренности между двумя и более заинтересованными сторонами или одностороннее определение позиции по какому-либо вопросу» [1. С. 56]. Деловой дискурс – это общение между коммуникантами, общей характерной чертой которых являются деловые отношения, основанные на общем понимании деловой картины мира, профессиональных знаниях и ценностях, правилах речевого этикета. Кроме того, они охватывают отношения не только внутри организации, но и между организациями, а также между организациями и отдельными индивидами [5]. Этот дискурс занимает значительное место в жизни многих профессионалов, что обусловлено необходимостью постоянного обсуждения вопросов, связанных с организацией производства, с жизнедеятельностью трудового коллектива, заключением различного рода сделок, договоров, принятием решений, оформлением документов и т. д. [5].

Каждый тип дискурса реализуется через набор определенных жанров. Так, в рамках делового

дискурса можно отметить такие жанры, как запрос информации, предоставление ответа, деловое письмо, доклад, предложение, распоряжение, презентация и т. п. Попытки ученых построить иерархию жанров делового дискурса сводятся к расположению имеющихся разновидностей в определенном порядке, используя один или несколько характерных признаков. Цель подобной классификации состоит не только в том, чтобы систематизировать все имеющиеся жанры, создав по возможности простую и эффективную теорию, но и в том, чтобы выявить наиболее характерные признаки, по которым можно было бы отличить жанры друг от друга в рамках одного типа дискурса. Эту задачу выполнить нелегко, поскольку таких критериев несколько и они неравнозначны.

Одной из актуальных проблем при исследовании того или иного жанра, является определение его структуры. Н. В. Дудкина [2], Н. Б. Лебедева [3], Н. Б. Рогачева [4], Т. В. Шмелева [6], J. Yates и W. J. Orlikowski [7] в своих исследованиях описывают и используют различные структуры с разным количеством элементов. Обобщая приведенные выше идеи о структуре речевого жанра, нам представляется целесообразным свести все многообразие элементов речевого жанра к следующим пяти параметрам: цель, адресант, адресат, хронотоп коммуникативного акта, код, канал.

Кроме того, сегодня, говоря о существующем разнообразии жанров, необходимо учитывать их эволюцию: жанры изменяются во времени под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Теряют свою актуальность старые жанры (телеграмма, личное письмо), появляются новые (чат, блог, корпоративный сайт). Особую востребованность и внимание исследователей сегодня приобретают жанры виртуальной коммуникации. Лингвисты сходятся во мнении, что в задачи виртуального жанроведения входит описание

и структурирование всего многообразия виртуальных (цифровых) жанров и способов их классификации. Виртуальное жанроведение можно рассматривать как часть более широкого направления в современной лингвистике, анализирующего речевые практики электронной коммуникации и электронного общения – лингвистики Интернета.

Для делового дискурса изменения в жанровой системе под влиянием виртуального пространства особенно очевидны. Интернет-среда предоставляет те возможности, которые, с одной стороны, высоко ценятся в деловой коммуникации, с другой стороны, не могли реализоваться вне электронного пространства: гипертекстуальность и интерактивность, интенсивность использования мультимедиа, возможность поддержания связи между автором текста и его аудиторией, синхронность / асинхронность коммуникации, частота обновления информации.

Одним из примеров возникновения нового жанра благодаря виртуальной среде является официальный сайт корпорации. Корпоративный сайт (КС) – это полноценное представительство компании в Интернете. В первую очередь – это имиджевый инструмент, который должен запоминаться клиентам и партнерам уникальным дизайном, удобной функциональностью и гибкостью в управлении. Грамотно сделанный корпоративный веб-сайт – это мощный инструмент продвижения товаров и услуг, предлагаемых компанией, средство привлечения потенциальных клиентов и поиска деловых партнеров.

С целью определения роли, которую играет жанр КС в формировании делового дискурса, мы рассматриваем англоязычные корпоративные сайты таких общеизвестных компаний, как Microsoft Worldwide Home, Intel, IBM, McDonalds.com, The Coca-Cola Company, в соответствии с указанными выше жанрообразующими характеристиками.

Любой сайт корпорации выполняет, как минимум, две коммуникативные цели: информативную, связанную с предоставлением посетителям полной, актуальной информации о деятельности компании, ее товарах и услугах, а также регулятивную, нацеленную на привлечение инвесторов и партнеров по бизнесу, увеличение объема продаж.

Основными коммуникативными составляющими любого КС являются адресант, адресат и сообщение.

Адресантом корпоративного сайта является компания, формирующая своеобразное виртуальное представительство в виде корпоративного сайта, представленная как некое обобщенное лицо, не заменяющее ни руководство компании, ни ее сотрудников по отдельности. Например, в тексте «But what does *Intel* bring to healthcare? Along with our history of innovation, we have the knowledge and experience to connect people and information in new ways» мы видим, как название компании «Intel», употребляемое в **единственном числе, изменяется на местоимение** множественного числа *we*, получившее свое широкое распространение в официально-деловой речи. Подчеркнем, что по параметру адресант КС – массовый (коллективный), так как в создании текста того или иного корпоративного сайта участвуют работники разных отделов компании, но также вышестоящие сотрудники корпорации, создатели сайта.

Адресатами данного речевого жанра выступают посетители сайта, среди которых можно выделить несколько групп: во-первых, это потенциальные партнеры, во-вторых, инвесторы и, наконец, потребители товаров и услуг компании. Особенностью адресатов КС является их относительная активность в формировании содержания сайта, что становится возможным благодаря гипертекстовым ссылкам, позволяющим пользователю уйти от линейности текста и самостоятельно определять характер и объем получаемой информации. Если исходить из количественного параметра, адресат является массовым. Если исходить из качественного параметра, и адресант, и адресат являются социальными, так как они связаны деловыми отношениями, выступая в определенных социальных ролях.

В зависимости от целевой аудитории, среди КС можно выделить: 1) сайты, предназначенные широкому кругу потребителей и лиц, интересующихся деятельностью компании; 2) внутрикорпоративные, оптимизирующие внутреннюю работу компании, открытые для доступа только сотрудникам корпорации; 3) смешанные типы, в которых присутствуют два предыдущих типа в виде разных разделов.

Что касается **хронотопа** коммуникации, следует отметить вариативность, дистантность, возможность каждой из сторон выбрать удобное время и место коммуникации. Более того, КС благодаря современным технологиям и своей виртуальной природе может предполагать интерактивность, несмотря на

удаленность участников коммуникации друг от друга.

Безусловно, любой КС – это определенный текст, отвечающий ряду заданных параметров, основными из которых являются содержание, код и канал. Тематика (содержание) КС как жанра определяется прежде всего сферой деятельности компании. КС обычно содержит общую информацию о деятельности компании, последние новости, исторический материал, отчеты о деятельности, финансовые документы, биографию руководителей и выдающихся работников, список товаров и услуг, контактные данные.

Что касается канала передачи информации, он представляет собой совокупность всех возможностей виртуальной среды: письменная речь, видео, аудио, изображения. Само по себе появление подобного рода представительства компании стало возможным только благодаря развитию компьютерных технологий и, несомненно, несет отпечаток виртуальной среды. КС представлен в виртуальном пространстве, и его электронная природа отражается на всех жанрообразующих элементах.

Благодаря своим характеристикам КС предоставляет бизнесменам новые возможности и «степени свободы». В рамках любого КС происходит пересечение двух культурно-информационных систем – профессиональной и виртуальной. Результатом этого симбиоза является изменение дискурсивной деятельности участников: адресат КС становится активным участником дискурсивного процесса, его когнитивные характеристики учитываются на всех этапах создания КС.

Итак, КС является одним из важных жанров делового дискурса, который можно рассматривать как коммуникативное взаимодействие в

определенном институциональном контексте, где адресант и адресат наделены определенными социальными ролями. Изучение КС должно строиться с учетом всей совокупности языковых и экстралингвистических факторов.

Список литературы

1. Гурьева, З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: к созданию интегративной теории: на материале текстов на русском и английском языках : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 446 с.
2. Дудкина, Н. В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 24 с.
3. Лебедева, Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 116–123.
4. Рогачева, Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.
5. Ширяева, Т. А. Современный деловой дискурс: опыт лингво-когнитивного исследования // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы. М. ; Тамбов, 2013. С. 811–822.
6. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.
7. Yates, J. Genres of Organizational Communication: A Structural Approach to Studying Communication and Media / J. Yates, W. J. Orlikowski // The Academy of Management Review. Vol. 17, № 2. P. 299–326.

ДИСКУРС СФЕРЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ КАК ВИД НАУЧНОГО ДИСКУРСА (на материале современного английского языка)

Работа выполнена в рамках проекта «Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945-2011 гг.): когниолингвистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» в соответствии с Государственным заданием ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»

Статья посвящена анализу основных характеристик и особенностей англоязычного дискурса сферы нанотехнологий как особой разновидности научного дискурса. Доказывается, что рассматриваемому виду дискурса отводится значительное место в рамках англоязычной профессиональной коммуникации, выявляются основные конституирующие признаки дискурса нанотехнологий, рассматривается терминологическая составляющая данного вида коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: научный дискурс, нанотехнологии, профессиональная коммуникация, дискурсивное пространство, текст, стратегия, жанр, ситуация общения, термин, терминосистема.

В настоящее время одной из перспективных областей исследования является изучение профессионального дискурса, обслуживающего различные области человеческой деятельности. Несмотря на наличие подобных исследований в целом [2; 3; 6; 7 и др.], до настоящего момента дискурс сферы нанотехнологий не подвергался серьезному лингвистическому анализу, что может быть объяснено относительно недавним выделением нанотехнологий в качестве самостоятельной научно-исследовательской парадигмы, имеющей собственный терминологический аппарат, предмет изучения и методологию; молодостью самой нанотехнологической терминологии и другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами [17; 18 и др.].

В целом, под дискурсом понимается письменный или устный вербальный продукт коммуникативного действия [8; 9; 12; 16 и др.]. Следовательно, **дискурс сферы нанотехнологий** представляет собой устный или письменный вербальный продукт коммуникативного действия *в рамках сферы нанотехнологий*. Данное определение показывает, что дискурс нанотехнологий следует отнести к категории **профессиональных дискурсов**.

С точки зрения социолингвистики различают персональный (индивидуальный) и институциональный виды дискурса. Вполне логично предположить, что и дискурс сферы

нанотехнологий, являясь частью научного дискурса, также является институциональным. Как известно, *для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами* (см., например: [11; 13 и др.]), и в дискурсе сферы нанотехнологий личностный компонент также весьма важен.

Исходя из положения о системности дискурса в целом (см., например: [15]), можно заключить, что дискурс сферы нанотехнологий, находящийся в фокусе нашего исследования, является составным элементом англоязычного научного дискурсивного пространства как системы и имеет свои *конститутивные, или системообразующие, признаки*.

Для описания конкретного типа институционального дискурса (ИД) (а именно – дискурса сферы нанотехнологий) целесообразно рассмотреть следующие компоненты ИД, выделенные В. И. Карасиком: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) стратегии; 5) материал (тематика); 6) разновидности и жанры [9; 10]. Рассмотрим и проанализируем дискурс сферы нанотехнологий как один из подтипов институционального дискурса. **Участниками** данного вида дискурса являются исследователи в области нанотехнологий, представители специализированных научно-технических, либо научно-производственных областей. Как и для научного дискурса в целом (см. подробнее: [9;

10]), так и для дискурса сферы нанотехнологий характерно равенство всех участников научно-профессионального общения, то есть никто из исследователей-нанотехнологов не обладает монополией на истину, все научные изыскания подвергаются критическому анализу. Важным представляется также и то, что *границы познания* в данной отрасли фундаментального и прикладного знания *не определены*. Среди участников дискурса сферы нанотехнологий можно выделить, с одной стороны, ученых, экспертов в данной узкоспециальной области, с другой стороны, широкую публику, которая читает научно-популярные журналы по тематике нанотехнологий, смотрит соответствующие телепередачи, посещает специальные сайты, посвященные нанотехнологиям; а также начинающих исследователей, получающих образование на кафедрах и в лабораториях. Данные участники нанотехнологического дискурса играют важную роль в популяризации нанотехнологической терминологии, вводят ее в широкий коммуникативный обиход, тем самым обуславливая интенсивный процесс *детерминологизации* в рамках данной сферы.

Хронотопом дискурса сферы нанотехнологий является обстановка, типичная для научного диалога по данной тематике. Форма выражения диалога может быть как устная, имеющая место в лаборатории, в кабинете ученого, на кафедре, так и письменная, например, в библиотеке.

Целью коммуникации в области нанотехнологий является процесс формирования, репрезентации, аккумуляции и передачи нового знания о предметах, процессах или явлениях, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными правилами научного общения – точностью, логичностью изложения, равной пресуппозицией участников, доказывающих истинность / ложность тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи (см., в частности: [1. С. 60–68]) и т. д.

Стратегии дискурса сферы нанотехнологий реализуются, главным образом, в таких **жанрах**, как *научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, научно-технический отчет, реферат, аннотация, тезисы* и т. д., что еще раз доказывает принадлежность данного вида и формата коммуникации именно научному дискурсу. Прототипным (наиболее частотным реализуемым) жанром дискурса сферы нанотехнологий мы

считаем *научную статью*. В связи с компьютеризацией и интернетизацией профессиональной коммуникации границы между формальным и неформальным общением в рамках сферы нанотехнологий зачастую стираются, что вносит существенные изменения в жанровую систему соответствующего дискурса. Стратегии дискурса, в свою очередь, определяют формирование определенных типов текстов.

Тематика дискурса сферы нанотехнологий по определению не может и не должна охватывать широкий круг проблем, выходящих за рамки нанотехнологической науки. Дискурс посвящен вопросам развития нанотехнологий, становлению данной научно-технической области, сделанным открытиям и достижениям, наномасштабным процессам и явлениям, приборам и устройствам и т. д. В частности, приведем пример, в котором четко прослеживается специализированная тематика дискурса: «*Progress in the development of nano-sized hybrid therapeutics and nano-sized drug delivery systems over the last decade has been remarkable. A growing number of products have already secured regulatory authority approval and, in turn, are supported by a healthy clinical development pipeline*» [21].

Дискурс сферы нанотехнологий характеризуется высокой степенью *интертекстуальности*, что также свидетельствует о его принадлежности к научному дискурсу, однако, в отличие от последнего, в нем достаточно трудно в чистой форме обнаружить прецедентные тексты в связи с опосредованной связью нанотехнологий с такими науками, как физика, химия, биология и т. д.

Вслед за некоторыми учеными-лингвистами (см., в частности: [19; 20]), **занимающимися** проблемами политического дискурса и выделяющими в его рамках **две разновидности**: дискурс политиков (дискурс профессионалов) и дискурс о политике (дискурс непрофессионалов), мы считаем правомерным выделить *дискурс сферы нанотехнологий*, принадлежащий ученым, специалистам в области нанотехнологии, и *дискурс о нанотехнологиях*, принадлежащий неспециалистам. Обе разновидности дискурса в рамках нанотехнологий, наряду с общими чертами, обладают определенной спецификой с точки зрения содержания и формы общения, терминологической наполненности, тематики, адресата и т. д. Среди разновидностей дискурса сферы нанотехнологий можно назвать его **устный / письменный варианты, компьютерно-опосредованный дискурс** и т. д.

Необходимо отметить, что изучение терминологии сферы нанотехнологий и ее употребления в соответствующем дискурсе найдется лишь на начальном этапе. По нашему мнению, в рамках англоязычного научного дискурсивного пространства как совокупности всех видов научного дискурса английского языка можно выделить дискурс сферы нанотехнологий. Как нам представляется, в настоящее время пока еще рано говорить о наличии *обширного* дискурсивного пространства сферы нанотехнологий, представляющего собой «некую логическую среду, в которую погружен данный человек и которая включает в себя все когда-либо произведенные им дискурсы» [14. С. 132], однако его существование в целом подвергать сомнению нецелесообразно. Если несколько расширить приведенное выше определение, то **дискурсивное пространство сферы нанотехнологий** предстает как сложная семиотическая система, представленная в виде текстов, изображений, аудио и видеоматериалов по тематике нанотехнологий, структурно организованных для вовлечения языковой личности (как специалистов, так и неспециалистов) в дискурс нанотехнологий.

Дискурсивное пространство сферы нанотехнологий, предполагающее наличие определенного набора средств и инструментов, дающего возможность языковой личности в рамках дискурса входить в некую организованную по особым правилам нанотехнологическую среду для осуществления различного вида деятельности (см.: [4; 5]), только *формируется*. Однако нет сомнения в существовании дискурса сферы нанотехнологий, что может быть доказано, в частности, значительным количеством текстов, отражающих речевые произведения в нанотехнологической среде и по тематике нанотехнологий.

Таким образом, мы выделяем дискурс сферы нанотехнологий, обладающий собственным хронотопом, тематикой, целями, стратегиями и т. д. **как часть соответствующего формирующегося дискурсивного пространства сферы нанотехнологий** в рамках общего англоязычного научного дискурсивного пространства.

Список литературы

1. Аликаев, Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999. 317 с.

2. Алимуратов, О. А. Областная модель концепта BEAUTY, вербализуемая коммуникантами-женщинами // *Lingua mobilis*. 2009. Т. 17, № 3. С. 36-53.

3. Алимуратов, О. А. Областная модель концепта BEAUTY, вербализуемая коммуникантами-женщинами // *Lingua mobilis*. 2009. Т. 19, № 5. С. 36-51.

4. Алимуратов, О. А. От концептосферы к лексике и обратно: проблемы метонимического моделирования ментального пространства языковой личности // *Когнитивные исследования языка*. Вып. VII. Типы категорий в языке. М.; Тамбов, 2010. С. 233-241.

5. Алимуратов, О. А. Характерные особенности динамики концептосферы индивида // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2004. № 4. С. 105.

6. Бейлинсон, Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: на материале коммуникативной практики логопедов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 39 с.

7. Гафиятова, Э. В. Метафорическое переосмысление лексики растительного мира в профессиональном дискурсе // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2010. № 4. С. 53-56.

8. Дейк, Т. А. ван. **К определению дискурса** [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.

9. Карасик, В. И. **О типах дискурса** // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5-20.

10. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // *Этнокультурная специфика речевой деятельности*: сб. обзоров / ИНИОН РАН. М., 2000. С. 37-64.

11. Константинова, А. С. О типологии институциональных речевых действий в парламентском дискурсе (на материале немецкого и русского языков) // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2012. № 1. С. 141-144.

12. Менджеричкая, Е. О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. М., 1997. С. 130-133.

13. Олешков, М. Ю. Коммуникативно-речевые стратегии в институциональном дискурсе // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. 2006. № 3. С. 16-30.

14. Плотникова, С. Н. **Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство** // *Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2008. № 1. С. 131-136.

15. Пономаренко, Е. В. **Функциональная системность дискурса** (на материале английского языка). М., 2004. 328 с.

16. Правикова, Л. В. Концепция дискурса и перспективы дискурсного анализа // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2012. № 1. С. 100–105.

17. Раздубев, А. В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подязыков сферы нанотехнологий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 24. С. 167–170.

18. Раздубев, А. В. Перспективы стандартизации англоязычной специализированной лексики сферы нанотехнологий // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2012. № 3. С. 79–87.

19. Чудинов, А. П. **Политическая лингвистика**. М., 2006. 256 с.

20. Шейгал, Е. И. **Семиотика политического дискурса**. М., 2004. 326 с.

21. <http://ansit.wordpress.com/2007/01/28/nanotechnology-age-of-convergence/> [Электронный ресурс].

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 55–57.*

М. А. Самкова

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается коммуникативную модель учебно-педагогического дискурса с позиции лингвосинергетики, что позволяет создать целостное системное представление об учебно-педагогическом дискурсе и проследить процесс его самоорганизации.

Ключевые слова: учебно-педагогический дискурс, лингвосинергетика, аттрактор, точка бифуркации, параметр порядка, диссипативная структура, энтропия.

Любое исследование языка, общения, дискурса опирается на ту или иную модель коммуникации. В данной статье представлена коммуникативная модель учебно-педагогического дискурса в русле комплексного лингвосинергетического подхода, выступающего в качестве методологической основы исследования учебно-педагогического общения в системе организованного обучения. Главным стимулом к применению идей синергетики к лингвистическому материалу являются методологические и технологические трудности, с которыми современным исследователям приходится сталкиваться при разработке систем автоматической переработки текста [5. С. 2]. Понимание и описание механизмов саморегуляции и саморазвития языка и речемыслительной деятельности позволяет преодолеть названные трудности. Лингвосинергетика представляет собой трансдисциплинарную сетевую структуру науки, в которой варьируемое в зависимости от выбранной научной перспективы лингвистическое знание и иное релевантное знание

объединяются на основе эволюционно-синергетических принципов [2. С. 7].

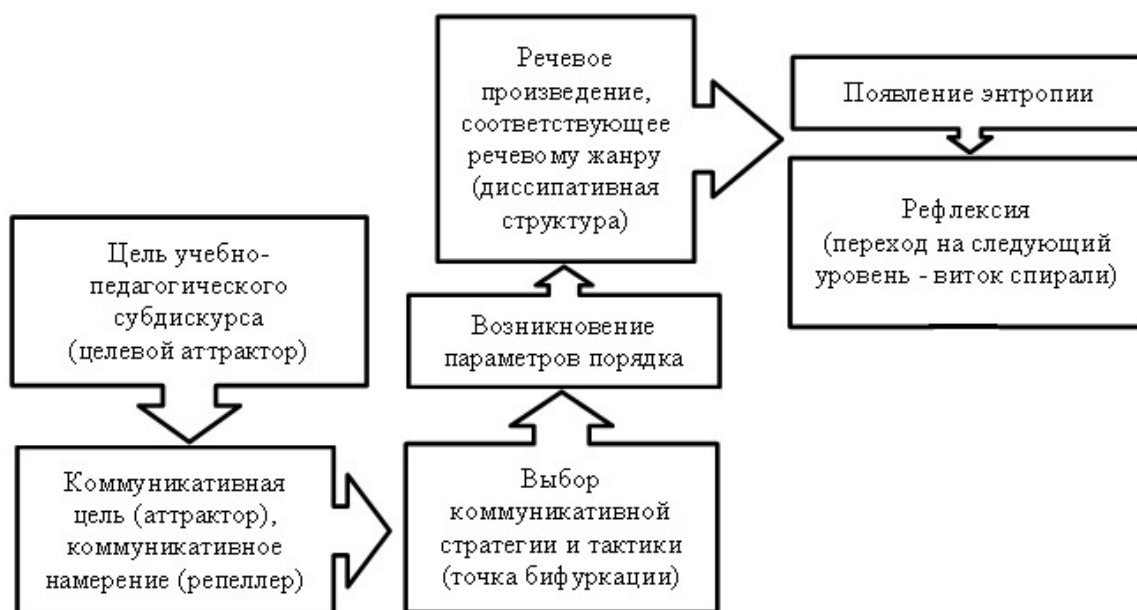
В данном случае объектом исследования является учебно-педагогический дискурс – открытая нелинейная система, представляющая собой целостное единство социокультурно обусловленной речемыслительной деятельности как динамического процесса и совокупности ее результатов – учебных текстов, которые дискурсивно реализуются в рамках целостной коммуникативной ситуации, погруженной в сферу организованного обучения общению на английском языке. Учебно-педагогический дискурс обладает рядом специфических характеристик, позволяющих уточнить специфику учебно-педагогической коммуникации. Учебно-педагогический дискурс имеет своей целью формирование знаний и навыков в области изучения иностранного языка путем обучения общению на английском языке. Непосредственными участниками являются педагог и учащийся, взаимодействующие посредством учебных текстов (учебно-научных, дидактиче-

ских и конверсационных) и других знаковых комплексов в рамках целостной коммуникативной ситуации. Учебно-педагогический дискурс способен существовать в нелинейной внешней среде и активно взаимодействовать с ее компонентами, что оказывается важнейшим условием создания советующей функциональной перспективы речи педагога и успешности учащегося в усвоения модели иноязычного общения. Коммуникативная модель учебно-педагогического дискурса выглядит следующим образом:

Дискурс воплощает структуру речемыслительной деятельности для выполнения определенных коммуникативных целей, результатом чего является совокупность текстов, локализованных во временном и пространственном контексте и в определенных социокультурных условиях. Коммуникативные цели в лингвосинергетической парадигме называются аттракторами. Аттракторы притягивают расположенные вокруг неупорядоченные единицы и иерархически организуют их. Другими словами, аттракторы задают эволюцию системы, подчиняют своему направлению ее развитие. В лингвосинергетике всей совокупности целей дискурса дается групповое название – целевой аттрактор [6. С. 110]. Целевой аттрактор призван аккумулировать, выбирать необходимую информацию и структуру. Вся совокупность ограничений учебно-педагогического дискурса называется репеллер (анти-аттрактор), отталкивающий при отборе и организации все,

что не укладывается в языковую и речевую норму [7. С. 49]. Так, коммуникативные намерения, нормы и экстралингвистические условия являются репеллерами, заставляющими автора выбрать наиболее адекватный способ презентации информации. Репеллером обозначается и речевой жанр, накладывающий ограничения на интерпретацию речевых высказываний, «тем самым делая интерпретацию более стандартной и снижая степень неопределенности коммуникации» [1].

Самоорганизация дискурса определяется характером взаимодействия факторов системы и ее среды. Система может переживать переломные моменты – точки бифуркации. Вблизи точек бифуркаций в системах наблюдаются значительные флуктуации (функциональные колебания) и возрастает роль случайных факторов. В точке бифуркации система стоит перед выбором пути организации. В таком состоянии флуктуация может послужить началом эволюции системы в некотором направлении. В момент организации дискурса в точках бифуркации производятся операции коммуникативного выбора (предпочтения некоего речевого действия, изменение коммуникативной тактики), что приводит к качественным изменениям и преобразованиям речевого поля. К преобразованиям относятся интенциональные изменения: варьирование мотивационных или целевых установок участников дискурса; модусные изменения: смена регистра дискурса или переход к другому типу (модусу) дискур-



са; смысловые изменения: трансформации в развертывании содержания, смена темы или отклонение от нее, переход к новому аспекту предмета речи [9. С. 106]. Бифуркация в лингвосинергетике позволяет преодолеть энтропию (состояние смыслового хаоса) и в конечном счете приводит к организации нового, целостного образования. Под энтропией понимается мера неопределенности (непредсказуемости) развития системы, характеризующаяся возможностью выбора в качестве последующего этапа из некоторого ряда вариантов. Энтропия отражает степень порядка системы или уровень ее состояния. Энтропия учебно-педагогического дискурса обусловлена институциональностью: уровень энтропии значительно ниже в процессе институционального речевого общения, чем в процессе фатического общения. На энтропийном уровне выявляется эффективность коммуникации.

Учебно-педагогический дискурс не всегда находится в динамическом движении. Состояние относительного равновесия системы определяют параметры порядка – факторы, управляющие ее функционированием. Параметры порядка – «синергические процессы, с помощью которых происходит эволюция системы (дискурса) и ее элементов на пути к аттрактору» [8. С. 17].

Диссипативные структуры (термин И. Р. Пригожина) могут возникать при кризисе систем, их бифуркации, в результате самоорганизации. В ряде случаев флуктуации могут приводить к возникновению диссипативных структур. Возникновение диссипативных структур связано со спонтанным нарушением симметрии и возникновением структур с более низкой степенью симметрии по сравнению с пространственно однородным состоянием. Это возможно только в условиях, когда система активно обменивается энергией и веществом с окружающей средой [4. С. 64]. Так, учебный текст, подключая к порождению смысла различные компоненты языка, способен интегрироваться под воздействием коммуникативного намерения [3. С. 36] и, следовательно, появляется речевое произведение как нестабильная, диссипативная система (структура), эволюционирующая под воздействием флуктуаций. Ста-

новится понятным, что текст – это временное состояние относительной устойчивости дискурса. Новая диссипативная структура отличается большей упорядоченностью, чем предыдущая структура системы.

Опираясь на коммуникативную модель, исследователь способен создать целостное системное представление об учебно-педагогическом дискурсе, проследить процесс его самоорганизации и, как следствие, повысить эффективность использования модели коммуникации в ситуации профессионального учебно-педагогического общения.

Список литературы

1. Богин, Г. И. Речевой жанр как средство индивидуации // *Жанры речи*. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 12–23.
2. Бронник, Л. В. Языковая динамика в дискурсе: когнитивно-синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 42 с.
3. Герман, И. А. Лингвосинергетика. Барнаул, 2000. 163 с.
4. Иванова, В. С. Синергетика и фракталы. Универсальность механического поведения материалов : учеб. пособие / В. С. Иванова, М. М. Закирничная, И. Р. Кузеев. Ч. 1. Уфа, 1998. 146 с.
5. Пиотровский, Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб., 2006. 216 с.
6. Пихтовникова, Л. С. Дискурс и метаметафора в синергетическом аспекте / Л. С. Пихтовникова, С. Н. Коринь // *Науков. Вісн. Волинськ. нац. ун-ту імені Лесі Українки*. 2011. Вып. 5. Ч. 2. С. 110–115.
7. Пихтовникова, Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса // *Дискурсологія і лінгвістика тексту*. Вісн. Харьк. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. 2009. Вып. 848. С. 48–52.
8. Пономаренко, Е. В. О принципах синергетического исследования речевой деятельности // *Вопр. филології*. 2007. С. 14–23.
9. Щербинина, Ю. В. Дискурс как речевое пространство // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. Вып. 4. С. 104–111.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ НА САЙТЕ СУДА

Статья посвящена особенностям юридических документов, размещаемых на сайтах судов Российской Федерации. Особое внимание уделено приемам деперсонализации, используемым в текстах судебных актов.

Ключевые слова: *судебный акт, текст, деперсонализация.*

10 декабря 2008 года Государственной Думой был принят Федеральный закон РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который вступил в силу первого июля 2010 года. В основу этого закона положены принципы открытости и доступности информации о деятельности судов; свободы ее получения и распространения любым законным способом; соблюдения прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, права организаций на защиту их деловой репутации и т. п. Одним из способов обеспечения доступа к информации является сайт суда.

Среди текстов, размещаемых на сайтах, основная роль отводится юридическим документам – решениям, постановлениям, приговорам суда. Возникает проблема: как сделать тексты, написанные специфическим «юридическим» языком, доступными и понятными для широкого пользователя? Работники судов, ответственные за ведение сайта, используют для этого различные приемы. В тексты аналитико-информационного характера (например, отчеты председателя суда о судебной практике за определенный период) включаются таблицы, схемы, диаграммы, что облегчает восприятие статистических данных. Тексты статей для публикации в местных СМИ, размещенные на сайте в рубрике «Пресс-служба», представляют собой соединение публицистического и официально-делового стилей и содержат лишь отсылки к юридическим документам, как правило, без прямого цитирования.

Сами судебные акты должны быть размещены на сайте в неизменном виде, существует требование невмешательства в судебный текст. Однако даже такие строго регламентированные тексты при размещении на сайте суда все же подвергаются некоторым изменениям – *деперсонализации*, или обезличиванию, то есть исключению из текста персональных данных участников судебного процесса. К ним относятся фамилии, имена, отчества, персональ-

ные данные участников процесса; реквизиты паспорта или иного документа, удостоверяющего личность; идентификационный номер налогоплательщика, государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя; сведения о транспортных средствах; все адреса, включая адрес места совершения преступления; сведения о физическом и психическом здоровье; информация об имуществе участников процесса или иных лиц, упомянутых в судебном акте, и другая подобная информация.

Отбор, деперсонализация и размещение текстов судебных актов на сайте суда осуществляются ответственными лицами в автоматизированном режиме с использованием соответствующего модуля сопряжения подсистемы «Интернет-портал» с базой данных подсистемы «Банк судебных решений (судебная практика)» ГАС «Правосудие». При отсутствии технической возможности информация формируется в текстовом редакторе. Проблема заключается в том, что деперсонализированный текст утрачивает свою линейную организацию, включение невербальных компонентов (знаков, символов) затрудняет восприятие содержания, а в некоторых случаях приводит к искажению смысла высказывания. К сожалению, до сих пор не выработана унифицированная система приемов деперсонализации, в связи с чем выбор способа обезличивания судебного текста во многом зависит от личных предпочтений тех, кто выполняет эту работу.

Исследовав сайты судов Свердловской области, мы выявили наиболее частотные *приемы деперсонализации*.

1. Купирование текста.

- *согласно протоколу об административном правонарушении, Хохлов, управляя автомобилем ..., при повороте налево вне перекрестка не уступил дорогу;*

- *уроженца *** женатого, с высшим образованием, военнообязанного, работающего *** ранее не судимого, к административной*

ответственности не привлекавшегося, проживающего по адресу: ***

• представившего ордер № _____, удостоверение _____.

В приведенных примерах удаленные фрагменты текста обозначены многоточием, знаком *, пробелом с подчеркиванием. Кроме того, контекст может содержать указание на то, что он подвергся купированию. В этом случае на месте удаленного фрагмента в скобках (обычно угловых) следует отметить о том, что данные изъяты или что в исходном тексте содержатся иные данные.

• ...компенсации морального вреда в сумме <данные изъяты>;

• ...банк предоставил Муратову А. В. кредит в сумме <Иные данные> рублей под <Иные данные> % годовых.

2. Замена фрагмента текста.

• В исковом заявлении истец указала, что Решением главы муниципального образования «город Асбест» *Номер* ей был предоставлен в собственность земельный участок, расположенный по адресу: *Адрес*;

• Толстых Т. Н. умерла ДД.ММ.ГГГГ, Толстых И. И. умер ДД.ММ.ГГГГ;

• Данные обстоятельства подтверждаются также показаниями свидетелей ФИО5, ФИО6, ФИО7 и ФИО8.

Как видно из приведенных примеров, в качестве замещающего компонента используется слово с более общим значением (адрес, дата, сумма и т. п.), выделяемое в тексте при помощи скобок или иных знаков. В качестве замещающего элемента может также использоваться общепринятое сокращение (например, ФИО), часто с цифровым индексом, обычно при замене даты или фамилии и инициалов участников судебного процесса. Следует отметить, что данный прием, несмотря на прозрачность обозначения и общепонятность, имеет и свои недостатки. Так, сокращение ФИО с цифровым индексом уместно лишь тогда, когда участников судебного процесса немного. Однако в тех случаях, когда по делу привлекаются, например, несколько десятков свидетелей, такое сокращение нежелательно, так как затрудняет восприятие текста.

3. Сокращение фрагмента текста.

• Свидетель А. суду пояснил, что в ходе конфликта, находясь в коридоре, У. пнул П. по спине, тот упал. У. сел сверху. Потом он увидел в коридоре кровь, а у У. ранение в области живота.

Прием сокращения используется при замене имени собственного. Фамилия участника процесса или географическое название сокращается до одной буквы или заменяется произвольно выбранной буквой. При всей простоте и понятности этот прием деперсонализации имеет два существенных недостатка. Во-первых, произвольно выбранная буква (да и первая буква фамилии тоже), может вызвать ошибочную ассоциацию с другим человеком. Во-вторых, затемняется смысловая структура предложения, возникают ошибочные смысловые связи, появляется возможность неверной интерпретации.

• Истцы Б., Б., Б. обратились в суд с иском к Б. и просят признать его прекратившим право пользования жилым помещением, расположенным по адресу...

• рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Верхнесалдинского городского прокурора в интересах М. К. А., Б. Г. Т., У. М. А. к Т. А. В., Б. А. В., Л. В. Л., Л. Е. П., Л. А. В., М. А. Н., С. С. П., Л. А. П., М. В. Г., С. С. И., Н. М. И., К. В. Н., К. А. С., П. О. В.

Прием замены буквенным сокращением данных, подлежащих изъятию, неуместен в том случае, если деперсонализированный фрагмент может быть легко восстановлен. Например: ... расположенная по адресу: г. Верхняя Салда, ул. Э., дом ... корп. ..., под. № ... В данном случае мы имеем дело с неудачным изъятием данных: в г. Верхняя Салда есть только одна улица, название которой начинается с Э – улица Энгельса. Можем предположить, что в небольшом городе количество домов, имеющих корпуса, на одной улице не так уж велико. Следовательно, изъятый фрагмент хотя бы частично может быть восстановлен, а значит, прием обезличивания текста выбран неудачно.

4. Комбинация нескольких приемов.

Как показывают наблюдения, случаи использования одного приема при деперсонализации судебного акта крайне редки; обычно применяется несколько приемов одновременно, поскольку информация, подлежащая изъятию или замещению, крайне разнородна.

• Вечером решил съездить к родственникам в <адрес> на автомобиле <данные изъяты>, который принадлежит его сыну ФИО2, с ним поехали его дочь ФИО3 и племянник ФИО1.

Как видно из приведенных выше примеров, деперсонализация судебных актов осуществ-

вляется бессистемно и непоследовательно, основывается зачастую на субъективных предпочтениях сотрудников судов, отвечающих за эту работу, что приводит к коммуникативным неудачам. Тексты, построенные по нормам официально-делового стиля, и так достаточно трудны для восприятия, а будучи перегруженными специальными знаками, сокращениями и т. п., становятся практически непонятны при первом прочтении. Например: *...признать ее принявшей наследство после смерти мужа в виде садового дома с участком земли и вспомогательными постройками, расположенного на участке *Номер* в Садоводческом товариществе *Номер* *Адрес*, и погребца *Номер* в Гаражно-строительном кооперативе *Но-*

мер, ряд *Адрес*, указав, что *Дата* умер ее - истца муж А. Л. Д., *Дата* г. р., который являлся собственником садового дома с участком земли и вспомогательными постройками, расположенного на участке *Номер* в Садоводческом товариществе *Номер* *Адрес*, и погребца *Номер* в Гаражно-строительном кооперативе *Номер*, *Адрес*.*

Создание сайтов судов и размещение на них текстов судебных актов – существенный шаг в обеспечении доступа к информации о деятельности судебной системы. Однако требуется серьезная работа по унификации способов представления юридических документов на сайтах судов РФ.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 60–62.*

А. М. Чащина

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политическое интервью рассматривается в статье как особый жанр политического дискурса. Определяется понятие политического дискурса, делается обзор его важнейших особенностей и основных функций. Приводятся некоторые классификации жанров политического дискурса.

Ключевые слова: *политический дискурс, жанр, политическое интервью.*

Политический дискурс является объектом междисциплинарных исследований. Сама речь, по мнению целого ряда отечественных и зарубежных ученых, изначально «политически нагружена», поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык [3. С. 32–33]. Интерес к изучению политического дискурса привел к появлению нового направления в языкознании – политической лингвистики.

В лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание политического дискурса. Ученые, придерживающиеся широкого понимания, трактуют политический дискурс как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [9. С. 23]; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса или формирующих конкретную

тематику политической коммуникации» [1. С. 246].

Узкого определения политического дискурса придерживается, в частности, голландский лингвист Т. ван Дейк. Он считает, что политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой [10. Р. 134]. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – это те жанры, которые принадлежат сфере политики.

В своей работе «Политическая коммуникация, политический дискурс и политический текст» Ю. Эрфурт утверждает, что политическая коммуникация как деятельность имеет преимущественно социальную направленность и характеризуется следующими особенностями:

– имплицитно взаимодействует с другими речевыми и неречевыми действиями;

- интенциональна и направлена на формирование специфического содержания сознания;

- имеет, как правило, коллективного адресата и индивидуального адресанта; в любом случае конечный адресат коммуникации – всегда определенный коллектив;

- формируется под воздействием межличностных правил и норм;

- порождает тексты, которые в языковом и коммуникативном смысле различаются по своим функциям и соотносятся с определенным типом политического действия;

- в тематическом и интеракционном смысле подвержена историческим изменениям;

- изменяет свои формы под влиянием технического развития, а также процессов изменения политических субъектов (цит. по: [3. С. 35]).

А. П. Чудинов так же выделяет типовые свойства политического дискурса [8. С. 53]: 1) ритуальность и информативность, 2) институциональность и личностный характер, 3) эзотеричность и общедоступность, 4) редукционизм и полнота информации в политическом дискурсе, 5) стандартность и экспрессивность, 6) диалогичность и монологичность, 7) явная и скрытая оценочность (категория качественности [4. С. 167–171]), 8) агрессивность и толерантность.

К особенностям политдискурса также относятся пропаганда и манипуляцию, которые рассматриваются как содержательная и инструментальная сторона политического процесса.

О. Н. Хроменко говорит о мифологичности и искажении реальности как неотъемлемой характеристике политдискурса [4. С. 180–181].

Политический дискурс имеет определенное жанровое своеобразие. Подробную классификацию жанров политического дискурса впервые предложила Е. И. Шейгал. По мнению ученого, жанры можно дифференцировать:

- 1) по параметру институциональности / официальности (разговоры о политике в семье, законы, указы);

- 2) по субъектно-адресатным отношениям (лозунг, призыв, декрет, плакат; петиции, обращения, листовки, указы избирателей);

- 3) по вариантам политических социолектов;

- 4) по событийной локализации жанр может быть циклическим (выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию), ка-

лендарным (встреча депутата с избирателями, парламентские слушания, визит политического деятеля) или спонтанным (митинг, политический скандал, референдум);

- 5) по степени центральности или маргинальности (парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг и голосование; заявления, речи, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги; интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатура);

- 6) по характеру ведущей интенции автор разграничивает:

- ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение);

- ориентационные жанры (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);

- агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [9. С. 255–270].

О. Н. Паршина выделяет жанры устного политического дискурса и разграничивает -диалогические (теледебаты, политическое ток-шоу, «прямая линия») и -монологические жанры (инаугурационная речь) [7].

Наиболее частотной событийной жанровой формой во всех видах политического дискурса является интервью. В исследовании А. К. Михальской выявлена специфика политического интервью как речевого жанра [6]. Она отмечает, что политическое интервью – это высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности» [6. С. 68].

Культурную ситуацию политического интервью составляют определенные элементы. Е. А. Беляева выделяет следующие из них:

- 1) сцена действия, включающая в себя: а) обстановку: время, место; б) условия: физический контекст, социальный контекст;

- 2) культурный эпизод, включающий: а) действие / событие, отражающее участников и их действия: группа «Мы», группа «Они»; б) последствия: позитивные, негативные [2. С. 7–8].

Своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту. Н. И. Лавринова указывает на некоторые свойства текста политического интервью [5]: персуазивность, полисубъектность, особая диалогичность, особая адресованность, двусубъектный характер (в качестве автора текста выступают оба собеседника), вектор адресованности (от автора-интервьюера к собеседнику и от собеседника к интервьюеру, с одной стороны, и от них обоих к потенциальному читателю – с другой), информативность, оценочность, институциональность, спонтанность, авторство.

Таким образом, интервью выступает особым жанром политического дискурса, отличающимся большим разнообразием. Исследование интервью не может быть сведено к общим принципам, так как каждое интервью имеет отличную культурную ситуацию. В настоящее время в связи с популярностью данного жанра, его границы расширяются и интервью переходит из специфически политической коммуникации в общую среду политического дискурса.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. 360 с.
2. Беляева, Е. А. Диалог аргументативного типа: когнитивные аспекты; структура, се-

мантика, прагматика (на материале русских и английских текстов интервью) : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 24 с.

3. Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты : коллект. моногр. / отв. ред. Е. Н. Азнамеева. Челябинск, 2008. 153 с.

4. Дискурсология: методология, теория, практика : докл. третьей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию студенч. революции 1968 г. и корифеям Франкфурт. школы / под ред. О. Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2008. 228 с.

5. Лавринова, Н. И. Textoобразующие характеристики политического интервью // Вестн. Поморск. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. С. 68–71.

6. Михальская, А. К. Полевая структура политического дискурса; Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 году. Ч. 5. М., 2000. С. 28–70.

7. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004. 196 с.

8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М., 2007. 254 с.

9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград, 2000. 367 с.

10. Van Dijk, T. A. What is political discourse analysis? // Political linguistics. Amsterdam, 1998. 279 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 62–65.

Т. А. Ширяева

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ В СТРУКТУРЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФРЕЙМОВ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена выяснению роли профессиональных доминант в бизнес-коммуникации и их места в структуре институциональных фреймов. Описываются основные профессиональные доминанты современного делового дискурса, оказывающие значительное влияние на мировоззрение и мировосприятие участников бизнес-сообщества. Делается заключение о том, что профессиональные доминанты являются инвариантными составляющими всех институциональных фреймов делового дискурса.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, деловой дискурс, профессиональная доминанта, институциональный фрейм, структура фрейма.

В любой профессиональной картине мира существуют наиболее значимые и важные для данной профессии смыслы, иными словами доминанты, совокупность которых и образует определенное профессиональное сообщество, поддерживаемое и сохраняемое в языке. Исследования физиологов и психологов убедительно свидетельствуют, что данные «доминанты оказывают чрезвычайное влияние на мировоззрение человека, занятого определенной профессиональной деятельностью» [1. С. 202], они заставляют концентрироваться на определенных фактах, подавляя и игнорируя другие, создавая определенный «угол зрения» и понимания. Очевидно, что одни и те же события люди различных профессий видят, воспринимают и вербализуют в силу своей профессиональной принадлежности. Все вышесказанное подчеркивает перспективность и актуальность комплексного лингвистического исследования языкового выражения профессиональных доминант различных социальных институтов, в том числе бизнеса, так как последний играет все более значимую роль в современном коммуникативном пространстве.

Мы полагаем, что изучение профессиональных доминант в языке представляет собой систему исследовательских процедур, направленных на освещение различных сторон глобального институционального фрейма делового дискурса (ДД), а «именно смыслового потенциала соответствующих составляющих его компонентов» [2. С. 6] в деловом социуме. Для наших рассуждений крайне важно замечание З. А. Харитончик, которая совершенно справедливо подчеркивает, что отличительной чертой когнитивного подхода является понимание того, что «язык – это лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать, и для его познания необходимо привлечение понятий не только памяти, физиологических и психологических свойств человека, но и знание о мире, социального контекста высказываний, способов взаимодействия и организации всех типов знаний, а также всей деятельности человека» [7. С. 108]. Речевая деятельность участников бизнес-сообщества ограничена рамками «образа делового мира», сформированного, с одной стороны, различными управленческими и экономическими науками, «корпус которых составляют научные факты», и с другой стороны, культурой, «в которой запечатлены ценности» [5. С. 123–124]. Подчеркнем, что важнейшим фактором, влия-

ющим на формирование и развитие языковой области бизнеса, является менталитет – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа; менталитеты представляют собой психо-лингво-интеллекты разномасштабных лингвокультурных общностей [4. С. 49]. Понятие менталитета тесно связано с понятием ментальности, под которой понимается мировидение, *концептуализация мира в категориях и формах родного языка, соединяющих*, по мысли ученых, *духовные и волевые качества национального характера*, во многом обусловленные социально-историческими и культурными (внеязыковыми) факторами.

Принимая во внимание наше понимание институционального фрейма как пространственной модели с многогранными отношениями, мы полагаем, что в каждом институциональном фрейме ДД можно выделить основание, которое представляется нам как определенная структура вершинных узлов, являющихся инвариантными фиксированными составляющими любого институционального фрейма ДД [8. С. 58]. Вершинные узлы оснований институциональных фреймов – это ментальные фрагменты или сегменты реальной деятельности делового сообщества, формируемые общими и специальными знаниями людей, связанных с данной сферой профессиональной деятельности. Эти вершинные узлы «есть продукт мысли, который может отражать реальность» [6. С. 38]. Функционально они направлены на презентацию соответствующего когнитивного и понятийно-семантического пространства. Иными словами, они служат формированию профессиональной компетенции и оперированию знаниями, умениями и навыками в области предпринимательства и бизнеса. При этом необходимо подчеркнуть, что узлы самого верхнего уровня основания институциональных фреймов делового дискурса обычно заполнены названиями ситуаций, наиболее типичных для всего делового сообщества. Узлы нижних уровней заполняются конкретными данными, представляющими собой их возможные воплощения в процессе приспособления определенного институционального фрейма к конкретному аспекту профессиональной деятельности. В тексте обычно репрезентируется группа фреймов, которая может образовывать целостную систему.

Вершинными узлами, лежащими в основании всех выделенных нами институциональ-

ных фреймов современного делового дискурса, являются «менеджмент», «конкуренция», «человеческие ресурсы», «реформаторство / развитие», «кастомизация», «партнерство» то есть те доминантные черты, которые «пронизывают современное бизнес-сообщество и дискурс, который его обслуживает, насквозь. Доминантным для участника делового мира является то, что играет существенную роль в его профессиональной деятельности и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической доминантности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие [2. С. 9]. Доминантные черты занимают «центральную зону» в языковой картине современного делового мира, являясь ключевыми социокультурными профессиональными компонентами. По степени актуальности для представителей делового сообщества эти доминанты являются универсальными, а их ценность – определяющей. Данные доминанты, представляющие собой вершинные узлы всех институциональных фреймов современного ДД, характеризуются ментальной константностью, семантической целостностью, высоким деривационным потенциалом, многомерностью. Здесь необходимо добавить, что проведенное в ходе исследования сопоставление точек зрения различных ученых (русских, английских и американских) дает все основания полагать, что выявленные нами ключевые, базовые доминанты характеризуются определенной степенью универсальности, обусловленной принципиальной общностью разных языков как знаковых систем и общностью языкового поведения участников делового сообщества.

Наше исследование институциональных фреймов ДД показало, что структура оснований институциональных фреймов и количество, входящих в них вершинных узлов отличается в зависимости от специфических особенностей самих институциональных фреймов. Так, в основании институционального фрейма «ЭКОНОМИКА» находятся 6 вершинных узлов: «менеджмент», «конкуренция», «человеческие ресурсы», «развитие/ реформаторство», «кастомизация», «партнерство». Иными словами, все выявленные доминанты (вершинные узлы) являются составляющими компонентами пространственной много-

гранной модели данного институционального фрейма.

Проиллюстрируем наши рассуждения конкретным примером. Вершинный узел «менеджмент» является «сложным многоярусным аксиологически-ментальным образованием» [3. С. 45], находящимся в основании всех выделенных нами институциональных фреймов; он имеет универсальную природу и вербализуется множеством языковых единиц различного статуса (от слова до гипертекста) во всех типах текстов современного делового дискурса.

Delegation is the process that makes management possible, because management is the process of getting results accomplished through others. A manager should provide team members with the information they require to do a good job, communicating with them frequently, and giving them clear guidelines on the results that are expected. Further, managers must also take the “relationship responsibility” for those with whom they work (www.1000ventures.com).

Данный текст, посвященный объяснению особенностей процесса делегирования полномочий в бизнесе и характеризующий особенности процесса делегирования полномочий в современном деловом мире, обязанности менеджера в осуществлении этой широко распространенной тактики в бизнесе (*delegation, management, process of getting results, manager, provide team members with the information they require, communicating, giving clear guidelines on the results, managers must also take the “relationship responsibility”*), является репрезентативным примером актуализации вершинного узла основания «менеджмент» институционального фрейма «ЭКОНОМИКА».

Подводя итоги, подчеркнем, что любой участник делового сообщества организует свои знания в институциональные фреймы, которые в свою очередь, представляют собой концептуальные структуры, соединяющие различные категориальные единицы. Институциональные фреймы ДД имеют общие вершинные узлы, являющиеся профессиональными доминантами делового сообщества. Благодаря этому факту осуществляется переход от одного институционального фрейма к другому в потоке речи или в ходе мыслительной деятельности. Особо следует выделить, что формирование всей системы взаимосвязанных фреймов осуществляется в течение всей жизни человека и определяется приобретением им соответствующего опыта.

Список литературы

1. Дружилов, С. А. Профессионализм как реализация ресурса индивидуального развития человека // Ползунов. вестн. 2004. № 3. С. 200–208.
2. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 3–16.
3. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов. Тамбов, 2008. С. 43–47.
4. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М., 2007. 296 с.
5. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. 416 с.
6. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология : пер. с англ. М., 1996. 371 с.
7. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структура представления знаний : сб. науч.-аналитич. обзоров. М., 1992. С. 97–123.
8. Ширяева, Т. А. Институциональные фреймы как основа делового дискурса // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2009. № 4. С. 56–61.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 65–67.

Л. С. Шуравина

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС КАК ТИП ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Рассматривается место медицинского дискурса в типологии институциональных дискурсов, делается обзор его основных характеристик.

Ключевые слова: *медицинский дискурс, институциональный дискурс, типология.*

В настоящее время в лингвистике утверждается выдвинутое французским культурологом М. Фуко представление о дискурсе как совокупности всего высказанного и произнесенного [6. С. 73]. В современной теории дискурса выделяют широкий и узкий подходы к пониманию этого явления. Так, Т. А. ван Дейк дает следующее определение дискурсу: в широком смысле дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном контексте [1. С. 7]. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – дружеская беседа, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты. В узком смысле выделяют только вербальную составляющую (коммуникативное действие) и говорят о ней далее как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» ком-

муникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами.

На основании результатов лингвистических исследований в разработке теории дискурса можно прийти к следующему определению: дискурс – единица речи, характеризующаяся через текст – единицу языка; процессуальные характеристики дискурса обусловлены экстралингвистическими факторами.

В настоящее время классификации дискурсов, предложенные учеными, весьма различны, что объясняется многогранностью феномена «дискурс» и возможностью его изучения с разных позиций, например, с точки зрения прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, структурной лингвистики, лингвостилистики, социолингвистики. В работах П. В. Зернецкого классификация дискурсов производится в зависимости от объема вкладываемых в них автором знаний (мнений) об окружающем мире и по степени сложности их речевоздействующих пространств [3. С. 195].

В связи с этим за основу классификации дискурса берется типология языковых личностей, которая, в свою очередь, обуславливается использованием определенных способов речевой деятельности. Следует, однако, отметить, что речевоздействующие силы действуют в комплексе. Изолированно они выступать не могут.

В сфере официальной коммуникации выделяется институциональный дискурс, представляющий собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. В. И. Карасиком приводится ориентировочный список видов институциональных дискурсов, выделяемых на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общения, определяемых наличием общественных институтов: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [4. С. 191].

Для определения типа институционального дискурса необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения (учитель – ученик, врач – пациент, офицер – солдат), цель общения (педагогический дискурс – социализация нового члена общества, политический дискурс – сохранение или перераспределение власти), прототипное место общения (храм, школа, стадион, тюрьма и др.).

Институциональный дискурс проявляет себя в типичных ситуативно-коммуникативных актах, характерных для системы отношений и функционирования определенного социального института. В силу своей социальной принудительности институциональный дискурс несет на себе отпечаток нормативной заданности определенных общественных отношений и коммуникаций, выполняет функции упорядочения данных отношений и надзора за их нормативным соблюдением. Можно сформулировать еще лаконичнее: институциональный дискурс – это дискурс порядка и надзора.

Медицинский дискурс является одним из типов институционального дискурса. В нем четко определены статусно-ролевые характеристики участников общения: врач – пациент. Цель общения – оказание медицинской помощи. Прототипное место общения – поликлиника, стационар.

Медицинский дискурс как один из типов институционального дискурса достаточно под-

вижен, исторически изменчив, его участниками являются врач, пациент, родственники пациента, медсестра, психолог. Особое семантическое пространство медицинского дискурса возникло благодаря специфике структурной организации института медицины и формируется в сознании участников коммуникации в результате стереотипов поведения на разных уровнях. Под медицинским дискурсом мы понимаем коммуникативную деятельность в сфере общения «врач-пациент», которая является составным элементом системы институциональных дискурсов и имеет универсальные и специфические дискурсивные признаки.

Как уже отмечалось, ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации – учителя и ученика, священника и прихожанина, следователя и подсудимого, врача и пациента. Наряду с этим типом общения можно выделить также общение «равно-статусных» субъектов – врачей, а также пациентов между собой. На периферии институционального общения находится контакт представителя социального института с человеком, не относящимся к этому институту.

Лингвистическое изучение медицинского дискурса представляется вполне обоснованным, поскольку здоровье является одной из высших ценностей человека, болезни неизбежны и их лечение требует специальной подготовки. Врачи как социально-профессиональная группа символически выделяются в обществе на основании ряда признаков:

1) сакральный характер профессии (не случайно студенты-медики приносят клятву Гиппократу), профессия врача приобретает характер особого служения;

2) наличие особой медицинской этики, специфических норм поведения, связанных, например, с неразглашением врачебной тайны;

3) наличие весьма разработанной и обширной медицинской терминологии, специфика которой заключается в том, что наряду с научной системой терминов в языке существует система бытовых (народно-медицинских) терминов; знание этого подъязыка выделяет врачей в отдельную социальную группу;

4) разработанная система ритуальных знаков (белые халаты, медицинские инструменты, личные печати врачей и т.д.);

5) специальное обозначение определенных видов общения врачей: консилиумы, медицинские комиссии и проч.

Медицинский дискурс является одним из древнейших: врач как носитель особого знания выступает в качестве модифицированного жреца, которому дано было право обращаться к небесным силам для исцеления больных. Именно близость медицинского и религиозного типов дискурса ведет к значительной степени суггестивности медицинского общения врача с пациентом. Лечение может быть успешным только в том случае, если пациент доверяет врачу. Соответственно, на протяжении веков врачи выработали особые вербальные модели поведения, органически составляющие специфику медицинского дискурса.

Таким образом, медицинский дискурс представляет собой многомерное коммуникативное образование, системообразующими признаками которого являются его цель, типовые участники (врач и пациент) и социокультурные обстоятельства общения.

Список литературы

1. Дейк, ван Т. А. К определению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>.
2. Залевская, А. А. Различные подходы к трактовке языка. Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь, 2003. Вып. 1. С. 48–55.
3. Зернецкий, П. В. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект. Минск, 1998. С. 194–198.
4. Карасик, В. И. О категориях дискурса. Саратов, 1998. С. 185–197.
5. Милевская, Т. В. Дискурс, речевая деятельность, текст : сб. науч. тр. Ростов н/Д., 2002. С. 88–91.
6. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб., 1994. 408 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КОГНИТИВНЫЙ, КОММУНИКАТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Р. А. Абсалямова

О ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗНАНИЙ

Рассматривается проблема формирования вторичной языковой личности. Утверждается, что навыки интерпретации иноязычных специальных знаний являются важной составляющей профессиональной компетенции будущих специалистов.

Ключевые слова: *вторичная языковая личность, специальное знание, профессиональная компетенция.*

Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам предполагает формирование вторичной языковой личности будущего специалиста [1. С. 15]. Целью обучения является овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной иноязычной компетенции для выполнения профессиональных задач, общения с зарубежными партнерами и дальнейшего самообразования. Решение профессиональных задач требует от специалиста навыков работы с информацией из различных источников, правильного ее понимания, осмысления и критического подхода к ее содержанию.

Обзор лингводидактических исследований показывает, что главной теоретической предпосылкой профессиональной лингводидактики является концепция языка для специальных целей. Она акцентирует внимание не на языке и его внутренних особенностях, не на усвоении студентами слов и правил их использования, а на развитии тезаурусного (связанного с пониманием содержания текста) и мотивационного (определение замысла отправителя текста, причин и целей высказывания) уровней [5. С. 52]. Это предполагает усвоение студентами лингвокогнитивных моделей лексического и грамматического значения. Под лингвокогнитивной моделью Е. Г. Беляевская предлагает понимать «максимально обобщенное, схематизированное представление о концептуальном основании значения, выделяющее в значении наиболее важные, узловые моменты» [3. С. 83–84].

В рамках профессионально ориентированного иноязычного обучения выделяют два подхода к анализу языка и языковых явлений: логический и экспериенциальный. Для форми-

рования навыков интерпретации иноязычных специальных знаний важен экспериенциальный подход, который позволяет изучать языковое пространство субъекта в направлении от языковой картины мира к концептуальной. Данный подход базируется на опыте взаимодействия индивида с окружающим миром и способствует выявлению тех общих знаний (теоретических, повседневных) о мире, которые хранятся в языке и с его помощью активизируются. Иноязычные знания закрепляются в сознании обучаемых, так же как и в сознании носителей языка, путем ассоциаций. Для обозначения какого-либо понятия носителями языка используется слово, словосочетание, фразеологизм, предложение. В процессе речемыслительной деятельности возникает необходимость назвать что-либо, дать имя образу, а затем передать его партнеру так, чтобы он этот образ адекватно понял и критически осмыслил. Процесс формирования картин мира в сознании происходит в определенной последовательности: языковая картина мира – концептуальная картина мира [4. С. 2].

Практика обучения иностранному языку профессиональной сферы в вузе позволяет выстроить схему обучения интерпретации иноязычных знаний. Данная схема предполагает описание комплекса необходимых студенту иноязычных знаний, обоснованный отбор содержания языкового и текстового материалов и дидактические средства обучения.

Для того чтобы получить результат в процессе обучения студентов иностранному языку в профессиональной сфере, преподаватель должен четко знать, в какой мере студенты готовы к выполнению незнакомых им прежде

заданий и упражнений; склонны ли они к активному выбору; проявляют ли интерес к языку и готовы ли к преодолению трудностей в общении, еще не владея языком в достаточной степени; насколько они владеют специальной терминологией в рамках своей профессиональной деятельности.

На первом этапе необходимо выделить «когнитивные пробелы» в знаниях студентов и восполнить их путем создания семантических и ассоциативных полей. Ассоциативные связи лежат в основе мышления, памяти, творчества, воображения. Поэтому необходимо использовать систему циклического и концентрического построения курса, в рамках которого лексико-семантические группы повторяются несколько раз от простого к сложному, от узкой сферы знаний – к расширенной, от языковой «оболочки слова» к толкованию его значения. При этом для развития навыков интерпретации иноязычных знаний в активный минимум вводятся полисемантические слова и на первом этапе выполняются упражнения в дифференциации их значений. Опираясь на обучение через опыт сугубо практической деятельности, необходимо организовать самостоятельную работу по поиску толкований смысла слов, и поскольку речь идет об использовании языка в профессиональных целях, то необходимо выполнить упражнения по выбору лексемы для употребления в речевом акте после анализа значений в толковом словаре иностранного языка. Для того чтобы усвоить слово, сделать его «своим», студенты выполняют упражнения по подбору примеров, демонстрирующих различия в словоупотреблении, и упражнения, позволяющие избежать межъязыковой лексической интерференции.

На втором этапе необходимы упражнения, направленные на самостоятельное создание студентами лексического поля в рамках темы, а также использование его для поиска информации по теме и построения собственного текста. В качестве упражнений лучше использовать речевые ситуации, требующие сходных,

но различающихся в ряде аспектов речевых действий (сообщить новость, отобрать подходящие по теме из множества сообщений, по ключевым словам спрогнозировать текст сообщения). Упражнения первого и второго этапов основаны не на анализе слова, а на усвоении лексико-семантических групп. На последнем этапе предлагается работа с информационной (текстовой) базой, на основе которой выполняются задания творческого характера, решение проблемных ситуаций профессиональной направленности.

Рассмотренная схема опирается на разработанные в методике преподавания иностранных языков этапы формирования речевых навыков и на комплекс языковых, условно-коммуникативных упражнений и коммуникативных заданий (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Р. П. Мильруд, Е. И. Пассов).

Список литературы

1. Абсалямова, Р. А. Условия формирования вторичной языковой личности студентов // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7, ч. 2. С. 13–15.
2. Архипов, И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. *Studia Linguistica*. № 6. СПб., 1998. С. 5–21.
3. Беляевская, Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания семантической структуры слова) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 364 с.
4. Буданова, Е. А. Реализация современных лингводидактических концепций в рамках педагогической практики (на примере концепции вторичной языковой личности // Ярослав. педагог. вестн. 2004. № 4. С. 22–28.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 245 с.
6. Халева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989. 210 с.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Анализируются ведущие тенденции современного иноязычного образования. Раскрываются особенности организации обучения иностранным языкам в вузе в новых условиях.

Ключевые слова: *иностраннный язык, личностно-ориентированная парадигма образования, подход, методика обучения, лингвосамообразование.*

В условиях происходящих изменений в образовательной сфере, являющихся закономерным отражением актуальных тенденций общественного развития, существенно изменились приоритеты обучения иностранным языкам. Вместо традиционной системы обучения языку как вербальному коду общения внедряется новая модель иноязычного образования, стратегической целью которой является развитие личности обучающегося. Иностраннный язык приобретает статус средства личностного и профессионального развития, инструмента непрерывного самообразования и межкультурного взаимодействия. Вслед за сменой целевых установок происходят изменения в подходах к обучению иностранному языку, требованиях к отбору содержания и уровню владения языком, а также к методической организации учебного процесса.

В соответствии с личностно-ориентированной парадигмой образования в России, создающей условия для проявления личностных функций обучающегося (мотивации, самореализации, выбора, смыслов творчества и т. д.), приоритетными подходами к обучению иностранным языкам являются личностно-ориентированный, субъектно-деятельностный, коммуникативно-когнитивный и компетентностный подходы. Личностная ориентация иноязычного образования выражается в учете потребностей, интересов и способностей обучающегося, что проявляется в отборе предметного содержания, которое соотносится с личными запросами и сферой профессиональной коммуникации, а также в выборе уровня усвоения иностранного языка. Смещение акцента с культуры передачи и усвоения знаний на личностное развитие обучающегося принципиально меняет и характер взаимодействия студента с другими субъектами образовательного процесса, в том числе с преподавателем. Студент отныне является главным субъектом образовательной деятельности, формируется в

ходе ее осуществления и в общении с другими людьми, сам определяет характер и особенности протекания всех процессов по достижению определенного уровня профессионального мастерства. Основная задача преподавателя заключается в создании условий, во-первых, для продуктивного мотивированного изучения обучающимся иностранного языка посредством иноязычного общения и творческого межкультурного взаимодействия, во-вторых, для проявления самостоятельности и личной ответственности обучающегося. Выполняя консультативную функцию, преподаватель согласует используемые образовательные технологии, обогащающие опытом иноязычного межкультурного общения и формирующие механизмы самоорганизации и самореализации личности каждого обучающегося, с его индивидуальными стратегиями усвоения иностранного языка. Отсюда следует, что первостепенную значимость при реализации субъектно-деятельностного подхода в образовательной практике приобретают такие методические аспекты, как: создание условий для автономии обучающихся, моделирование различных ситуаций (самоуправления, профессиональной коммуникации, проблемных, взаимообучения и т. д.), делегирование аутометодических функций (целеполагания, планирования, рефлексивной оценки и т. д.), что содействует осознанию студентом себя субъектом образовательной деятельности. При этом все методические решения (приемы, способы, методы и т. д.) в процессе обучения иностранному языку преломляются через призму личности обучающегося, его потребностей, способностей и других индивидуально-психологических особенностей. Очевидно, что с этими нововведениями связан целый ряд фундаментальных последствий: внедрение индивидуальной образовательной траектории, резкое увеличение доли самостоятельной работы студента над языком и сокращение аудиторной нагрузки, фор-

мирование дифференцированных по уровням владения языком и специфике профессиональной коммуникации модульных образовательных программ вместо заранее установленного стандарта; создание прозрачной и понятной для всех системы итоговых результатов в каждом модуле. Однако достижение поставленных задач возможно лишь в том случае, если вместо ориентации на усвоение знаний языка, образовательный процесс будет направлен на развитие определенных компетенций обучающегося, а также на формирование готовности к непрерывному лингвосамообразованию как целенаправленной деятельности по совершенствованию своего иноязычного образования, развитию личностных качеств и способностей или удовлетворению познавательных потребностей с помощью иностранного языка.

В контексте требований коммуникативно-когнитивного подхода к организации иноязычного образования на первый план выдвигается задача развития способности обучающегося свободно ориентироваться в иноязычной среде и адекватно реагировать в различных аутентичных ситуациях. Решение данной задачи невозможно без внедрения в образовательную практику инновационных методов (проекты, анализ конкретных ситуаций, тренинг и т. д.) и многообразия форм для развития потенциала разных типов личности. В связи с этим формируется новый персонализированный механизм изучения иностранного языка – индивидуальная образовательная траектория обучающегося, который может изучать иностранный язык в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность личного или дистантного контакта с преподавателем. Приоритетным направлением организации учебного процесса становится формирование сетевого иноязычного взаимодействия обучающегося с другими институтами и субъектами индивидуального развития. Кроме личностной значимости данное нововведение обеспечивает развитие поликультурности и языкового плюрализма, что соответствует международным тенденциям, документам совета Европы, в которых признается необходимость владения как минимум двумя иностранными языками для современного образованного человека [3. Р. 177].

Введение компетентностного подхода в нормативную и практическую составляющую

образования позволяет решать проблему, типичную для российской системы образования, когда обучающиеся могут хорошо овладеть набором теоретических знаний (грамматики, словообразования и т. д.), но испытывают значительные трудности в деятельности, требующей использования этих знаний для решения конкретных задач. Сущностная сторона компетентностного подхода включает в себя личностное отношение обучающегося к формированию той или иной компетенции и предмету собственной образовательной деятельности, которое обеспечивает мотивацию обучающихся и развитие их самостоятельности. Как известно, основное назначение обучения иностранному языку в вузе состоит в развитии коммуникативной компетенции профессионального уровня, то есть способности и готовности студента осуществлять иноязычное межкультурное общение в сфере профессиональной коммуникации, а также сформированности (на определенном уровне) в его сознании «картины мира», свойственной носителю изучаемого языка как представителю определенного социума [1. С. 47].

При этом наряду с коммуникативной лингвосамообразовательная компетенция является ключевым результатом обучения иностранному языку в высшей школе, выражающим «приращение» личностных качеств, знаний, умений, опыта саморазвития и иноязычной коммуникативной деятельности обучающегося. Приращениями личности студента могут быть не только лингвистические знания, новые способы оперирования языковыми средствами или стратегии коммуникативной деятельности, но и непредвзятость во мнениях и оценках, готовность к совместной деятельности с людьми различных взглядов независимо от их этнической и социальной принадлежности и вероисповедания, что позволяет обучающемуся выйти из пространства предметов в пространство человеческой деятельности, жизненных ценностей и смыслов [2. С. 88]. Таким образом, компетентностный подход раскрывает диагностические результаты процесса становления студента полиязыковой, поликультурной саморазвивающейся личностью посредством приобщения к иноязычной культуре.

Подводя итоги анализа приоритетных направлений обучения иностранным языкам в высшей школе, отметим следующее. В свете новых методологических решений соответствии образовательного процесса индивидуаль-

ным способностям обучающегося и свойствам познаваемой им профессиональной деятельности рассматривается как ключевой ресурс результативности образования. Очевидно, что весь учебный процесс должен строиться с точки зрения логики развития обучающегося, его субъективного внутреннего состояния, индивидуальных стратегий изучения иностранного языка. Для достижения действительно нового качества иноязычного образования необходимы принципиальные коррективы в системе иноязычной подготовки студентов. Бесспорно, традиционное знаниево ориентированное обучение, разворачивающееся в виде линейной траектории с регламентированным переходом от одной ступени обучения к другой, в современных условиях утратило целесообразность. На фоне инновационных изменений в высшей школе приоритетным становится понимание иноязычного образования как многомерного преобразовательного процесса развития лич-

ности обучающегося, разворачивающегося в контексте приоритетности самостоятельной и рефлексивной деятельности студента, свободы выбора, субъект-субъектного взаимодействия; избирательного отношения к информации, способам и формам ее переработки; согласованности современных технологий (рефлексивных, проектных, модульных и т. д.) и индивидуальных стратегий усвоения иностранного языка обучающимся; на основе индивидуальной образовательной траектории.

Список литературы

1. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2000. 165 с.
2. Зинченко, В. П. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М., 1994. 304 с.
3. Dickinson, L. Self-instruction in language learning. Cambridge university Press, 1987. 228 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 72–75.

М. Н. Бондарчук

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ В АВИАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Рассматривается роль коммуникативно-деятельностной сферы в формировании профессионально-ориентированной языковой личности авиационного диспетчера.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, когнитивно-коммуникативная специфика, профессиональный язык, авиационная терминосистема.

Проблема языковой личности вызывает большой интерес в современной науке и является актуальной в рамках университетского образования. Изучение языковой личности отвечает ключевому направлению антропоцентрической парадигмы – исследованию человека в языке, его способности создавать текст. Основы теории языковой личности были заложены в фундаментальных трудах А. Д. Апресяна, В. З. Демьянкова, Г. И. Богина, В. В. Виноградова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. И. Шаховского и других исследователей, научно обосновавших приоритетность личностного начала в языке.

В русле антропоцентрического подхода усиливается интерес к изучению языкового поведения личности в профессиональной среде, к институциональному дискурсу – речи врачей, экономистов, бизнесменов, политиков, моряков, тележурналистов, промышленных рабочих, фотографов, переводчиков, преподавателей (В. И. Карасик, Т. В. Кочеткова, С. Л. Мишланова, Е. И. Голованова, М. Ю. Олешков, М. Н. Панова, В. Рыжов, М. И. Солнышкина, О. Н. Шевченко и др.). В большинстве работ подчеркивается социокультурная специфика видения мира, которая отражается в языковом сознании и коммуникативном поведении

представителей различных социальных групп в рамках определенной культуры.

Вполне закономерно, что изучение личности в профессиональной сфере стало в последнее время одним из актуальных направлений когнитивного терминоведения (Е. И. Голованова, С. Л. Мишланова, М. Н. Панова, А. Д. Самигуллина и др.). В центре внимания терминоведов находятся содержание, структура, способы репрезентации профессиональной языковой личности, ее когнитивно-коммуникативная специфика.

Для лингвистического обоснования понятия языковая личность отдельно взятого профессионального социолекта С. Л. Мишлановой был введен термин «профессиональная языковая личность». Автор отмечает основные существенные характеристики профессиональной языковой личности: деятельность в специальной (профессиональной сфере); социальная полифункциональность, понимаемая как способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира; формирование научной картины мира в процессе образования (обучения) [2. С. 2].

Е. И. Голованова определяет профессиональную личность как совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности [1. С. 263].

В последнее время формируется представление о коллективной профессиональной языковой личности, определяемой как обобщенный языковой портрет профессионального деятеля, владеющего профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующего стереотипам профессионального поведения [3. С. 19].

Исследование профессиональной языковой личности, на наш взгляд, позволит расширить границы понимания *профессионального когнитивного пространства* и будет способствовать более глубокому изучению профессионального социолекта.

Авиационная сфера деятельности связана с практическим освоением воздушного пространства, с превращением авиации в один из ведущих видов транспорта на нашей планете, с обеспечением безопасности полетов пассажиров. В связи с этим особенно важную роль в формировании языковой личности авиатора играет экстралингвистический фактор, связан-

ный с коммуникативно-прагматическим характером его деятельности.

Предметом настоящего исследования является характеристика коллективной языковой личности авиационного диспетчера и отчасти пилота летательного аппарата, который должен неукоснительно выполнять команды управления полетами.

Языковая личность авиадиспетчера ограничена когнитивным пространством авиационных инструкций, которые определяют правила поведения и сферу профессионального словоупотребления. Эти правила содержат слова и фразы, специально разработанные для ведения диалога с летчиком во время основных этапов полета, а также для предотвращения всевозможных, нестандартных ситуаций, возникающих в процессе радиообмена.

Требования, предъявляемые к языку авиадиспетчеров, отражают когнитивно-коммуникативные особенности его языка и обусловлены экстралингвистическими условиями функционирования: профессия командира современного воздушного судна и диспетчера относятся к категории «опасных профессий»; от уровня профессионально-речевой деятельности летного состава и персонала по управлению воздушным движением зависит жизнь не только участников данной коммуникации, но и пассажиров самолета; неполнота, двусмысленность, неопределенность информации могут вызвать ошибочные действия и стресс как экипажа, так и диспетчера. В связи с этим радиопереговоры должны быть краткими, вестись четко, с соблюдением правил произношения отдельных слов, исключением слов-паразитов и эмоционально-экспрессивных средств и т. д.

Краткостью объясняется одна из особенностей речи специалиста по обслуживанию воздушного движения – наличие большого количества сокращенных наименований: *ДПП, МДП, ДПК, ПДП, СДП, ДПР* и других, которые, будучи инициальными буквенными аббревиатурами, произносятся как названия букв: «пэдэпэ», «дэпээр» «дэпэка» и т. д.

Спецификой профессиональной речи авиадиспетчеров обусловлено наличие трехчленной системы наименований диспетчерских пунктов, включающей аббревиатурные обозначения, их полные аналоги и радиотелефонные позывные, которые носят в большей степени условный характер.

Прежде всего, сокращенное наименование диспетчерских пунктов всегда соотносится с

полным аналогом: МДП – Местный диспетчерский пункт; ДПП – Диспетчерский пункт подхода; ДПК – Диспетчерский пункт круга; ПДП – Пункт диспетчера посадки; ДПР – Диспетчерский пункт руления и др. Помимо этого, каждая из этих аббревиатур соотносится с параллельным условным обозначением, представляющим собой однословный позывной: «Район», «Подход», «Круг», «Посадка», «Контроль», «Старт», «Вышка».

Примечательно, что большинство лексем-позывных входит в состав полного аналога сокращенного наименования (ДПП – диспетчерский пункт **подхода** – «**подход**»; ДПК – диспетчерский пункт **круга** – «**круг**»; ПДП – пункт диспетчерской **посадки** – «**посадка**»; ДПР – диспетчерский пункт **руления** – «**руление**», радиостанция **метеоинформации** – «**метео**»). Другие же не содержат слов, входящих в сокращения, однако семантически связаны с ними: ЕСОРВД – местный диспетчерский пункт – «район»; КВП – командный диспетчерский пункт – «вышка». Третья группа объединяет позывные, названные произвольно, например: КПД МВЛ без права ОВД – «волна». Некоторые позывные имеют синонимы, состоящие из двух или более компонентов: *дежурный по сопровождению* = «перрон»; *производственно-диспетчерская служба авиационного предприятия* = «транзит».

Принятые в диспетчерской сфере деятельности условные наименования представляют собой терминологические единицы. Наряду с ними в речи авиадиспетчеров используются профессионально ориентированные термины, которые лишены каких-либо коннотаций.

Особенности профессиональной деятельности авиадиспетчера диктуют и выбор терминообразующих слов, например, активно используется слово «заход». Будучи производным от глагола «заходить», оно управляет зависимыми словами, требуя соответствующей падежной формы, чаще с предлогами *на* + вин. п., *в* + пр. п., *по* + дат. п., *с* + род. п. Отглагольное существительное, так же как и глагол, обозначает действие, которое должен совершать пилот при посадке самолета, а в составе предложно-именной группы – характер действий, которые должен выполнять пилот. Например: *заход визуальный, заход на посадку по ПВП, заход на посадку с прямой, заход в режиме «Возврат», повторный заход, заход с расчетного рубежа* и т. д.

Доминантный компонент «заход» в большинстве составных номинаций имплицитно

включает семантику слова «посадка», которая в дефиниции вербализуется эксплицитно – «заход на посадку». Это также можно отнести к особенностям языка авиадиспетчера, главным требованием которого является краткость и точность.

Язык авиадиспетчера отличается от языка других авиационных специалистов еще и тем, что реализуется в диалогической форме (диспетчер – пилот). В языке авиадиспетчера употребляются глаголы в форме повелительного наклонения, например: *следуйте* моим указаниям; *уменьшите* скорость; *ждите*, я вас вызову; *проверьте* и *подтвердите* переданное вам сообщение; *сообщите* местоположение воздушного судна; *передайте* информацию о ваших действиях; *набирайте* эшелон и т. д.

Пилот воздушного судна должен неукоснительно выполнять команды авиадиспетчера, поэтому наряду с глаголами в форме повелительного наклонения в языке авиадиспетчера употребляются глаголы в первом лице настоящего времени: *запрещаю*, *отменяю*, *повторяю*, *даю поправку* и др. В этих глаголах дается установка на определенные действия пилота, в свою очередь, в языке летчика функционирует глагол «понять» в прошедшем времени (в значении подтверждения) – *понял*.

Можно также отметить употребление в качестве профессионально ориентированных номинаций имен прилагательных, которые приобретают в процессе функционирования терминологические значения, например: *прямой* (магнитный пеленг в градусах от автоматического радиопеленгатора), *взлетный / посадочный* (магнитный путевой угол рабочего направления взлетно-посадочной полосы), *дальний* (дальний приводной радиомаяк), *ближний* (ближний приводной маяк) и т. д. Эти прилагательные, как правило, передают значения «расстояние» или «местоположение».

Нельзя не отметить также употребление в языке диспетчера одиночных профессионально ориентированных единиц – имен существительных: *курс*, *высота (эшелон)*, *азимут*, *удаление*, *сцепление* и т. д. Они передают различные значения, некоторые из этих наименований перешли в разряд терминов (*азимут*, *курс*, *полоса*, *сцепление*).

Анализ профессионального лексикона авиационного диспетчера позволил сделать вывод, что на формирование языковой личности авиадиспетчера большое влияние оказывают экстралингвистические факторы, а именно ха-

рактер деятельности (ответственность за безопасность полета, а также благополучные взлет и приземление воздушного судна). Эта особенность деятельности авиадиспетчера приводит в действие лингвистические законы и формирует такие профессиональные черты его языкового портрета, как немногословность, лаконичность, диалогическую направленность, отсутствие стилистически окрашенной лексики, активизацию употребления глаголов и отглагольных существительных и т. д. Исходя из анализа языковых особенностей речи авиадиспетчера, можно говорить о приоритете возникновения профессионально значимых новаций, связанных с профессиональной деятельностью авиадиспетчера.

Таким образом, анализ речевого поведения авиационного диспетчера позволяет выявить роль коммуникативно значимых экстралингвистических факторов в формировании его языковой личности.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 75–77.*

Е. В. Ваганова

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АСПИРАНТОВ В АБЗАЦНОМ ЧЛЕНЕНИИ ТЕКСТА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Рассматриваются особенности языкового сознания представителей технической и гуманитарной корпоративных культур. Утверждается, что в текстах научных публикаций аспирантов технических и гуманитарных специальностей абзацное членение демонстрирует специфику профессионального мышления.

Ключевые слова: *языковое сознание, корпоративная культура, текст, научная статья, абзацное членение.*

Принадлежность к определенной корпоративной культуре проявляется через общность языкового сознания ее носителей. В своем исследовании мы рассматриваем языковое сознание аспирантов технической и гуманитарной отрасли как представителей различных корпоративных культур.

Истинными хранителями культуры, по мнению В. А. Масловой, являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // *Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой.* М., 2010. С. 261–270.
2. Мишланова, С. Л. Профессиональная языковая личность как категория когнитивного терминоведения // *Изменяющийся языковой мир : тез. докл. междунар. науч. конф. Пермь, 2001.*
3. Солнышкина, М. И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2005. 393 с.

культурных кодов, хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры. Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает [4. С. 87].

Текстами, отражающими особенности корпоративной культуры представителей технической и гуманитарной отраслей знания, могут служить научные статьи аспирантов. Научная статья – законченное и логически цельное произведение, посвященное конкретному вопросу, входящему в круг проблем (задач), решаемых соискателем при выполнении диссертационного исследования.

Для научной речи характерно четкое построение абзацев, выполняющих логико-смысловую функцию. Логическое развитие мысли оформляется путем строгого соблюдения тема-рематической последовательности при объединении высказываний в межфразовые единства [5. С. 129]. Основными причинами, заставляющими автора текста пользоваться абзачным членением, являются: новизна информации, новая микротема; важность информации в рамках данного текста; эмоциональное выделение детали; невозможность дальнейшего представления информации без нарушения смысла и логичности (в результате линейной несовместимости фраз). Главное назначение абзаца – расчленение текста с целью выделения его компонентов, что облегчает восприятие сообщения, а также расставляет акценты. Важнейшие функции абзацного членения: логико-смысловая, экспрессивно-эмоциональная, акцентно-выделительная [1. С. 12].

В данной работе мы обращаем внимание на последний абзац научной статьи, в котором должны содержаться выводы публикации. Были проанализированы научные публикации аспирантов технических и гуманитарных специальностей в сборниках материалов различных конференций и рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК.

В текстах статей аспирантов технической и гуманитарной корпоративных культур наблюдаются различия в оформлении первого предложения заключительного абзаца. Так, выводы своего исследования аспиранты технических специальностей предпочитают оформлять с помощью рубрикации и подзаголовка «Вывод». Например:

«Выводы

Таким образом, повысить эффективность обработки большого массива данных в реальном времени возможно, если исходный массив данных разбить на субполосные составляющие и выполнять их обработку на пониженных в n раз частотах дискретизации, либо использовать оптимальный поиск весовых ко-

эффициентов цифровой системы при помощи генетического алгоритма»;

«Выводы:

1. По результатам первичной статистической обработки процесса измерений получили, что процесс стабилен до 152 детали, и в дальнейшем требует корректировки.

2. По результатам оценки индивидуальных показателей надежности можно сделать суждение об относительной надежности ПАК, при этом комплексные показатели позволили установить однородность и случайность выборки, при нестабильности процесса измерений в целом. Это связано, во-первых, с отладкой опытного образца ПАК, который требует дополнительной регулировки, и, во-вторых, с малой жесткостью испытательного стенда.

3. Построенный алгоритм позволяет статистически оценить надежность получаемых результатов измерений ПАК с помощью комплексных и индивидуальных показателей и произвести поднастройку системы по результатам, полученным при помощи комбинированной контрольной карты X/R».

Подобное построение текста свидетельствует о проявлении в языковом сознании аспирантов технической отрасли следующих типичных особенностей: конкретности, рациональности, логичности [2. С. 30].

Были отмечены также статьи, в которых последний абзац не содержал явного вывода исследования, а представлял собой новую мысль. Например:

«Полученные в данной работе данные использованы в модели грудной клетки человека при локальном импульсном воздействии, которое соответствует нагружению тела при ударе пули в бронезилет».

У аспирантов гуманитарных специальностей указание на вывод в заключительном абзаце выражается через вводные слова со значением вывода, следствия, результата. Например,

«Таким образом, мы можем сделать вывод, что ценностное отношение к образованию – это связь человека с образованием, проявляющаяся в стремлении человека к осуществлению и продолжению образовательной деятельности и рассматриваемая как нечто значимое для его жизнедеятельности, результатом которой (образовательной деятельности) будет образованность человека»;

«Итак, категория степени связана с процессом изменения количества признака в од-

ном или нескольких подобных предметах и с помощью языковых средств – интенсификаторов – может характеризовать степень проявления....».

Подобное построение текста демонстрирует проявление в языковом сознании аспирантов гуманитарных специальностей типичных особенностей: гибкости, открытости, эмоциональности [2. С. 30]. Вместе с тем в статьях гуманитариев обнаружены заключительные абзацы, не содержащие итоговых вводных слов и демонстрирующих новую мысль, аналогично последним абзацам представителей технических отраслей знания:

«Сегодня наблюдается проникновение французского арго и русского жаргона во все сферы общественной жизни...».

Как отмечает Н. С. Валгина, следует учитывать авторскую манеру организации текста посредством абзацного членения. Абзацное членение, в отличие от семантико-синтаксического, гораздо субъективнее. Однако эта субъективность не мешает проявлению общих закономерностей построения текста, нарушение которых воспринимается как следствие недостаточной продуманности при его оформлении. Текст, не расчлененный на абзацы, воспринимается с трудом; сила его воздействия на читателя падает. Затрудненность чтения приводит к потере интереса и притуплению внимания [3. С. 53].

В заключительном абзаце текста научной статьи, на наш взгляд, содержится не только

вывод исследования, но и отражаются особенности языкового сознания аспиранта, потому что здесь в большей степени проявляется авторская манера изложения материала. Выделение информации в последний абзац демонстрирует движение авторской мысли, ее языковое оформление, следовательно, здесь находит свое воплощение языковое сознание аспиранта.

Таким образом, организация текста научной статьи является индикатором особенностей языкового сознания аспирантов технических и гуманитарных специальностей, а абзацное членение внутри этого текста демонстрирует специфику авторского мышления.

Список литературы

1. Брусенская, Л. А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова, Н. В. Малычева. Ростов н/Д., 2005. 256 с.
2. Ваганова, Е. В. Особенности языкового сознания представителей технической и гуманитарной корпоративных культур. Челябинск, 2011. 109 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие. М., 2003. 280 с.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. 208 с.
5. Современные вопросы общественно-речевой практики : сб. ст. / сост. А. А. Любимова. М., 2005. 129 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 77–79.

А. Х. Габдуллина

ЯПОНИЗМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СПОРТСМЕНОВ

В статье раскрываются особенности функционирования японских заимствований в профессиональной коммуникации спортсменов. Анализируются причины востребованности японизмов, рассматривается специфика организации системы понятий японских единоборств.

Ключевые слова: лексическое заимствование, японский язык, спортивный термин, профессиональная коммуникация спортсменов.

В современных условиях восприятие Японии, помимо притягательного культурного об-

раза, определяется также популярностью боевых искусств.

В спортивной терминологии, несмотря на тенденцию к мотивированности терминологических единиц, наблюдается функционирование иноязычных терминов-дублетов, востребованность которых можно объяснить их краткостью, что имеет особое значение в деятельности спортсменов.

Точное наименование в спорте способствует успеху на соревнованиях и тренировках, в общении между тренером и спортсменом, когда необходим быстрый обмен информацией. На фактор краткости в качестве решающего в выборе между национальным или иноязычным словом указывает Д. С. Лотте: «Основная причина иностранных заимствований коренится в противоречиях между требованиями точности термина с одной стороны, и требованиями их практической краткости – с другой» [3. С. 39]. Именно этим обусловлено огромное количество японизмов в коммуникации спортсменов, занимающихся японскими единоборствами.

Заимствования в профессиональной коммуникации спортсменов представлены сложными по структуре тематическими блоками. Каждая подсистема внутри целостной системы спортивных понятий имеет структуру и подразделяется на микросистемы. В соответствии с этим структура микросистемы понятий отдельного вида спорта может быть представлена следующим образом: вид спорта – место, спортсмен, технико-тактические приемы, снаряд, амуниция, качество, количество [1. С. 10].

Данная схема применима к большинству видов спорта, но представляется неполной по отношению к японским единоборствам, поскольку в большинстве боевых искусств Японии, таких как *карате*, *дзюдо* и *айкидо*, выделяются различные школы, стили, техники, которые необходимо выносить в отдельную группу термилируемых понятий. С заимствованными из Японии видами спорта связана также определенная философия и ритуалы. Последними должны владеть все занимающиеся боевым искусством, поскольку в японских единоборствах спортсмены развиваются не только физически, но и духовно. Кроме того, существуют различные команды, используемые тренерами или учителями, как их называют в восточных единоборствах, и особые обозначения степеней мастерства.

Получившие широкое распространение в мире, ставшие интернациональными обозначения японских видов спорта: *айкидо*, *дзюдо*, *джиу-джицу*, *карате*, *кэндо* ‘фехтование

бамбуковыми палками’, *кендзюцу* ‘фехтование на мечах’, *кюдо* или *кю-дзюцу* ‘искусство стрельбы из лука’, *сумо* ‘японская традиционная борьба’, *ябусамэ* ‘стрельба из лука верхом на лошади’ – известны и понятны достаточно большому количеству людей. Сюда же можно отнести производные наименования самих спортсменов: *дзюдоист*, *каратист*, *сумоист* (эти термины четко соотносятся с определенными видами спорта, являются однословными и легко запоминаются).

Как показал анализ, в профессиональной коммуникации спортсменов формируются совокупности заимствованных наименований для выражения спортивных понятий, которые пришли в принимающий язык не изолированно, а целыми группами. В системные отношения внутри принимающего языка входят обозначения школ, стилей и техник боевых искусств; наименования мест, где проводятся тренировки и поединки; названия используемых технико-тактических приемов, наименования снарядов и амуниции; выполняемые во время тренировок и поединков команды, наименования званий и отличий.

Так, например, в дзюдо выделяются следующие стили: *кодокан дзюдо* ‘традиционное дзюдо’ и *споцукан дзюдо* ‘спортивное дзюдо’, в карате: *асихара карате*, *вадо-рю карате*, *годзю-рю карате*, *карате ке кусинкай*, *карате се токкан*, *сито-рю карате*, *карате фудокан*; айкидо подразделяется на *айкибудо*, *айкикай*, *дайто-рю*, *айки-дзюцу*, *е синкан айкидо*, *ивама-рю айкидо*, *ки-айкидо*, *кокикай*, *кобукан*, *нисю-будо*, *рэнсинкай*, *се букан*, *томики-рю айкидо* и т. д.

Принципы философии присутствуют в каждом виде японского боевого искусства в качестве девизов, которые должен постигнуть любой, кто их осваивает. В конце тренировки младшие ученики вслед за старшим учеником произносят подобные девизы и клятвы. Приведем некоторые из них в качестве примеров: *бу но мити ва, рей ни хаджимари*, *рей ни овару*, *е тте токо ни рей о сейси кусубеси* ‘боевой дух предусматривает уважение, будь искренне вежлив со всем и каждым’; *варе варе ва, рейсецу о монжи*, *чедже о кейси*, *собо фурумай о цуцусимо кото* ‘мы будем следовать правилам морали и воздерживаться от грубых и недостойных поступков’ и др.

Следующий элемент микросистемы спорта – место, где происходят тренировки, схватки, соревнования. В русский и английский языки вошло только одно заимствование, общее

для всех видов единоборств, обозначающее место, где происходят тренировки, – *додзе*.

По мере погружения в систему специальных знаний на субординатном уровне концептуализируются технико-тактические действия, снаряды и амуниция, которые являются средствами для осуществления деятельности спортсмена.

Названия технических приемов и упражнений, заимствованные из японских боевых искусств делятся на узкоспециальные, которые употребляются только в одном виде спорта, и межотраслевые, функционирующие в нескольких видах спорта. Например, в айкидо выделяются следующие технические приемы: *сико-наге* ‘бросок на четыре стороны’, *кокю-хо* ‘техника силы дыхания’, *усиро вадза* ‘техники против атак сзади’ и др. Назовем упражнения, приемы общие для айкидо, дзюдо и карате: *ясуми* ‘расслабляющие упражнения’, *камаэ* ‘стойка’, *осаэкомивадза* ‘удержание соперника на полу’, *ката* ‘стилизованный демонстрационный упражнения с партнером и без партнера’, *дзюнбин – тайсо* ‘разминочные упражнения’ и др.

Важную часть спортивной терминосистемы, заимствованной из японского языка, составляют команды, большинство из которых являются межотраслевыми и употребляются во

всех японских единоборствах: *хадзимэ* ‘начинайте’, *маэ* ‘вперед’, *маэ-ги* ‘держат дистанцию’, *маттэ*, ‘прекратить делать упражнение, подождать’, *овари* ‘закончить (упражнение, тренировку)’ и др., но есть и узкоспециальные: *мокусю* ‘медитируй’, *котай* ‘поменяйтесь ролями’ и др.

Таким образом, культурное заимствование японских боевых искусств активизировало в русском языке процессы лексического заимствования, благодаря чему в русский язык вошла целостная микросистема наименований инструментов, школ и элементов.

Список литературы

1. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 24 с.
2. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010. 944 с.
3. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. 151 с.
4. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. М., 2008. 495 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 79–81.

Н. П. Глинская

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛЕКТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СУДЬИ ВЕРХОВНОГО СУДА США

Статья посвящена описанию понятия «терминология» профессиональной языковой личности на примере судьи Верховного суда США Энтони Кеннеди. В структуре терминологии судьи выделяются два уровня, каждый из которых характеризуется совокупностью ряда параметров.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, терминология, когнитивное терминоведение, профессиональный дискурс, Верховный суд США.

Парадигма когнитивизма придает главное значение именно человеку как субъекту познания и речевой деятельности в сфере профессиональной коммуникации. Когнитивная ориентация в терминоведении, по словам В. М. Лейчика и С. Д. Шелова, «исходит из необходи-

мости учета как прототипической организации концептов, реализованной в «наивной» языковой картине мира <...>, так и актуализации термина как знака «интеллектуально зрелого» и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации» [2. С. 47]. Соответственно,

изучение терминологии в русле когнитивно-дискурсивного направления требует внимания к специальной лексике, реализованной в профессиональном дискурсе, континууме текстов конкретной профессиональной языковой личности или единого языкового коллектива, члены которого объединены профессиональным взаимодействием.

С целью объяснения формирования, отбора и специфики функционирования терминологии в профессиональном дискурсе определенной профессиональной языковой личности (далее ПЯЛ) нами используется понятие терминологии. Под терминологией (термин впервые введен Г. П. Мельниковым [3]) понимается функциональная динамическая система языковых единиц профессиональной коммуникации, используемая индивидуальным или коллективным языковым субъектом для решения профессиональных задач. Структура терминологии представлена когнитивным и концептуальным уровнями (дифференциация уровней трактуется согласно концепции Е. И. Головановой [1. С. 205]) и может быть описана посредством применения лексико-статистического и когнитивно-дискурсивного видов анализа терминологии на материале диахронического корпуса текстов определенной ПЯЛ.

Поскольку необходимо выявление как стабильных во времени терминологических феноменов, так и новых терминов, отражающих развитие профессионального дискурса, для построения вероятностно-статистической модели терминологии ПЯЛ в настоящем исследовании применяются показатели относительной частотности терминологических единиц за достаточно протяженный период времени. Когнитивно-дискурсивное описание терминологии ПЯЛ включает когнитивный (вербализованные профессиональные знания) и концептуальный (разделяемые личностью профессиональные ценности) уровни, введенные в теорию когнитивного терминоведения Е. И. Головановой [1. С. 205].

Для описания специфики терминологии ПЯЛ судьи нами вводится ряд конституирующих параметров, которые будут проиллюстрированы на материале корпуса текстов судебных решений, написанных судьей Верховного суда США Энтони Кеннеди (**Anthony M. Kennedy**) примерно за 25 лет его профессиональной деятельности (с 1988 по 2012 год). Выбор именно этой профессиональной языковой личности обусловлен центристским характером

судебной деятельности данного судьи (так называемый «**swing justice**»), отсутствием фиксированной принадлежности к либеральному или консервативному крылу, а также авторством ряда наиболее важных для развития американского права судебных решений.

По полученным нами данным, в основе когнитивного уровня терминологии судьи Верховного суда лежит различная реализация следующих трех конституирующих параметров: 1) специфическая представленность разных типов специальных единиц: номенов (*European Convention on Human Rights, ECHR*); прецедентных терминов (*Griswold v. Connecticut, Bowers, Lawrence*); терминологических (*fidelity to the Constitution, heritage of freedom*); собственно терминов (*stare decisis, establishment clause, due process of law, etc.*); 2) наличие определенных морфо-синтаксических и лексико-фразеологических моделей терминопотребления, в том числе образованных посредством метонимии и метафоры (*a federal instrumentality, an atom of sovereignty, etc.*); 3) актуализация определенных когнитивных признаков юридических понятий, например, признака конституционности юридической нормы, признака источника права (закон, прецедент), признака функциональности правовой нормы.

Описание концептуального (ценностно-парадигмального, то есть не только мыслимого, но и переживаемого) уровня в структуре терминологии личности включает три основных параметра. Первый параметр определяет специфику системной организации концептов правовых ценностей. Например, для судьи Э. Кеннеди среди актуальных правовых ценностей *human dignity, equality, privacy, liberty, democracy* системообразующей является правовая ценность *liberty*. Вторым параметром является фактор приверженности языковой личности судьи определенной политико-правовой парадигме. Так, будучи сторонником парадигмы федерализма, судья Э. Кеннеди развивает такие юридические концепты, как *judicial review, separation of powers, state sovereignty*. Специфика стадии актуализации политико-правовой парадигмы представляет собой третий параметр концептуального уровня терминологии судьи. В частности, разрабатывая концепцию конституционных гарантий защиты человеческого достоинства *human dignity*, судья Кеннеди во многом опирается на выводы своего предшественника, судью Уильяма Бреннана (*W. J. Brennan*), но, однако, расходится с ним

и другими судьями в понимании сущности об-суждаемой правовой проблемы.

Проведенное исследование функциони-рования терминологического аппарата в дис-курсе ПЯЛ в русле когнитивно-дискурсивного направления показало продуктивность пред-лагаемого подхода для выявления структуры терминологии, определения наиболее значи-мых категориальных признаков и очередности их актуализации в дискурсе языковой лично-сти, объяснения уникальности системной ор-ганизации концептов изучаемой сферы про-фессиональной коммуникации. В связи с этим представляется перспективным дальнейшее изучение терминологии других судей с еди-ных методологических позиций на материале

диахронического корпуса текстов с целью вы-явления не только качественно-количествен-ной специфики, но и направления изменений.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитив-ное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
2. Лейчик, В. М. Российское терминоведе-ние: опыт синтеза «старой» и «новой» парадиг-мы / В. М. Лейчик, С. Д. Шелов // Научно-тех-ническая терминология : науч.-тех. реф. сб. М., 2004. Вып. 1. С. 45–48.
3. Мельников, Г. П. Основы терминове-дения. М., 1991. 115 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 81–83.*

А. А. Елистратов

О ВАРВАРИЗМАХ В СПОРТИВНОМ ЖАРГОНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Статья посвящена проблематике варваризмов в русском спортивном жаргоне. На основе ана-лиза дефиниций варваризмов делается вывод об отсутствии единого понимания этого лингви-стического термина. Автор дает собственное определение варваризма, которое используется для анализа русского спортивного жаргона.

Ключевые слова: *варваризм, спортивный жаргон, заимствование, дефиниции, внеязыковые факторы.*

В данной работе предпринимается попытка установить отношения между варваризмами и жаргонизмами в спортивном подъязыке. К решению этой задачи направлены следующие шаги: а) рассмотреть в хронологическом по-рядке определения варваризмов и выявить их существенные признаки; б) на основе выявлен-ных признаков выдвинуть рабочее определение варваризма; в) проанализировать спортивный жаргон на наличие варваризмов; г) установить отношения между варваризмом и спортивным жаргонизмом.

Первоначально варваризм определялся ши-роко – как «слово или выражение из другого языка, не свойственное данному языку и заим-ствованное из другого языка» [9. С. 120].

Иноязычное происхождение варваризма от-мечается в словаре О. С. Ахмановой [1. С. 70]. Согласно авторскому определению, варваризм является многозначным лингвистическим тер-мином. Поскольку наше исследование посвя-щено жаргону, в представленной дефиниции варваризма важной оказывается третья часть, где указано, что варваризмы противостоят общеязыковой лексике и ограничиваются со-циальными вариантами языка.

По мнению Б. Н. Головина, варваризмы – это иноязычные слова и словосочетания, включае-мые в речь безо всякой надобности [3. С. 19]. Вар-варизмы сблизжаются с лексическими средства-ми, засоряющими речь и нарушающими ее чи-стоту, в том числе с жаргонизмами [3. С. 18–19].

Варваризм в этом определении имеет два признака: 1) иноязычное происхождение и 2) необязательность употребления из-за наличия альтернативной лексической единицы. Кроме того, сближение варваризмов и жаргонизмов позволяет признать активное взаимодействие этих лексических разрядов – факт, отмеченный исследователями русского молодежного жаргона (см. например, [8. С. 113]).

И. Г. Добродомов выделяет два признака варваризма: 1) иностранное происхождение, то есть варваризм – это заимствованное слово; 2) более или менее регулярное употребление, обычно в качестве модного слова [4. С. 158].

В «Кратком словаре лингвистических терминов» варваризмы противопоставляются заимствованиям на том основании, что они не вошли в лексическую систему заимствующего языка и не подверглись фонетической подгонке под его нормы. Утверждается тесное взаимодействие варваризмов с жаргонами и отмечается знаковая функция варваризмов как социально-речевой специфики лиц, профессионально связанных с иностранным языком [2. С. 24].

В «Словаре социолингвистических терминов» варваризм трактуется как иноязычная лексическая единица, находящаяся на начальном этапе заимствования. Его употребление вызвано как необходимостью номинировать новые реалии, так и субъективными, психологическими факторами: следованием моде, желанием привлечь внимание и т. п. [10. С. 34–35].

Неполная освоенность варваризма, вызванная его фонетическими и грамматическими особенностями и новизной использования отмечается Т. В. Матвеевой. Как только заимствование проходит стадию первичной новизны, оно перестает быть варваризмом [7. С. 49]. Варваризм, в таком случае, выступает в качестве иноязычной лексической единицы на начальном этапе заимствования. К варваризмам относятся также лексемы, которые в русском языке сохраняются в первичной форме (иногда не только фонетической, но и графической) как своеобразная цитата из языка-источника (чаще всего, латинского, английского, французского), дань уважения этому источнику и показатель образованности говорящего [Там же].

В «Словаре терминов межкультурной коммуникации» термин *варваризм* не имеет однозначного толкования. Общим признаком варваризма в этом определении является его иноязычное происхождение, в то время как под каждую часть дефиниции подводятся, в

сущности, разные лексические разряды, что затрудняет его трактовку [6. С. 48].

Приведенные определения позволяют очертить следующие признаки, свойства и характеристики варваризма:

- иноязычное происхождение;
- степень освоенности и употребительности в ассимилирующем языке: от самой начальной (спорадической) до слегка «продвинутой» (более или менее регулярной);
- оппозиция общеязыковой норме и соответствие языковой норме в пределах отдельной социальной группы;
- взаимодействие с социальными разновидностями языка, особенно, с жаргонами;
- направленность на обозначение инокультурных реалий;
- отсутствие настоятельной необходимости в применении (языковая мода);
- бытование в речи людей, хорошо владеющих иностранным языком или находящихся в чуждой иноязычной среде;
- использование высокообразованными людьми в качестве устойчивых слов и выражений из других языков.

Анализ определений показывает, что варваризмы понимаются как *неологизмы* (если они выражают новые понятия), *экзотизмы* (если они номинируют культурную реалию и устраняют лакуны) и *жаргонизмы* или *термины* (если они проникают в пределы отдельной социально-профессиональной группы). В некоторых случаях варваризм имеет все шансы со временем войти в состав общеязыковой или профессиональной лексики как оправданное заимствование, поскольку за его употреблением кроется потребность в языковом знаке для номинации нового денотата. Заимствования такого рода, на наш взгляд, не могут считаться варваризмами, поскольку их употребление не обусловлено языковой модой. Варваризм, в нашем понимании, это заимствованное слово или выражение, чье более или менее регулярное употребление в практически неизменной фонетической и/или семантической форме вызвано сугубо языковой модой и является избыточным. Отсюда вытекает, что варваризм всегда вступает в конкурентные отношения с другим словом или выражением данного языка, обозначающим определенную реалию.

Принимая это определение варваризма как рабочее, мы применяем его к исследованию заимствований в русском спортивном жаргоне, который содержит большое число заимстwowа-

ний, преимущественно из европейских языков. Анализ выявил малое число варваризмов, бытующих как в спортивной, так и околоспортивной среде: в жаргоне болельщиков, журналистов, комментаторов и др.

Выявленные варваризмы делятся на две группы: 1) вступающие в конкурентные отношения с социально ограниченной лексикой (терминами и жаргонизмами); 2) вступающие в конкурентные отношения с общей лексикой.

Первая группа спортивных варваризмов: **бутчер** 'болельщик ф/к «Спартак» (М) из группировки «Безумные мясники»' (англ. *мясник* – здесь и далее в скобках курсивом указывается «конкурирующая» и более употребительная лексическая единица. – А. Е.); **динамайт** 'болельщик ф/к «Динамо» (М)' (англ. 'динамит'; болельщиков этого клуба также называют *динамитами*); **дисквалифай** 'дисквалификация' (*дисквалификация* от англ. 'дисквалифицировать') и др.

Вторая группа варваризмов: **бас** (англ. *автобус*); **перформанс** 'шоу в перерыве между матчами' (англ. *представление, шоу*); **полис** (англ. *полиция*); **тикет** 'билет на игру' (англ. *билет*); **фэн** (англ. *фанат*); **эстадио** (исп. *стадион*) и др. [5].

Малочисленность варваризмов, по нашим наблюдениям, вызвана тем, что после проникновения в спортивную и околоспортивную среду заимствуемое слово быстро подвергается семантической специализации, приобретая дополнительный смысловой оттенок, и становится неизбежным. Ср., например, **коуч** 'главный тренер' (англ. 'тренер'); **суппортер** 'футбольный болельщик, приехавший из другого города на матч' (англ. 'болельщик'); **сейв** 'удачное защитное действие вратаря' (англ. 'спасение') и др. [5].

Избыточность варваризмов как лексико-семантических единиц вовсе не означает их ненужность как языковых знаков. В основе функционирования варваризмов-жаргонизмов в спортивной среде лежат различные социально-психологические причины: молодой (как правило) возраст говорящих, необходимость

отделить «своих» от «чужих» и продемонстрировать принадлежность к определенному социуму, благозвучность (с точки зрения говорящего), желание «порисоваться» знанием новых слов и выражений, краткость варваризма, его новизна (когда более употребительные лексические единицы ощущаются как «пресные»), влияние СМИ и иноязычной культуры.

Таким образом, варваризмы в спортивном жаргоне являются немногочисленными, но необходимыми лексическими заимствованиями, которые находятся в сложных отношениях с остальными жаргонными и нежаргонными единицами и функционирование которых обусловлено внеязыковыми факторами.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
2. Васильева, Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. 2-е изд., доп. М., 2003. 213 с.
3. Головин, Б. Н. О хорошей речи // О культуре речи : сб. ст. М., 1981. С. 3–27.
4. Добродомов, И. Г. Заимствование // Большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 158–159.
5. Елистратов, А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона. Челябинск, 2011. 215 с.
6. Жукова, И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович. М., 2013. 632 с.
7. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010. 562 с.
8. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка. Киев, 1984. 236 с.
9. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. М., 1949. 805 с.
10. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭКСКУРСОВОДА: МОТИВЫ И СРЕДСТВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045,
проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

В статье рассматриваются вопросы самоидентификации личности профессионала в экскурсионном дискурсе, обусловленной коммуникативной и прагматической спецификой последнего, а также детерминированной идиостилем профессиональной языковой личности.

Ключевые слова: экскурсионный дискурс, коммуникативные стратегии, самоидентификация.

Процессами глобализации обусловлено, как известно, множество противоречивых тенденций в современном мире. В частности, открытие и в ряде случаев разрушение границ в конце XX века и, как следствие, масштабное развитие туристической отрасли экономики не только стимулируют формирование жанра экскурсии в лингвотипологическом смысле, но и приводят к созданию полноценного самостоятельного типа дискурса – экскурсионного, со своими закономерностями, подвидами, стратегиями, ключевыми концептами и актантами. Парадоксальным при этом выглядит тот факт, что масштабный спрос на экскурсии отчасти приводит к «вымиранию» профессии экскурсовода, ведь и в музейной и в обзорной городской экскурсии проводника по экспозиции все чаще заменяет аудиогид. Это приводит, с одной стороны, к появлению жанра аудиогид-экскурсии, которая скорее представляет собой базовый инвариант информативной экскурсии, лишенной не только субъективно-оценочного компонента, но зачастую и комментирующей составляющей. С другой стороны, предъявляются более высокие требования к профессионализму экскурсовода, который конкурирует с «машиной», не допускающей ошибок, не отвлекающейся, не отстающей от видеоряда и не обязанной организовывать групповое взаимодействие экскурсантов.

Сопоставление автоматического и личностного типа экскурсии позволяет выявить следующие сходства и различия:

оба типа экскурсионного сопровождения транслируют обширный объем информации культурно-исторического характера, конкретное содержание которой прямо или опосредованно обусловлено визуальной составляющей экскурсии;

оба типа экскурсионного сопровождения регулируют, упорядочивают, направляют восприятие клиентом визуального ряда;

оба типа экскурсионного сопровождения управляют поведением клиента, в частности, его перемещением в пространстве.

Основным отличием личностной экскурсионной коммуникации является ее двунаправленность – экскурсовод не только задает риторические или прямые вопросы, апеллируя к фоновым знаниям экскурсантов и их личному жизненному опыту, но и должен быть готов ответить на вопросы клиента, в том числе не имеющие отношения к предмету экскурсионного рассказа. Кроме того, экскурсовод неизбежно предстает перед клиентами как личность, чей внешний вид, манера общения, речевое поведение влияют на успешность коммуникации и в рамках сервисно-клиентского общения определяют качество предоставленной услуги. Этот личностный фактор, впрочем, в минимальном количестве присутствует в аудиогид-экскурсии, в частности, в оценке «приятного мужского» или «приятного женского» голоса.

Нами были выделены следующие стратегии интеракции в личностном экскурсионном дискурсе: информационно-директивная (стратегия организации группового взаимодействия), познавательно-дидактическая (стратегия трансляции знания), эмотивная (стратегия трансляции эмоций), рекреационная (стратегия развлечения), рекламная. Таким образом, экскурсовод выступает как информатор, комментатор, собеседник, советчик, эмоциональный лидер [2].

Указанная совокупность коммуникативных ролей детерминирует самоидентификацию профессионала.

Под самоидентификацией в психологии принято понимать отождествление себя с определенной социальной группой, образом, архетипом и т. д. Например, *я – инженер; я – отец; я – мужчина* и т. д. [4]. Одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств является именно сохранение своего идентификационного статуса.

М. А. Щербаков, создавая модель самоидентификации личности, выявляет 7 уровней: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой и духовный. В рамках этой концепции социально-профессиональная самоидентификация рассматривается как уровень, наиболее адекватно вербализуемый и осознаваемый. «Верхний социально-профессиональный уровень имеет много относительно обособленных подуровней» [4].

Как в психологии, так и в лингвистике принято различать идентификацию и идентичность как процесс и результат. «Идентификация – это процесс (психологические и социальные механизмы), ведущий к идентичности как к относительно конечному результату» [3. С. 12–13].

Идентичность и идентификация, или самоотождествление, рассматриваются в современных гуманитарных науках с точки зрения кризиса идентичности [1]. Описанные выше наблюдения относительно профессии экскурсовода, на наш взгляд, обосновывают актуальность исследования самоидентификации личности профессионала в условиях кризиса или растущей конкуренции.

В наиболее обобщенном смысле самоидентификация профессионала происходит в рамках модели «я-экскурсовод». Данная модель реализуется прежде всего в самопредставлении при знакомстве с группой:

Сегодня с вами я, ваш экскурсовод, меня зовут Наталья.

Меня зовут Инна, я ваш экскурсовод.

Личностная самоидентификация реализуется, прежде всего, в личном имени экскурсовода, при этом имя может стать маркером, идентифицирующим группу и объединяющим ее, наряду с номером автобуса, табличкой на лобовом стекле и т. п.

Кто с Виктором, прошу в этот автобус (говорит сам экскурсовод Виктор)

В соответствии с представлениями о градации профессиональной самоидентификации

и о вариативности коммуникативных ролей профессионала мы выявляем несколько идентификационно-характеризующих моделей экскурсовода. Способы вербализации модели (прямой или косвенной) могут варьироваться прежде всего на лексико-семантическом и прагматическом уровнях.

Я – экскурсовод-рассказчик (или я – экскурсовод, потому что я много рассказываю). Данная модель реализуется прежде всего пропозициональными высказываниями и вводными конструкциями, содержащими глаголы речевой активности:

И подробнее о плане нашей экскурсии я расскажу немножечко позже, когда вся наша группа будет уже в полном составе.

Конечно, я не могу не упомянуть о том, что сочинская теннисная школа олимпийского резерва очень высокого, хорошего профессионального уровня, носит имя Евгения Кафельникова.

Вариантом этой модели может быть модель «Я – экскурсовод-эрудит (или я экскурсовод, потому что я много знаю)». Особенностью этого типажа является его принципиальная имплицитность, объясняемая, возможно, опасностью создать у экскурсантов комплекса невежи. Во избежание этого экскурсовод либо идентифицирует свои знания со знаниями реципиентов:

А мы знаем, индейцы были народ воинственный, как говорится, зарывали в землю топор войны, раскуривали трубку мира...

либо запрашивает знания экскурсантов с помощью вопросов, чаще всего примитивного содержания:

Мы с вами находимся в городе-курорте Сочи. А на побережье какого моря лежит этот замечательный город? Как море называется?

При этом экскурсовод зачастую задает вопросы, проверяющие, насколько внимательно туристы слушали его предыдущий рассказ, реализуя таким образом модель «Я – экскурсовод-учитель».

Я – экскурсовод-проводник (или я – экскурсовод, потому что я вожу группу по маршруту):

Я провожаю сначала гостей в океанариум – он ближе, возвращаюсь потом и провожаю в дельфинарий.

Кто не решился на экскурсию, остается здесь, в квартале, недалеко от автобуса. Скансен, за мной! (последним призывом экскурсовод обращается к туристам, которых он ведет в парк Скансен).

Я – экскурсовод-организатор (или я – экскурсовод, потому что я обеспечиваю (безопасное) функционирование группы туристов)

Обратите внимание друг на друга, посмотрите внимательно. Запомнили соседей, если при посадке кого-то не будет, вы мне потом скажите.

Дружно смотрим друг на друга! Все на месте?

В данной модели мы наблюдаем не только универсальный идентифицирующий типаж, но и индивидуальные разновидности «Я – экскурсовод, заботящийся об экскурсантах» и «Я – экскурсовод-хозяин, принимающий гостей»:

Там жарковато, берите головной убор.

Итак, уважаемые гости, мы остановку сделали около одного из самых высоких зданий нашего города.

Я – экскурсовод-представитель туристической фирмы. В рамках данной модели экскурсовод осуществляет рекламную деятельность:

Наша туристическая фирма...

Я – экскурсовод-патриот (или я экскурсовод, потому что я люблю то, о чем рассказываю):

И справа снова наше любимое черное море...

А сейчас мы сворачиваем, уважаемые гости, на улицу Театральную, и буквально через несколько секунд мы с вами увидим одно из самых красивых зданий города: без сомнения, это гордость Сочи – Зимний театр.

Я – экскурсовод-шутник (или я экскурсовод, потому что я развлекаю туристов). Данная модель реализуется не на лексико-семантическом уровне, а на уровне жанра – либо байки,

анекдота, либо «местного шуточного колорита»:

Как называется варенье из абрикосов? Правильно, абрикосовое. А как называется варенье из яблок? Правильно, яблочное. А варенье из фейхоа? ... А ведь в наших местах действительно растет этот тропический фрукт.

Итак, проведенный анализ показывает, что профессионал-экскурсовод идентифицирует себя в моделях социально-профессионального уровня самоидентификации, которые в основном формируют инвариант профессиональной модели, могут варьироваться и в целом вербализуются как на лексико-семантическом, так и на прагматическом уровнях.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллект. моногр. / под ред. Е. Н. Азначеевой. Челябинск, 2012. 232 с.
2. Жаркова, У. А. Профессиональная языковая личность экскурсовода: дискурсивный аспект // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире: коллект. моногр. Челябинск, 2012. С. 109–132.
3. Смирнова, А. Г. Идентичность в меняющемся мире : учеб. пособие / А. Г. Смирнова, И. Ю. Киселев. Ярославль, 2002. 300 с.
4. Щербаков, М. А. Модель уровней самоидентификации личностей [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).

Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 86–89.

Г. В. Кубиц

О ФОРМИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СТУДЕНТОВ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Рассматривается проблема формирования юридического дискурса у студентов-юристов дистанционной формы обучения. Утверждается значимость коммуникативной деятельности преподавателя для успешного решения профессиональных задач становления языковой личности юриста

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, специальный язык, языковое сознание, языковая компетентность.

При обучении любой специальности, а в нашем случае – юридической, главной задачей является становление профессиональной языковой личности, владеющей коммуникативной компетентностью, что и является конечной целью обучения юриста. Важнейшую роль в этом выполняет юридический дискурс. Несмотря на значительные достижения в области теории дискурса, этому явлению уделяют недостаточно внимания в практике обучения юристов при дистанционной форме обучения.

Юридический дискурс – это совокупность юридических текстов (устных или письменных), отражающих намерения специалиста, оперирующего специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы. Таким образом, тексты юридических документов – главная составляющая юридического дискурса. Этот дискурс отличается вариативностью, в нем применяется специальный язык, оказывающий определенное воздействие на адресата. Специальный язык необходим, чтобы донести информацию в специфической области знаний и достигнуть нужного эффекта. Именно овладение специальным языком выходит на первый план при подготовке специалиста-юриста.

В связи с развитием дистанционной формы обучения юридической специальности, на наш взгляд, возникают проблемы коммуникативной подготовки юристов-профессионалов. Повседневная деятельность юриста связана с общением в профессиональной сфере, а дистанционная форма образования не дает возможности в полной мере овладеть языковой профессиональной компетенцией. Другой важной проблемой является профессионализм преподавателя. Можно согласиться с мнением Е. И. Черкашиной, что иногда профессиональная квалификация преподавателя «не соответствует требованиям, предъявляемым обществом, поскольку у него не сформированы специальные <...> компетенции, способные обеспечить эффективность профессионально-педагогической деятельности в области профессионально направленного обучения» [3. С. 58]. При этом задача вуза – выпустить конкурентно способного специалиста, сформировать мировоззрение и профессиональную картину мира будущего юриста.

С развитием дистанционной формы обучения модифицируется роль современного преподавателя, который должен не только обладать знаниями в сфере информационных

технологий, но и быть специалистом по их применению в своей профессиональной деятельности, тем самым направлять развитие личности студента на формирование коммуникативной компетенции. Результативность профессиональной деятельности преподавателя дистанционной формы обучения зависит не только от знания своего предмета обучения, но и в значительной степени от его специальной педагогической подготовки. Таким образом, необходим пересмотр устоявшихся организационных форм учебной работы преподавателя, то есть отход от традиционных занятий с использованием только объяснительного метода обучения. Придание самостоятельным заданиям творческого характера даст возможность избежать стереотипов, плагиата, позволит раскрыть способности и индивидуальность каждого студента. Это, на наш взгляд, приведет к созданию новой образовательной атмосферы и будет способствовать формированию профессиональной языковой личности юриста.

Следующей причиной недостаточного уровня сформированности юридического дискурса у студентов дистанционной формы обучения является отсутствие систематического погружения в профессиональную учебную среду, как это происходит при системе очного обучения. При дистанционной форме обучения студент сам дозирует время на свое обучение (большее или меньшее). Поскольку обучение проводится при помощи информационных технологий и непосредственное общение преподавателя со студентами не предусмотрено, исключается сама возможность корректировки языковых ошибок в устной речи студентов.

Важной проблемой, затрудняющей формирование юридического дискурса, считаем также то, что контрольные задания выполняются, как правило, в виде тестов, в которых студент реализует себя лишь на уровне фиксации своих знаний – скупо, немногословно, что противоречит языковой подготовке юриста. Для современного мира, возможно, тестовая форма контроля знаний прогрессивна, но если говорить о формировании классического профессионала-юриста, то подобная форма обучения приводит к «поверхностному», весьма относительному овладению профессией.

Исходя из нашего опыта работы в рамках дистанционной формы обучения можем отметить, что студентам присуща неуверенность в правильности оформления своих высказываний, они испытывают затруднения в выборе

языковых средств при создании письменных текстов. Между тем современному обществу необходимо, чтобы выпускник вуза был профессионально успешным и мобильным, уметь строить собственную карьеру, работать в условиях жесткой конкуренции на отечественном и мировом рынках, мог активно содействовать благополучному развитию общества [2. С. 152].

Безусловно, приняв решение получить профессию юриста через дистанционную форму обучения, человек психологически настраивает себя на овладение профессиональными знаниями посредством информационных технологий. Включаясь в процесс обучения, студент осваивает профессиональный язык, специальную терминологию, формируя тем самым свое языковое сознание. Языковое сознание профессионала мы понимаем как особое видение мира, картину мира, выражающуюся в языке и речи. Представления о мире в его материальных и духовных проявлениях закрепляются в языке. Поэтому значимое место в образовательном процессе отводится преподавателю, который должен по-новому организовать свою работу, владеть коммуникативными формами эффективного общения, изменить привычные методы преподнесения материала, приближая студента-юриста к профессиональной картине мира, развивая его коммуникативные навыки. Так, например, формированию юридического дискурса на первом курсе способствует специальный предмет «Теория государства и права», который дает представление об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права и государства, позволяет усвоить терминологию права.

Обобщая имеющиеся наработки преподавания у студентов дистанционной формы обучения курса «Риторика для юристов», приведем описание тех заданий, которые, на наш взгляд, способствуют их погружению в специальный юридический язык. Рассматривая риторику как инструмент формирования профессиональной направленности будущего специалиста, необходимо учитывать стремление студента приобрести специальные знания в области специального языка. Учебный курс «Риторика для юристов» направлен на формирование и развитие языковой компетенции профессиональной личности юриста, а также коммуникативных навыков эффективного общения.

Для практических занятий в курсе «Риторика для юристов» применяется ряд заданий,

направленных на работу по созданию, обработке и анализу юридических текстов, а также на формирование мотивационной готовности к познавательной самостоятельности студента. Так, комплексный анализ статьи известного юриста с дополнительными заданиями дает возможность студенту сформировать и выразить свое мнение. Другим заданием является самостоятельное исследование лексико-семантических особенностей юридического дискурса на примере судебных речей известных ораторов. Такое задание знакомит обучаемых с образцами речевого поведения профессиональных носителей юридического языка в контексте определенной коммуникативной ситуации. Приведем некоторые цифры. Из проверенных нами 1016 работ 631 работа зачтена с первого предъявления на проверку, 385 работ были отправлены на доработку и впоследствии зачтены, и только 76 работ повторно еще не выполнены. Было получено много положительных отзывов после прочтения студентами судебных речей А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича и других известных деятелей в области права. Статистика показала, что избран правильный путь к формированию профессионального дискурса будущих юристов.

Анализ судебных речей (всего 4) и построение на этой основе собственного устного выступления, облеченного в письменный текст, позволяет студентам использовать все богатство русского языка и способствует начальному формированию у них юридического дискурса. Безусловно, становление данного дискурса происходит в такой языковой ситуации, когда юридический текст создается самим студентом. Чтение и понимание образцов текстов требует интерпретации их исходного смысла. Это ведет к вероятностному прогнозированию, основанному на положении когнитивной психологии о том, что понимание выступает скорее подтверждением гипотезы о том, каким представляется мир, чем просто первоначальным усвоением новых фактов [1. С. 341]. Следовательно, формирование юридического дискурса реализуется только тогда, когда происходит осознание студентами средств создания правовой терминологии, ее значения, использования в текстах, а это, в свою очередь, способствует глубокому и прочному усвоению специальных дисциплин, развитию профессионально-языковой компетентности.

Несомненно, что профессионально-языковая компетентность предполагает свободное

владение специальным языком и профессиональной терминологией как основой юридического дискурса. Но не только наличие некоторой суммы знаний способствует росту профессиональной компетентности юриста. Такая возможность обусловлена способностью личности к профессиональному мышлению. У личности формируется внутренняя позиция, которую можно рассматривать как создание необходимой предпосылки для овладения знаниями. В последующем обучении происходит освоение специальных предметов, способствующих дальнейшему «погружению» в профессиональный языковой мир, а профессиональная компетентность преподавателя помогает будущим юристам «проникать» в специальный юридический язык, развивая тем самым их профессиональное мышление.

Список литературы

1. Григоренко, И. Н. Категория восприятия и понимания текста и аспекты их реализации / И. Н. Григоренко, В. А. Рыбникова // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века : сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». Вып. 6. СПб. ; Ставрополь, 2001. С. 340–344.
2. Покушалова, Л. В. Формирование иноязычной профессионально-ориентированной компетенции у студентов технического вуза // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2. С. 151–154.
3. Черкашина, Е. И. Современные тенденции профессиональной подготовки преподавателя иностранного языка // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 5 (120). С. 58–64.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 89–91.

А. Р. Кусяев

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ДИАЛОГЕ МЕНЕДЖЕРА С КЛИЕНТОМ

Производится анализ диалогов менеджеров отдела продаж одной телекоммуникационной компании с целью выявления приемов речевого воздействия.

Ключевые слова: *речевое воздействие, манипуляция, прямые продажи.*

В современных социально-экономических условиях все больше коммерческих компаний для реализации своих товаров и услуг предпочитают не пассивное ожидание, а активный поиск новых потенциальных покупателей и клиентов. Для этой цели практически в каждой компании существует специальный отдел продаж. От коммуникативных навыков менеджера такого отдела, от его умения использовать приемы речевого воздействия (далее РВ) зависит результат его работы – подписанные договоры, совершенные сделки. Этим и обусловлена актуальность данного исследования. В статье с целью выявления приемов РВ анализируются диалоги менеджеров отдела продаж одной телекоммуникационной компании с потенциальными клиентами.

РВ определяется как в широком, так и узком смысле. По мнению П. Б. Паршина, РВ в широ-

ком смысле – это воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами, иными словами – с помощью сообщений на естественном языке. Под РВ в узком смысле понимаются конкретные примеры использования особенностей устройства и функционирования знаковых систем и, прежде всего, естественного языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения. Эта способность обеспечивается свойством воздейственного текста, названного П. Б. Паршиным «преодолением защитного барьера» реципиента воздействия [2].

С РВ тесно связано понятие манипуляции [4]. Манипуляция – это воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо неосознанно или вопреки его собственному же-

ланию, мнению, намерению [3. С. 72]. Особенностью манипулятивной аргументации является кажущееся апеллирование к критическому мышлению, логическому анализу, притом что ряд манипулятивных приемов «направляют» ход мысли адресата [6. С. 52].

Рассмотрим примеры использования приемов РВ (в скобках указаны названия приемов по классификации Е. В. Шелестюк):

– *Здравствуйте, а у вас уже дома подключен Интернет?*

– Да.

– *От какой компании?*

– Вы разве не знаете, что у нас только одна компания в доме?

– *А вы бы не хотели переключиться к другой?*

– Знаешь, как хорошо, когда есть такая возможность.

– *А вы сейчас сколько платите?*

– Четыреста тридцать.

– *Какая у вас сейчас скорость?*

– Восемь мегабит.

– *Мы вам предлагаем за 400 рублей скорость 24 мегабита в секунду днем....*

– Все вы говорите одно, а на самом-то деле другое.

– *На самом деле я сам подключен к услугам нашей компании уже 4 месяца (психологическое подражание и аргументация к опыту). Вообще, бывают погрешности, но не больше мегабита. Даже если будет 22–23, все равно это больше, чем у вас сейчас (сопоставление).*

– Давайте попробуем. А подключение бесплатное?

– *Да, у нас сейчас акция (придача информации оттенков сенсационности и срочности). Давайте, заключим предварительный договор.*

– Я пока не буду ничего подписывать.

– *Он просто обязывает компанию подключить вас при технической возможности (полуправда, замалчивание).*

– А у вас есть такое, что после подключения нельзя расторгнуть договор в течение какого-то времени?

– *Вообще, расторжение договора в течение года стоит 1150 рублей, но это можно обойти, то есть заплатить 100 рублей за приостановление услуг и просто не пользоваться.*

– Я слышала, что у вас якобы есть вирусы.

– *Вирусы, на самом деле, есть по всему Интернету, это не зависит от провайдера. Просто нужно быть аккуратнее. Кстати, после подключения я могу к вам прийти и уста-*

новить лицензионный антивирус «Dr. Web» абсолютно бесплатно.

– Ну, давайте.

Это пример успешной работы менеджера. Диалог состоялся по всем правилам алгоритма продажи (установление контакта, сбор информации, презентация коммерческого предложения, работа с возражениями, завершение продажи) [5], несмотря на то, что уделено мало времени этапу выявления потребностей: менеджер лишь узнал, услугами какого провайдера пользуется и сколько платит клиент на данный момент, и лишь на основе этого начал предлагать свои тарифы. Тем не менее качественная работа с возражениями привела к успешному завершению сделки, то есть к подписанию договора.

Проанализируем еще один диалог:

– *Добрый вечер, компания «N». Меня зовут Михаил. У вас дома уже есть Интернет?*

– Есть.

– *А сколько вы в месяц платите сейчас?*

– Четыреста.

– *За 400 рублей у вас какая скорость, не знаете?*

– Не знаю. Дети пользуются.

– *А соединение у вас через телефон?*

– Нет.

– *Оптоволокно?*

– Ага.

– *Тогда у вас мегабита 2 (дезинформация). Мы вам предлагаем поучаствовать в акции (придача информации оттенков сенсационности и срочности). Вы платите 1200 рублей за три месяца и пользуетесь Интернетом со скоростью 24 мегабита в секунду.*

– А потом?

– *А потом будете платить по 500 рублей, но у нас есть система скидок. С каждым месяцем оплата все меньше и меньше.*

– А можно подробнее?

– *Конечно. Смотрите (использование базовых перцептивных систем регуляции): вот на тарифе «Улыбка», у нас действует акция –20% на 3 месяца. Вообще тариф стоит 500 рублей, то есть 400 за Интернет и плюс 100 за нашу файлообменную сеть по Челябинской области, где можно скачивать файлы, не выходя в Интернет. Из сети фильм можно скачать буквально за 5 минут (пример). А тут скорость днем у нас 24 мегабита в секунду, а ночью до 100 мегабит доходит. Скорости 24 мегабита вам хватит, чтобы, скажем, фильм скачать за полчаса (пример).*

- Ага, ну все понятно.
- *Вот здесь мой номер телефона. Давайте, я ваш тоже запишу. Скажите вашу фамилию, имя, отчество.*
- (диктует)
- *Если вас заинтересует, то позвоните.*

Преодоление защитного барьера выполнено успешно: сначала клиент отвечал с неохотой, но позже он включился в диалог, стал сам задавать вопросы – однако менеджеру не удалось заключить предварительный договор на подключение. Он даже не попытался этого сделать, а лишь получил контактные данные клиента. Возможно, менеджер предвидел отказ, ведь адресат лично Интернетом не пользуется. Для более результативной коммуникации необходим более компетентный собеседник.

Такие приемы, как умалчивание, дезинформация, придача информации коннотаций сенсационности и срочности, использование вставленных команд носят манипулятивный характер, так как они являются лишь кажущимся апеллированием к критическому мышлению, логическому анализу и «направляют» ход мысли адресата в нужную менеджеру сторону. Наиболее опасным приемом как для клиента, так и для самого сотрудника из вышперечисленных является дезинформация, потому что, если клиент решит проверить достоверность сказанного и убедится в обратном, дальнейший контакт практически невозможен.

Таким образом, мы видим, что большинство приемов РВ, которыми пользуются менеджеры по продажам данной компании, являются манипулятивными, что опасно как для клиентов, так и для самих менеджеров, а следовательно, и для репутации компании, которую они представляют.

Список литературы

1. Кусяев, А. Р. Речевое поведение менеджера. Saarbrücken, 2013. 80 с.
2. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 55–73.
3. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
4. Тишин, Н. В. Вербальные средства внушения в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2010. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/verbalnye-sredstva-vnusheniya-v-politicheskom-diskurse>.
5. Хайруллин, Р. 5 этапов продаж [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nicemanager.com/2008/02/06/pjat-jetapov-prodazh.html>.
6. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск, 2008. 232 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 91–93.

Ю. А. Нелюбина

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Рассматриваются особенности вербального конструирования образа профессионала в художественном кинодискурсе Китая. В центре внимания автора находятся единицы, формирующие в зрительском восприятии профессиональную языковую личность полицейского.

Ключевые слова: *художественный кинодискурс, профессиональная языковая личность, образ профессионала.*

Современный кинематограф выступает мощным транслятором культурных ценностей, формирующим в сознании людей определенные стереотипы, которые используются адре-

сатом для интерпретации мира и создания моделей собственного поведения. В связи с этим лингвистический анализ кинодискурса весьма значим и актуален.

Интенсивное развитие российско-китайских отношений, расширение контактов между представителями двух стран ведет к тому, что китайская культура все чаще привлекает внимание ученых. Китайский кинематограф, ориентированный не только на своего зрителя, но в последние годы в большой степени и на иностранного, дает богатый материал для лингвиста.

Под кинодискурсом в настоящей статье понимается текст, погруженный в ситуацию реального общения в кинофильме. Изучению кинодискурса посвящено немало работ языковедов (см. статьи и монографии Г. Г. Слышкина, Б. А. Зильберта, М. А. Ягубовой, А. Н. Зарецкой, Е. Е. Ивановой, М. А. Ефремовой, Ю. Г. Цивьян и др.).

В центре нашего внимания находятся особенности воплощения в китайском кинодискурсе профессиональной языковой личности, то есть коллективной языковой личности, сформированной в определенной социально-корпоративной среде, обладающей профессиональным сознанием и соответствующей концептуальной системой (подробнее см.: [1]).

По словам В. И. Карасика, «носителем языкового сознания является языковая личность, то есть человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значении языковых единиц и смыслах текстов» [3. С. 8]. В соответствии с таким пониманием профессиональная языковая личность функционирует в профессиональном языковом пространстве и имеет определенные стереотипы речевого поведения, воспроизводимые в профессиональной коммуникации.

Профессионал рассматривается нами через анализ его вербальных репрезентаций в китайском кинодискурсе не случайно: именно кинематограф служит самым влиятельным способом трансляции культурных смыслов. Его доминирование в современном информационном пространстве не раз подчеркивалось исследователями в связи с возрастающей тенденцией к визуализации культуры [4. С. 69].

В качестве объекта анализа избран игровой фильм «*无间道*» («Двойная рокировка», 2002), в котором раскрывается образ профессионального полицейского, один из наиболее популярных в современном Китае. Служить в полиции для китайца весьма престижно, однако эта профессия предъявляет к человеку высокие требования и накладывает на его поведение целый ряд ограничений.

Отметим, что образ профессионала значим в рамках любой национальной культуры, поскольку является неким эталоном, поведенческим образцом, тем, на кого можно равняться в профессиональной карьере и в целом в жизни. В основе этого образа лежит представление о высоком уровне владения профессиональным знанием и профессиональной компетенцией.

Базовую структуру языка профессиональной коммуникации [1. С. 48] образуют терминология и профессиональное просторечие (устные профессиональные единицы), к ним добавляются корпоративные диалекты (слова и выражения, типичные для общения внутри отдельных производственных коллективов) и профессиональный жаргон (присущ профессиям, связанным с физическими и психическими пограничными состояниями [2]). Исходя из этого, профессиональная принадлежность человека и уровень его мастерства проявляются в полноте и точности усвоения присущих его профессиональной деятельности языковых единиц и умении адекватно их использовать.

Концепт «профессионал» в китайском языке представляет собой полевое образование с ядром, вербализованным существительными *专家, 专业人士, 内行, 师傅* («профессионал», «специалист», «эксперт», «мастер»).

Ниже в таблице приведен примерный состав терминов, профессионализмов, жаргонизмов, а также общеупотребительных единиц, формирующих образ профессионального полицейского в проанализированном кинотексте.

В ходе анализа нами отмечена характерная для китайских полицейских особенность обозначения подчиненных с помощью личных номеров («27149», «4927»), такой номер часто служит и в качестве позывного.

Средства вербализации образа полицейского в кинофильме «Двойная рокировка»

Семантические и грамматические разряды вербализаторов	Средства выражения			
	Общепотребительные единицы	Термины	Профессионализмы	Жаргонизмы
‘Начальник’		长官 校长 警司 警官 警务处长	老板	上头
‘Подчиненный’, ‘сослуживец’			兄弟 27149, 4927	大象

‘Полиция’, ‘полицей- ский’	警察局 警察队 警讯 警员 警方 警务处	重案组 内务部 管理层	专组	
‘Шпион’	探员	特务	卧底	内鬼 线人
Акциональ- ные глаголы	跟踪 行动 搞定	植入 疏忽 交代	放下枪 进货 收货 仇杀	滚蛋 骚扰 殴打 看鸟 兜风 回公司 打麻雀 搞鬼 吹风 捉奸 抓
‘Преступный мир’, ‘пре- ступник’		凶徒	黑社会 三合会	泰国佬 古惑仔 麻雀 混黑会 的
‘Специаль- ная аппара- тура’		偷听器 针孔摄 影器		
‘Обращения внутри бан- ды’			兄弟 大哥	
‘Наркотики’	(AA+)可 卡因		货物	
‘Качества’	利索 把他抓上 去, 足足 打了十分 钟, 一句 话都没说 要给你学 习 跨点结 婚, 成熟 点儿, 给 大家一个 好的印象 眼光要放 远点儿		尽忠职 守	

Обращает на себя внимание также сближе-
ние профессионального жаргона полицейских
с уголовным арго вследствие тесных контактов
между двумя оппозиционными структурами.
В речь полицейских перенимаются не только
элементы активной лексики (например, «то-
вар» – наркотики), но и некоторые номинатив-
ные модели, характерные для криминальной
среды (в частности, зооморфная метафора при
обозначении человека: «крот», «слон» – о по-
лицейских, «воробей», «птица» – о преступни-
ках).

Проведенный анализ позволил выявить
типичный набор профессиональных жаргон-
низмов, профессионализмов и общеупотреби-
тельных слов, формирующих у адресата кино-
дискурса образ полицейского. Поле вербализа-
торов концепта «полицейский» свидетельству-
ет о том, что профессиональная компетенция
этого специалиста проявляется не только в его
профессиональных качествах – наблюдатель-
ности, ловкости, честности, но и в умелом вла-
дении специальной лексикой.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Введение в когнитив-
ное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011.
224 с.
2. Голованова, Е. И. Типология единиц
профессиональной коммуникации: когнитив-
но-прагматический аспект // Вестн. Челяб. гос.
ун-та. 2008. № 9 . С. 25–29.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность,
концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
4. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные кон-
цепты прецедентных текстов в сознании и дис-
курсе. М., 2000. 139 с.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОГО ВОСПРИЯТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛОРОНИМОВ В ЯЗЫКЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ (на материале английского языка)

Представлены результаты практического исследования особенностей цветовосприятия и применения цветowych наименований в языке медицинских работников. Основные положения автора обосновываются на примере трех базовых колоронимов английского языка, репрезентирующих белый, черный и серый цвет.

Ключевые слова: *цветовосприятие, колороним, профессиональный язык, лингвоцветовая ассоциация.*

Особенности языкового общения в малых социальных группах в их профессиональном функционировании – интереснейшая проблема современного языковедения. Профессиональная деятельность взрослого индивидуума, как правило, позволяет ему достаточно полно реализовать себя. С течением времени у человека возникает особое видение окружающей действительности, формируется специфика профессионального общения.

Среди работ, посвященных профессиональным языковым особенностям, можно отметить труды по изучению речи юристов (Н. В. Шевченко, 1983, Г. В. Кубиц, 2005), медиков (В. М. Тобурокова, 1982), бизнесменов (Т. А. Милехина, 2000), ученых (Е. И. Голованова, 2010), политиков (Т. Б. Соколовская, 2002), государственных служащих (М. Н. Панова, 2004), телевизионных ведущих (Г. Н. Беспамятнова, 1994; М. А. Канчер, 2002), публицистов (М. А. Куроедова, 2005).

Одним из аспектов, исследование которых позволит составить более полное представление о языковой картине и речевом поведении человека в рабочей атмосфере малой социальной группы, является цветовосприятие и, как следствие, особенности цветоименования и использования цветowych лексем в языках профессиональной коммуникации, в частности, в языке медицинских работников. Особенности профессиональной речи медиков посвящено диссертационное исследование В. М. Тобуроковой «Устная речь медиков в официальной и неофициальной обстановке» [1]. В этой работе на конкретном речевом материале (записи реального делового и неофициального общения медиков) рассмотрено влияние различных параметров ситуации, темы, степени подготовленности и эмоциональной напряженности говорящих на выбор

речевых средств – лексических, морфологических, синтаксических.

В своей статье «К вопросу о специфичности цветообозначений в профессиональной речи» В. М. Тобурокова анализирует ассоциации, которые у людей разных профессий вызывают цветообозначения. Исследование проводилось на материале 14 цветowych наименований русского языка. Было замечено, что у медиков красный цвет часто ассоциировался с названием клеток крови – эритроцитов, фиолетовый – с лучом, белый – с чистотой [2].

Мы решили более подробно изучить особенности цветового восприятия и использования колоронимов у медицинских работников на материале 11 базовых цветоименований английского языка. В ходе нашего исследования в августе 2013 года был проведен опрос медицинских и социальных работников в штатах Иллинойс и Висконсин, США. Было опрошено 14 носителей английского языка, из них девять медицинских сестер и санитаров, два работника скорой помощи, один социальный работник, один дерматолог-косметолог и один терапевт-массажист. В ходе опроса участникам было предложено указать свои ассоциации с цветowymi оттенками, представленными базовыми колоронимами английского языка, которые были перечислены в следующем порядке: *white, black, grey, red, blue, green, yellow, pink, brown, purple, orange*. Опрос проводился на рабочем месте, и поэтому поощрялось указание профессионально-обусловленных ассоциаций.

При анкетировании учитывался возраст респондентов: в категории молодых специалистов от 18 до 30 лет было представлено два респондента, в категории от 30 до 50 лет – два респондента, большую часть опрошенных составили опытные медицинские работники в возрасте от 50 лет и старше, а двое участни-

ков уже вышли на пенсию, однако продолжают свою трудовую деятельность. Анализ ответов показал, что молодые специалисты в целом указали цветовые ассоциации, характерные для представителей различных профессий, в то время как ответы опытных специалистов – более развернутые и в них ярче проявились профессионально-обусловленные черты лингвоцветового восприятия. Интересно отметить, что двое из респондентов, вышедших на пенсию, так же как и молодые специалисты, дали более общие (усредненные) цветовые ассоциации.

Некоторые из опрошенных указали уровень своего образования. Большинство респондентов, предоставивших сведения об образовании, закончили колледжи с младшей научной степенью (Associate's) и бакалавриат (Bachelor's), а два респондента имели степень магистра (Master's). Однако, несмотря на различия в образовании, при анализе ответов не было отмечено существенной разницы в указанных ответах с точки зрения общих и профессионально-обусловленных лингвоцветовых ассоциаций. Это позволяет сделать вывод о том, что в сравнении с возрастом респондентов, данный фактор оказывает меньшее влияние на цветовое восприятие и использование цветовых наименований в речи.

В данной статье мы рассмотрим примеры ассоциаций к колоронимам white, black и grey. Белый цвет, представленный колоронимом white, чаще всего ассоциировался с чем-то чистым, незагрязненным (clean – 3, pure – 2 раза), что совпадает с ассоциациями, выявленными В. М. Тобуроковой; с бумагами, документами (sheet – 2, paper – 1), с медицинской униформой и медицинским работником (uniform – 4, nurse – 2). Кроме того, колороним white вызвал профессионально-обусловленные ассоциации с цветом кожи (pale – 1), стерильностью (sterile – 1), автомобилем скорой помощи (medcar – 1), лейкоцитами (white blood cells – 1) и культурно-обусловленные ассоциации с расой (Caucasian – 1) и Белым домом (white house – 1). Среди индивидуальных ассоциаций встречалось указание на перламутр (pearly – 1), невесту (bride – 1), черный цвет (black – 1) и что-то легкое, слабое (bland – 1). Можно также отметить общую ассоциацию с облаками (clouds), которая была указана в анкетах трех респондентов. Интересна такая ассоциация лексемы white, как человек с оружием (person with weapon – 1), что объясняется связью с одним из кодов опасности Code White («Белый код»), принятым в

медицинских учреждениях и объявляемым по громкой связи. Данный код обозначает вооруженное нападение или захват заложников.

Среди ассоциаций с колоронимом black, репрезентирующим черный цвет, самыми распространенными были: общая ассоциация – ночь и темнота (night – 3 раза, dark – 1), профессионально-обусловленная ассоциация – «Черный код» опасности, угроза взрыва бомбы (black code – 3, bomb threat – 1), профессионализм (profession – 1, professional – 1, business – 1). Отмечены также общие ассоциации с грязью (dirt – 2), плохой погодой (bad weather – 2), темным цветом кожи (tan – 1, ebony – 1), собакой (dog – 2), похоронами (funeral – 1), дымом (smoke – 1), одеждой и фасоном (dress – 1, slimming – 1), автомобилем (car – 1), настенной доской (black board – 1), белым цветом (white – 1). К отдельным профессионально-обусловленным ассоциациям можно отнести следующие: потеря сознания (black out/ pass out – 1), некроз (necrotic – 1), кал черного цвета (black stool – 1), операционная сестра или униформа (scrubs – 1) (как правило, они носят темную или черную униформу, которая также обозначается профессиональным жаргонизмом scrubs), отключение электричества (electric power black out – 1).

Колороним grey, репрезентирующий серый цвет, вызывал следующие ассоциации: общие ассоциации – дождь, дождевые облака, гроза (dark skies – 1, thunder clouds – 1, thunder storm – 1), что-то среднее (between – 1, not black or white – 1), седина (grey hair – 3 раза). Последнюю ассоциацию можно классифицировать как профессионально-обусловленную, поскольку она указывалась в анкетах социального работника и практикующих медсестер на пенсии. В анкетах встретились профессионально-обусловленные ассоциации: цвет мебели и стен учреждения (furniture – 1, walls – 1), «Серый код» (gray code – 2, disaster code – 1), обозначающий план действий в случае чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий. В одном из ответов респондент указал связь с «Серым кодом», однако неверное значение данного кода – «пациент с воинственным, агрессивным поведением» (combative person). В устной беседе с медицинскими работниками выяснилось, что ранее «цветных» кодов опасности, объявляемых по громкой связи, было немного и их легко было запомнить, однако со временем их число увеличилось до 12: code red – «пожар», code blue – «срочная реанимации взрослого/

ребенка», *code pink* – «похищение ребенка, потерявшийся ребенок», *code black* – «бомба», *code gray* – «план действий в случае бедствия», *code silver* – «потерявшийся, сбежавший пациент», *code orange* – «утечка опасного вещества», *code green* – «психический больной, агрессивный, воинственный пациент», *code brown* – «сложные погодные условия», *code yellow* – «сбой энергосистемы», *code white* – «вооруженное нападение или захват заложников», *code purple* – «срочная помощь в родильном отделении». При такой «палитре» кодов медицинский персонал испытывает трудности с их запоминанием.

Некоторые ассоциации с колоронимом *grey* были профессионально обусловлены, например, болезненный цвет кожи, свидетельствующий об угрозе смерти (*grey in color/near death* – 1), однако большинство были сугубо индивидуальными (*suit* – 1, *shoes* – 1, *dirty snow* – 1, *dark* – 1, *silver* – 1, *cat* – 1, *car* – 1, *clay* – 1, *concrete* – 1). Интересна профессионально- и культурно-обусловленная связь колоронима *grey* с анатомией человека (*anatomy TV* – 1), вызванная ассоциацией с американским сериалом «*Grey's Anatomy*» («Анатомия страсти»),

в центре сюжета которого жизнь и работа интернов, врачей и прочего персонала больницы. Ассоциация основана, по всей видимости, на омофонах, поскольку лексема *Grey* в названии сериала обозначает не цвет, а фамилию одного из центральных персонажей.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить определенные особенности цветового восприятия и использования цветовых наименований, которые обусловлены лингвокультурной принадлежностью респондентов, а также, что наиболее важно, их профессиональной деятельностью.

Список литературы

1. Тобурокова, В. М. Устная речь медиков в официальной и неофициальной обстановке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1982. 18 с.
2. Тобурокова, В. М. К вопросу о специфике цветообозначений в профессиональной речи // И. А. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность / под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 2000. С. 255 – 259.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 96–99.

А. Г.-Б. Салахова

3D МОДЕЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Статья посвящена анализу структуры конфессиональной языковой личности. Предложенная автором 3D модель позволяет на основе конструктивных измерений дать характеристику как индивидуальной, так и коллективной языковой личности.

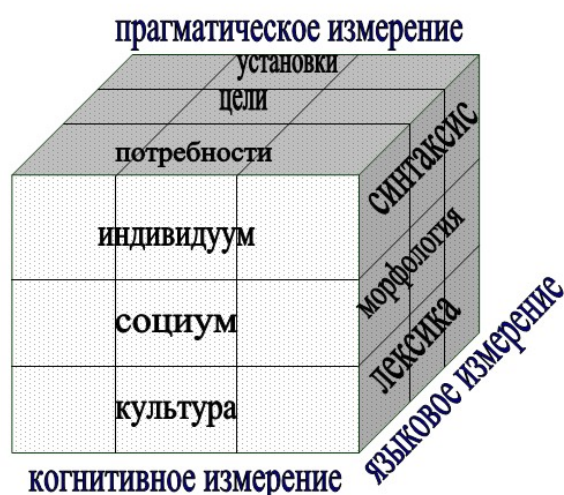
Ключевые слова: *конфессиональная языковая личность, профессиональный деятель, 3D модель, религиозная картина мира, дискурс.*

В центре исследований современной лингвоперсонологии находится языковая личность во всем многообразии ее коммуникативной деятельности с индивидуальными особенностями мировоззрения, мышления и социальных моделей поведения. В последнее десятилетие возрос интерес к исследованию профессио-

нального деятеля как носителя определенной культуры, как коммуницирующего субъекта в конкретной социальной среде, как пользователя определенного субъязыка. Так, ряд работ посвящен характеристике коллективной (модельной, по определению В. И. Карасика) профессиональной языковой личности,

владеющей профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующей стереотипам профессионального поведения (исследования Е. Н. Азначеевой, А. Б. Бушева, Е. И. Головановой, В. И. Карасика, М. В. Китайгородской). В процессе лингвокогнитивного моделирования профессионального деятеля происходит дальнейшая дифференциация объекта исследования, связанная с описанием этно- и социоспецифических характеристик языкового поведения определенной профессиональной языковой личности (Е. И. Голованова, Л. П. Крысин, Т. В. Кочеткова, К. Ф. Седов, И. А. Федорченко).

Моделирование языковой личности в современной лингвоперсонологии основывается на предложенной Ю. Н. Карауловым трехуровневой структуре, в которой он выделяет вербально-семантический, лингво-когнитивный (тезаурусный) и прагматический (или мотивационный) уровни [7. С. 5]. Переосмыслив данную структуру, мы предлагаем 3D модель конфессиональной языковой личности (см. рис.).



3D модель конфессиональной языковой личности

Модель представляет собой три измерения языковой личности, которые актуализируются в ее коммуникативной деятельности. Каждое из измерений состоит в свою очередь из уровней, определяющих языковую личность как носителя определенной лингвокультуры и как индивидуума во всем его речетворческом многообразии.

Когнитивное измерение языковой личности определяет его мировоззрение, способ мышления, языковую картину мира. Исследуя когнитивное измерение конфессиональной язы-

ковой личности, мы рассматриваем личность как индивидуума с его уникальной картиной мира, как представителя социального института Церкви, а также как члена культурного сообщества.

На индивидуальном уровне когнитивного измерения круг проблем лингвистического исследования определяется проблемами самоидентификации личности, ее самобытности, непохожести на других. На индивидуальном уровне возможно выявление ведущих концептов языковой личности, их иерархии в индивидуальной концептосфере. Данный уровень рассматривает языковую личность во всем многообразии ее социальных проявлений, не включая прототипическую сферу ее интеракции. Например, конфессиональная языковая личность может выступать как философ, писатель, друг, знакомый, покупатель и т. д. Именно на этом уровне когнитивного измерения языковая личность порождает тексты персонального (бытового и бытийного) дискурса [6. С. 290].

Социальный уровень когнитивного измерения определяет языковую личность как представителя социального института. В данном случае мы имеем дело с профессиональной языковой личностью. Конфессиональная языковая личность на социальном уровне характеризуется наличием своей, отличающейся от других картины мира. Религиозная картина мира основывается не на истине, как научная картина мира, а на вере – ключевом религиозном концепте. С одной стороны, религиозное мировоззрение отличает от научного его метафизичность, трансцендентность, сакральность. С другой стороны, наличие таких дисциплин, как теология, догматика, гомилетика, литургика, дает право на существование особого типа научной картины мира – религиозной научной картины мира. Сами эти дисциплины, изучаемые в христианских университетах и на теологических факультетах, относятся к циклу церковно-богословских наук (см. www.mpda.ru, www.pstgu.ru и др.). В основе данного типа научного знания лежит концепт «истина», но понимаемый с позиции канонического христианского знания, в неразрывной связи с концептами «вера» и «Бог».

Третий, культурный, уровень языковой личности представляет собой культурную идентификацию личности. На этом уровне языковая личность характеризуется как носитель определенной лингвокультуры. В круг исследовательских интересов на этом уровне включены про-

блемы культурной самоидентификации, когнитивного стиля [см. 13], национальной картины мира. На культурном уровне когнитивного измерения конфессиональная языковая личность актуализирует основные культурные концепты, логико-аргументативные схемы, культурно обусловленные стереотипы мышления.

Языковое измерение конфессиональной языковой личности включает три параметра исследования: лексику, морфологию и синтаксис. Это соответствует нулевому уровню в структуре языковой личности Ю. Н. Караулова. В языковом измерении конфессиональная языковая личность также рассматривается как индивидуальность с присущим ей активным и пассивным лексиконом, морфо-синтаксическими конструкциями, а также как типичный представитель общественного института Церкви с церковно-религиозной терминологией и как представитель лингвокультурного сообщества с особенностями языкового выражения в речевом действии. Например, священнослужитель как личность обладает определенным тезаурусом (англицизмы, сниженная лексика, жаргонизмы, термины из различных областей знания), как представитель церкви использует религиозную терминологию, архаичные формы (церковно-славянизмы), как носитель лингвокультуры продуцирует лексико-грамматическое богатство родного языка.

Третье измерение в структуре языковой личности – прагматическое, объединяющее в себе потребности личности в общении, ее коммуникативные цели и установки (морально-этические оценки). Данное измерение подразумевает характеристику прагматической направленности языковой личности, выявление мотивов социального взаимодействия, целей коммуникации, а также стратегического планирования коммуникативной деятельности. Так, например, исследуя коммуникативные потребности конфессиональной языковой личности, можно выделить потребность в самовыражении и соответствующие ей тексты автобиографии или размышления на какую-либо тему (политика, общество, медицина, наука и т. д.). При этом языковая личность может реализовываться как индивидуум (автобиография), как представитель социальной группы (размышления на тему эвтаназии), как член культурного общества (дискуссия по проблемам войны на Ближнем Востоке). В зависимости от потребностей можно выделить цели коммуникации конфессиональной языковой личности.

Конфессиональная языковая личность – это не только представитель Церкви, но и простой человек, обыватель. Поэтому в зависимости от типа дискурса он преследует различные цели в процессе интеракции. В религиозном дискурсе цели коммуникации определяются статусом языковой личности. Это и разъяснение верования, и утверждение в вере, и религиозное наставление. В политическом, педагогическом, медицинском, медийном или другом институциональном дискурсе конфессиональная языковая личность может преследовать иные цели и использовать разнообразные коммуникативные стратегии, меняющиеся в зависимости от социальной роли конфессиональной языковой личности в конкретной коммуникативной ситуации.

Третий параметр в прагматическом измерении понимается нами как способы воздействия на адресата коммуникативного процесса. На этом уровне в центре внимания исследователя находятся риторико-стилистические средства, используемые языковой личностью в зависимости от аудитории. Это могут быть манипулятивные приемы, суггестивные средства и способы эксплицитного речевого воздействия на слушателя.

Итак, конфессиональная языковая личность – это многомерная и многоуровневая функциональная система логико-лингвистических форм, структурирующих и детерминирующих внутреннюю и внешнюю деятельность индивида. Лингвистическая характеристика конфессиональной языковой личности основывается на ее структуре, которая включает в себя когнитивное, прагматическое и языковое измерения. Предложенная 3D модель конфессиональной языковой личности позволяет исследовать ее не только как представителя общественного института, но и как индивидуальность и как носителя определенной лингвокультуры.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 43 (181). С. 5–7.
2. Башкова, И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск, 2011. 472 с.
3. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика. Тверь, 2010. 265 с.

4. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте. Челябинск, 2013. 251 с.
5. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 24–32.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
7. Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. М., 1987. С. 3–8.
8. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет : фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. М., 1995. 128 с.
9. Кочеткова, Т. В. Русская языковая личность как объект изучения современной лингвистики // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / под ред. А. А. Ворожбитовой. Сочи, 2002. С. 95–100.
10. Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. М., 2001. Вып. 1. С. 90–106.
11. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 1999. 180 с.
12. Федорченко, И. А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 246 с.
13. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб., 2004. 384 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 99–102.*

М. В. Санатина

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ФУТБОЛЬНОГО КОММЕНТАТОРА

Статья посвящена исследованию средств репрезентации трех основных уровней профессиональной языковой личности футбольного комментатора. Представлены основные концепты и метафорические модели, функционирующие на этих уровнях.

Ключевые слова: *профессиональная языковая личность, концепт, метафорическая модель.*

Профессиональная коммуникация, языки профессионального общения привлекают внимание ученых как наиболее интересные и недостаточно изученные объекты научного познания. Благодаря антропоцентризму современной науки в центре исследования оказывается профессиональная языковая личность, представляющая собой идеальный и обобщенный портрет представителя определенной профессии, который владеет специальным языком, тезаурусом, а также следует стереотипам профессионального поведения [1. С. 5].

Начало изучению личности в языке было положено такими отечественными учеными, как В. В. Виноградов, В. П. Тимофеев, Г. И. Богин и др. [2. С. 186]. Ю. Н. Караулов определяет основные уровни языковой личности: вербаль-

но-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационно-прагматический [4. С. 42].

В данной статье мы попытаемся дать описание профессиональной языковой личности футбольного комментатора на материале записей футбольных матчей российских телеканалов.

Футбольный комментарий нацелен не только на информирование о ходе футбольного матча, но и на его анализ, что подразумевает реализацию языковой личности комментатора, его оценку спортивного события, формирование мнения зрителя и эмоциональное воздействие на аудиторию.

Вербально-семантический уровень языковой личности включает в себя слова, грамматические, парадигматические, семантико-син-

таксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений [4. С. 42]. Сочетание информационной, аналитической и воздействующей функций футбольного комментария обуславливает особенности речи комментатора, выбор им языковых и стилистических средств.

Для речи футбольных комментаторов характерны клишированность, динамизм, эмоциональность, образность, терминологичность, метафоричность. Для реализации чисто информационной функции футбольные комментаторы часто используют однотипные, регулярно воспроизводимые не только вовремя разных игр, но и в течение одного матча клишированные обороты: *Голкипер на месте; Вратарь на месте; Ладыгин на месте.*

Динамизм повествования достигается использованием коротких предложений (одно-два слова) описывающих действия игроков (передачи, движение мяча по полю): *Передача на...; Вне игры.* Возможность просмотра игр по телевидению или в сети Интернет устранила необходимость в подробном описании событий, поэтому на первое место выдвигаются анализ и воздействие на зрителя.

Аналитичность является неотъемлемой характеристикой комментария, поскольку автор не только описывает события, но и дает оценку действиям игроков, решениям тренеров, судей, поведению болельщиков: *Щедр судья сегодня на красные карточки; Гус Хиддинг хитро вглядывается в даль, что-то задумал голландец; Первый срыв российских игроков в неаккуратный футбол.*

Нередко во время затишья в активных действиях на поле, вынужденных пауз автор может давать подробные комментарии, в которых содержится информация о предыдущих соревнованиях, подготовке спортсменов, специфике мероприятия.

Эмоционально окрашенный стиль речи придает комментариям дополнительную убедительность и привлекает внимание аудитории. Комментатор реализует функцию воздействия при помощи экспрессивных, образных языковых средств. Перечислим основные из них.

Метафоры и сравнения: *Что за сейф! (о вратаре); Завернул мяч как самокрутку для дробаго товарища.*

Каламбуры: *Боролся, положила руку на плечо (в прямом смысле); Тот самый важный, тот самый неотразимый мяч!*

Сниженный стиль: *Не нужно нервировать арбитра; Ниче подобного, он вышел в стартовом составе; Спизжонил игрок «Барселоны».*

Эпитеты: *Хотелось бы чего-то пряного...*

Гипербола: *Там и вратарю и нападающему под двести лет!*

В выборе стилистических средств футбольные комментаторы не ограничивают себя. Пользуясь различными речевыми жанрами, употребляют лексику различных стилистических регистров: от книжной и возвышенной до сниженной, грубой и инвективной.

Абсолютная компетентность футбольного комментатора отражается в свободном владении спортивным подязыком, в том числе спортивным жаргоном, сленгом и узкоспециальной футбольной терминологией. Футбольные комментаторы активно пользуются не только исконно русскими терминами, но и их англоязычными синонимами: *вратарь – голкипер, передача – пас, одиннадцатиметровый – пенальти.* Некоторые комментаторы употребляют термины, не совсем понятные неподготовленному зрителю, тем самым демонстрируя ориентацию на аудиторию с соответствующей пресуппозицией: *велосипед, вингер.* Комментаторы показывают не только отличное знание терминологии, но и знакомство с историей игры, биографиями тренеров, игроков, судей и проч.

Лингвокогнитивный (тезаурусный) уровень отражает картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей для людей, говорящих на одном языке [3. С. 78]. На данном уровне профессиональной языковой личности футбольного комментатора можно выделить ряд особенностей профессионального образа мира. Так, центральную часть концептосферы занимает концепт «футбол». Концептуальные сферы, которые вступают друг с другом в метафорические отношения, образуют концептуальные метафорические модели [1. С. 7].

Применительно к концепту «футбол» мы выделили три доминантные метафорические модели: «футбол – война (борьба)», «футбол – работа» и «футбол – искусство».

В метафорической модели «футбол – война (борьба)» активно используется военная лексика при описании хода игры, действий и поведения игроков, позиций игроков на поле и т. д.: *Новая атака через правый фланг; Активно наступают игроки ЦСКА; Слабые места в построении испанцев; В этой дуэли против Акинфеева, Сергей Петров подавляет со-*

перника; Севилья могла сложить там голову; Окопались в обороне; Выстроились свиньей; Эшелон атаки.

В речи спортивных комментаторов отчетливо выделяется также метафорическая модель «футбол – это работа». Здесь используется лексика, характеризующая игроков как трудолюбивых или, наоборот, ленивых работников: *Играл спустя рукава; Не покладая ног; Пешком не спеша идет; Прыгнул так, большие для порядку; Они просто могли бы курить в сторонке.*

Метафорическая модель «футбол – искусство» выражается в сравнении футбола с различными видами искусства, матчей – со спектаклями, пьесами, игроками и тренерами – с актерами и режиссерами, футбольное поле – со сценой, холстом и т. д. В отличие от военной метафоры, здесь на первый план выдвигается эстетическая оценка события.

Наиболее часто футбол сравнивают с театром. Ход игры может быть выражен в форме театрального действия, сценария, игроки представлены актерами, тренер – режиссером, а поле – сценой: *...что осталось за кулисами повтора; Любая его роль остается эпизодической; Зрители стали участниками футбольного представления; Спектакль Андрея Аршавина; Сценарий финала...; Игра прекрасно срежиссирована.*

Можно наблюдать также использование музыкальной, художественной, танцевальной и литературной метафор: *Прелюдия к матчу; Увертюра к настоящей игре; Он сегодня – первая скрипка в оркестре; Испанская сборная исполнила зажигательный танец; Это был победный штрих; Вся палитра действий; Автор мяча; Автор забитого гола; Он в центре всех композиций.*

Несмотря на то что центральным концептом в спортивных комментариях является концепт «футбол», можно выделить еще несколько важных концептов, например, концепт «команда». Здесь используются следующие метафорические модели:

«команда – это механизм»: *винтик механизма; моторчик; немецкая машина; есть дистанция – люфт; нагрузка на растяг и на сжатие – и пружинка сжимается; тише, тише, 5-й класс;*

«команда – это организм»: *рождение новой сборной; команду лихорадит; их довели до обморока;*

«команда – это социальная группа (семья, класс)»: *Футбольная семья; Его школа, Вожак*

сборной; В глазах Фабио Капелла видна отеческая, но все же суровость; тренер с молодых ногтей их учил.

Мотивационно-прагматический уровень языковой личности включает устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порождаемые целями и мотивами [4. С. 43]. На данном уровне выражается ценностное отношение комментатора к футболу, его специфические представления о морально-нравственной стороне футбольного состязания, его базовых характеристиках, об основополагающих ценностях спортивной деятельности в целом.

Важнейшими и определяющими концептами этого уровня профессиональной языковой личности футбольного комментатора являются концепты «патриотизм», «победа» / «поражение», а также концептуальная оппозиция «свой» / «чужие». Вербализация концептов «патриотизм» и «победа» / «поражение» осуществляется при помощи оценочных суждений [5. С. 3] типа: *Победа – высшее проявление патриотизма, Победа необходима всей стране, Сборная ответственна перед всей страной.*

Футбольный комментатор не может оставаться эмоционально и морально отстраненным, поэтому концептуальная оппозиция «свой» / «чужие» на вербальном уровне выражается в использовании эмоционально окрашенной, возвышенной или сниженной лексики, лексики с положительной или отрицательной коннотацией. Приведем примеры оценочных суждений: *Наши игроки были на голову выше соперника; Это была заслуженная победа!; Это была красивая игра! (в случае победы); Наши постарались, но им не повезло, их засудили; Нам просто не повезло!; Нам не хватило сил, средств (при поражении).*

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно представить исчерпывающее описание профессиональной языковой личности футбольного комментатора. Выявленные нами характеристики демонстрируют многоаспектный, динамичный характер данной личности и будут служить основой для ее дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Азначеева, Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 43 (181). С. 5–9.

2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
3. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. Волгоград, 2007. С. 78–86.

4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 257 с.
5. Малышева, Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск, 2011. 324 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 102–104.

Н. Н. Санна

ЭВФЕМИЗМЫ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ В ЯЗЫКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УБИЙЦ

Рассматривается язык профессиональных убийц, приводится ряд характерных примеров. Утверждается, что эвфемизация речи является специфической особенностью указанного языка.

Ключевые слова: *эвфемизмы, профессиональный язык, убийство, когнитивный диссонанс.*

Профессиональными убийцами мы будем называть тех, кто в своей профессиональной деятельности совершает убийства лично или принуждает к убийству других людей – постоянно или иногда, время от времени. К этой группе следует, пожалуй, отнести и тех людей, которые регулярно совершают убийства на религиозной почве, как, например, члены сект тугов, действовавших в Индии на протяжении семи столетий [9. С. 92]), или по другим мотивам [1].

Выделенная нами по указанному признаку («отношение к убийству») группа людей состоит из ряда социальных групп, члены которых существенно отличаются от представителей других групп по социальным характеристикам и языку коммуникации с себе подобными, то есть своим особым – профессиональным языком. Под профессиональным языком имеем в виду совокупность всех языковых средств, которыми пользуются в профессионально ограниченной сфере коммуникации с целью обеспечения взаимопонимания между людьми.

Характерно, что в разных социальных группах профессиональных убийц язык общения между ними, применяемая терминология, могут заметно различаться, что объясняется несовпадением места, времени, причин и характера совершения убийств. Так, в Калькутте в 1836 году были изданы словарь и грамматика языка тугов, в словарях уголовного жаргона немало терминов, связанных с убийствами [4],

а поэт М. Волошин в стихотворении «Терминология» приводит группу особых терминов из языка крымских чекистов времен гражданской войны:

*«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» –
Так изменялись из года в год
Быта и речи оттенки.
«Хлопнуть», «угробить», «отправить
на шлепку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» –
Проце и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.
Правду выпытывали из-под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
«Шли погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей».
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы [3. С. 12].*

Обычно считается, что создание языка преступников как системы слов и выражений призвано идентифицировать участников этого общества и имеет целью затруднить понимание их общения со стороны непосвященных. Мы полагаем, что специфической особенностью языка профессиональных убийц является эвфемизация речи. Цель статьи – раскрыть эту особенность и предложить авторское объяснение данному явлению.

В общем случае эвфемизмом (с греч. – «благоречие») называют нейтральное по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слово или описательное выражение, обычно используемое в частных разговорах, публичных высказываниях и текстах для замены других, считающихся неуместными слов и выражений. Применительно к предмету нашего исследования табуизированный термин *убийство* обычно обозначается словом с меньшей отрицательной «нагрузкой».

Так, уголовники убийство называют *мокрухой* – от *замочить* «пролить кровь, порезать, ранить». Позже связь именно с «пролитием крови» потерялась, так что *мокруха* – любое убийство. Иногда для обозначения убийства говорят *к ногтю*, а убийство за измену сообщникам имеет особое название – *крантик*. При этом само действие – совершить убийство – называют *уделать, убрать, точить, грохнуть, завалить* (застрелить кого-либо), *запороть* (зарезать ножом человека), *грохнуть* (задушить, убить человека) и т. д. Примечательно, что на языке спецслужб убийство, выполненное столь искусно, что смерть казалась наступившей или от болезни или несчастного случая, называлась *корь*.

Некоторые особенности профессионального языка убийц советских спецслужб времен гражданской войны мы показали выше стихотворением Максимилиана Волошина. С. П. Мельгунов дополняет этот перечень следующими замечаниями: «...упрощенно-циничной становится вся вообще терминология смерти: «пустить в расход», «разменять» (Одесса), «идите искать отца в Могилевскую губернию», «отправить в штаб Духонина», «сыграл на гитаре» (Москва), «больше 38 я не мог запечатать» то есть собственноручно расстрелять (Екатеринослав), или еще грубее: «нацокал» (Одесса), «отправить на Машук – фиалки нюхать» (Пятигорск) [7. С. 146]. Порою терминология убийц опускалась до прямого издевательства над их жертвами. Так, например, политзаключенных, которых чекисты вывозили на баржах и топили в Керченском проливе, они называли *десант на Кубань*, в память неудавшегося Улагаевского десанта белых [7. С. 66].

Убийства, совершаемые в рамках государственной системы, зачастую эвфемически обозначаются в виде канцеляризмов: *высшая мера наказания или ВМ, 10 лет без права переписки* и т. п. В 1941 году, когда не было возможности эвакуировать всех заключенных при наступлении немецких войск, в тюрьмах в первую

очередь расстреливали политзаключенных – в отчетах это называли: *убыло по 1-й категории* [5. С. 19]. В качестве примера этой разновидности языка убийц рассмотрим отрывок из стенограммы Пленума ЦК КП(б) 1937 года, приведенный журналистом Э. Поляновским:

«Конторин. *Архангельская обл. Враги не дремлют. Последняя работа по указанию ЦК – это показательные процессы, а затем выкорчевывание и уничтожение врагов народа. В Архангельской области много всякой сволочи. Мы вскрыли дополнительно 10 контрреволюционных организаций. Мы просим и будем просить ЦК увеличить нам лимит по первой категории в порядке подготовки к выборам. У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов.*

Голос с места. *Везде не мешает нажать.*

Конторин. *Мы подсчитали: человек на 400-500 не мешало бы нам лимит получить. Это помогло бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет»* [8].

Речь на совещании идет об убийстве многих людей. Однако уровень нарушения социального установления – запрета убийства человека – снижается и как бы оправдывается тем, что тех, кого собираются убить, докладчик характеризует крайне негативно, используя устойчивые словосочетания: *враги народа, всякая сволочь, эти гады*. Убийство тоже не называется убийством, а *уничтожением врагов народа* или [осуждением] *по первой категории*. Причем эвфемизм *увеличить лимит по первой категории* участниками пленума ЦК понимается однозначно: получение разрешения на убийство еще большего количества людей.

Анализ приведенных примеров в их совокупности позволяет сделать следующие суждения. Социальный запрет на убийство, по крайней мере в рамках одного сообщества, возник еще в глубокой древности и представлен в культуре в виде табу. При использовании в течение длительного времени табу приобретают, даже вне их религиозного или мифического контекста, характер устойчивых психологических установок и превращаются в стереотипы поведения. Исходя из того, что табу (общественные запреты), как и психологические установки, выражаются исключительно в вербальной форме, следует полагать, что одним из возможных социально-психологических механизмов снижения значимости табу может быть создание вербальной конструкции, ведущей к установке на снижение обязательности запрета

или отказе от него. Обычно социализированная, то есть интегрированная в общественную жизнь личность свое нарушение табу (общественного запрета) переживает как определенное психологическое напряжение – диссонанс, такое психологически дискомфортное побудительное состояние, от которого личность стремится избавиться или снизить его, изменив одну или несколько когний [2. С. 116]. Когнитивный диссонанс возникает в тех случаях, когда между когниями (убеждениями, установками или знаниями о своем поведении) имеются противоречия: «согласно теории когнитивного диссонанса, мы чувствуем напряжение (диссонанс), когда две мысли или два убеждения (когнии) психологически не совместимы» [6. С. 273].

В тех случаях, когда личность не может (или не хочет) изменить свое поведение, то для уменьшения психологического диссонанса происходит смещение внутреннего эталона – личность изменяет первоначальную установку, адаптируясь к изменявшимся социальным и психологическим условиям среды. В повседневности коррекция ментального отображения изменяющейся социально-психологической среды и коррекция установок зачастую происходит с опорой на устойчивые словосочетания, которые, как мы полагаем, и являются структурными элементами измененной ментальности. Здесь, как было показано примерами, приведенными выше, используются фразеологические единицы, представленные в виде эвфемизмов. Снижение диссонанса между по-

ведением и первоначальной установкой достигается обычно тем, что в широком ряде случаев обозначение действия – «убийство» подменяется иным, более мягким и расплывчатым: *физическое устранение, высшая мера, отправить в штаб Духонина, поставить к стенке, пустить в расход*.

Список литературы

1. Богданов, К. А. Каннибализм: История одного табу // Пограничное сознание (Альманах «Канун»). Вып. 5. СПб., 1999. С. 198–233.
2. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. СПб., 1999. 528 с.
3. Волошин, М. Стихи о терроре. Берлин, 1923. 70 с.
4. Грачев, М. Словарь уголовного жаргона / М. Грачев, А. Гуров, В. Рябинин. СПб., 1991. 324 с.
5. Гурьянов, А. Эвакуация тюрем / А. Гурьянов, А. Кокурин // Карта. Независимый ист. журн. 1994. № 6. С. 16–27.
6. Майерс, Д. Социальная психология. СПб., 1998. 684 с.
7. Мельгунов, С. П. Красный террор в России. М., 1990. 210 с.
8. Поляновский, Э. Пескарев: он восстал против сталинского террора на пленуме ЦК // Известия. 2001. 8 февр. С. 9.
9. Токарев, М. Тайные общества смерти: очерки истории террористических организаций. М., 2005. 381 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 104–107.

А. В. Таскаева

«ГЕРОЙ ТРУДА» В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается уникальный концепт русской ментальности «герой труда». Выявляются языковые средства его репрезентации в современном политическом и медиадискурсах.

Ключевые слова: *концепт, герой труда, публицистический дискурс, интернет-форум.*

Цель данного исследования – выявить языковые средства репрезентации концепта «герой труда» в сознании носителей русской

культуры на материале современного политического и медиадискурса (включая публичное пространство Интернета). Актуальность иссле-

дования обусловлена недавним возрождением звания «Герой Труда» Указом Президента РФ от 29 марта 2013 года, что вызвало в обществе широкий резонанс и неоднозначные оценки.

Материалом для исследования послужили тексты статей в известных российских изданиях: «Российская газета» [2], «РИА новости» [3], «Business FM» [4], «Вести.RU» [5], «Kremlin.ru» [6], а также контент интернет-форумов «Би-би-си» [7] и «Эхо Москвы» [8]. Методы исследования – сплошная выборка и контент-анализ, предполагающий интерпретацию и оценку информации, содержащейся в указанных источниках. Особо подчеркнем, что выбор форумов обусловлен наибольшим количеством пользователей, участвующих в обсуждении данной темы. Широкого обсуждения рассматриваемой тематики на официальных правительственных сайтах нами не обнаружено.

Анализируя публицистический дискурс, посвященный данной тематике, можно сделать вывод, что представленный в концептуальной системе русского человека концепт «герой труда» объективируется такими номинациями, как «советское время», «стахановец», «стахановское движение» «советская пропаганда». Автор статьи, опубликованной агентством «РИА-новости», отмечает, что «сегодня само понятие «стахановское движение» воспринимается как типичное проявление и воплощение советской показухи». Однако при этом в материале упоминаются реальные заслуги Стаханова и советских людей, которые «были искренне воодушевлены идеей строительства нового мира, новой страны». Журналист «Российской газеты» пишет о том, что «в понятия «герой социалистического труда», «стахановец» наше время щедро добавило иронии, но эта насмешка относится скорее не к самим трудящимся, а к той безудержной пропаганде, которая окружала их трудовые достижения».

В группе прецедентных имен, входящих в поле вербализаторов концепта «герой труда», можно выделить и такие, как Сахаров (в связи с тем, что академик и трижды Герой Социалистического Труда А. Д. Сахаров был лишен этого звания за антисоветскую деятельность, но впоследствии отказался от возвращения ему данных наград), Сталин (так как первое звание Героя Социалистического Труда было присвоено именно ему), Брежнев (как представитель советской номенклатуры среди тех, кто был одновременно Героем Социалистического Труда и Героем Советского Союза, к тому же

больше всего золотых медалей «Серп и Молот» выдали в брежневскую эпоху).

В публицистическом дискурсе, так же как и на площадке интернет-форумов, утверждение нового звания воспринимается как возвращение к советскому прошлому. Так, «Business FM» публикует мнение художественного руководителя театра «Ленком» М. Захарова, который усматривает риск для жизни, героизм и мужество в подвигах, совершаемых в военной сфере, в сфере вооруженных сил, но не в труде: «Есть миллионы людей, которые хорошо работают». В том же издании приводится мнение тележурналиста Н. Сванидзе о том, что звание «Герой труда СССР» – это «совершенно искусственные штучки», появление которых привело к тому, что «герои стали появляться еще более фальшивые». В «Российской газете» находим следующие оценочные номинации: «кусочек советской власти в виде ордена “Герой Труда”» (Н. Сванидзе), «стандартный советский ход», «все советские прибалтасы» (В. Шендерович).

Во второй части исследования нами было проанализировано более 500 сообщений на форумах радиостанций «Би-би-си» и «Эхо Москвы». Участники форумов находятся в возрастной группе от 25 до 44 лет и как активные пользователи Интернета составляют от 43% до 52% совершеннолетних жителей страны. Подавляющее большинство участников форума высказали резко негативную оценку по поводу учреждения звания «Герой Труда», для них присвоение звания и вручение медали противопоставлено реальной оценке труда, выраженной в заработной плате. Приведем несколько наиболее характерных и экспрессивных высказываний:

– «Возвращение звания «Герой Труда» – это признание того, что в России нет рыночной экономики. А есть централизованное распределение».

– «Возвращаемся на круги своя. Вместо нормальной зарплаты опять начнем грамотами получать».

– «Наилучшим вознаграждением герою труда будет не медаль с бюстом, а геройская зарплата».

– «Труд должен быть оплачен в полном объеме, а все остальное – от лукавого».

– «Как в СССР – вешали всевозможные побрякушки, взамен достойной зарплаты».

– «Самая высокая награда за доблестный труд – высокая зарплата, ну как у депутата госдумы, например».

– «Плати нормально и человек всегда будет нормально работать».

– «Желание возродить уважение к людям труда» должно выражаться в достойных оплате за труд и пенсии, да в соблюдении гражданских прав трудящегося».

– «Вперед в прошлое!».

Отдельная группа участников форума не одобряет сам принцип возвращения к нематериальному стимулированию труда, практиковавшемуся в советские времена. Приведем несколько цитат:

– «Печально известные типовые приемы времен «развитого социализма».

– «Ярлыки социализма, наклеенные на жесточайший капитализм».

– «Советские примочки».

– «Я не против человека труда, однако, такая форма мне неприемлема».

– «Очередная непродуманная акция правящей элиты».

– «Это как звание «заслуженного артиста» или «народного артиста» и т. п. Как правильно говорила Галина Вишневская, что должно быть не какое-то искусственное звание, а должно быть ИМЯ...»

Кроме того, участники форумов высказывают опасения, что героями будут становиться чиновники и олигархи, оглядываясь на опыт прежних времен, когда звание вручалось представителям советской номенклатуры:

– «Теперь первыми героями труда будут депутаты госдумы. Почетные носители трудовых мозолей и обладатели недвижимости за рубежом. Вторыми героями труда станут олигархи. Слава героям капиталистического труда!»

– «Все с оффшорными счетами дворцами, яхтами».

– «Депутаты из думы, которые разводятся со своими женами, лишь бы бабло сохранить».

– «Герои – мошенники».

– «Сейчас в России трудящихся понастоящему все меньше и меньше, большинство «купи-продай» занимается. И как мне думается, награждать будут именно последних, и еще, кто-то эти звания будет покупать, кто-то продавать. В общем, сплошная торговля».

Немногочисленная группа участников форума высказывается положительно и видит в утверждении звания возвращение духовных ценностей и возрождение патриотизма. Вот несколько примеров:

– «Россия находится на первых местах в мире по выращиванию многих зерновых куль-

тур: пшеница, ячмень, рожь и прочее. Следовательно, люди, занимающиеся этим делом, достойны награды «Герой Труда РФ».

– «Герой Труда, Герой Советского Союза – это антипод таким «героям», как бандит, банкир, олигарх, проститутка, продажный чиновник, проходимец».

– «Давно пора вернуться к духовным ценностям Советского Союза: уважению к человеку труда, к рабочему, ученому, врачу, педагогу, к военному, к патриоту».

– «Всем видам труда необходимо признание и уважение общества».

В национальном патриотическом дискурсе высказывается еще более явная положительная оценка данного события. Так, Президент Российской Федерации говорит о восстановлении звания «Герой Труда» как «еще одном шаге к восстановлению преемственности традиций, прочной связи времен и поколений». В Общероссийском народном фронте цель нового высокого звания видят в возвращении престижа рабочим профессиям, восстановлении социальной справедливости и гордости за человека труда.

Представим концепт «герой труда» как полевое образование. Его ядро составляют концептуальные признаки «высшая степень отличия за особые трудовые заслуги», «государственная награда страны», «знак высокой оценки заслуг», «звание», «награда», «медаль». Вместе с тем в языке определенной части современного российского общества эти же признаки получают вторичную, негативно окрашенную репрезентацию в лексемах *медалька, побрякушки, всякие звания, значок, звездочка, цацки, бирюльки* др.

Ближнюю периферию концепта вербализуют, с одной стороны, такие наименования, как *советское время, стахановец, стахановское движение, советская пропаганда*. Другую точку зрения репрезентируют эмоционально окрашенные лексемы и выражения типа *«совок», «вперед в прошлое», «назад в СССР», «советская показуха», «безудержная пропаганда»* и др. К дальней периферии рассматриваемого концепта можно отнести содержание, представленное в нейтральных и оценочных наименованиях лиц по роду деятельности *трудолюбивый, рабочий, ученый, врач, педагог, военный, интеллигенция, элита* и др. Наряду с этим выделяются отрицательно заряженные лексемы-вербализаторы *олигарх, мошенник, купи-продай*. К выражению крайней периферии концеп-

та можно отнести прецедентные имена *Сахаров, Сталин, Брежнев*.

Таким образом, концепт «герой труда» в коллективном языковом сознании русского человека неразрывно связан с историческим опытом народа и его оценкой. Переосмысление и переоценка ценностей советского времени привела к тому, что часть общества стала воспринимать стоящие за именем концепта смыслы либо негативно, либо иронически. Исследование выявило расхождения между официальным и разделяемым большинством людей пониманием, с одной стороны, и интерпретацией данного концепта либеральной частью современного общества, ориентированной на западные ценности («материальный успех», «деньги» и проч.).

Концепт «герой труда» обладает высокой национально-культурной значимостью, ведь это уникальное понятие русской лингвоментальности. Перевод имени концепта на иностранный язык невозможен без приведения со-

циокультурной и исторической справки. Вместе с тем лингвокультурное осмысление концепта «герой труда» в коллективном сознании советской эпохи отличается от эклектичного сознания современного носителя языка. Перспективу исследования мы видим в изучении трансформации рассматриваемого концепта в различных социальных стратах современной России и в анализе функционирования вербализаторов концепта в речи людей старшего поколения.

Список литературы

1. <http://www.rg.ru/>
2. <http://ria.ru/>
3. <http://radio.bfm.ru/>
4. <http://www.vesti.ru/>
5. <http://www.kremlin.ru/>
6. <http://www.bbc.co.uk/>
7. <http://www.echo.msk.ru/>

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 107–109.

А. А. Упоров

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются слова и устойчивые конструкции, положительно оценивающие уровень профессионализма человека. Привлекается обширный иллюстративный материал из сети Интернет, публицистических и художественных текстов.

Ключевые слова: семантика, лексикология, устойчивые выражения, оценка.

Семантическая разработанность оценочных языковых средств, выражающих отклонение от нормы, неоднократно привлекала внимание исследователей. К числу широко представленных языковых средств относится лексика, характеризующая исключительного человека (*гений, самородок, талант, дарование* и др.). Сферы проявления исключительности, отраженные в языке, разнообразны: это исключительность человека, данная ему от рождения (*голубая кровь, особый ребенок*), исключительность его интеллектуальных способностей (*голова, умница* и др.), социальная исключительность, связанная с мастерством человека, его

профессиональными качествами, достижениями в той или иной сфере (*профессионал, мастер на все руки* и др.).

Слово *профессионализм* в основном значении определяется как «хорошее владение своей профессией» [4. С. 615] и является характеристикой человека, именуемого *профессионалом*. Само это слово в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой противопоставляется *любителю*: «профессионал – человек, который (в отличие от любителя) занимается каким-нибудь делом как специалист, владеющий профессией» [Там же]. Человеку, обладающему высокой степенью профессио-

нализма, в русском языке противостоит работающий небрежно, наспех и недобросовестно *халтурщик*.

Широкие синонимические возможности номинации настоящего профессионала можно выявить, проанализировав, например, данные, представленные в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под редакцией Л. Г. Бабенко [6]. Согласно данным этого лексикографического источника, настоящий профессионал, чья работа связана с умственным трудом, характеризуется словами из синонимического ряда денотативной группы «Интеллектуальная оценка»: *знаток, специалист, ценитель, эксперт*, разг. шутл. *спец*, разг.-сниж. *дока*, разг.-сниж. *мастак*. Профессионала из творческой сферы деятельности назовут словом из ряда *виртуоз, артист, мастер, маэстро*.

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [5] представлены два ряда с заголовочной единицей «мастер»: *мастер, искусник, художник, артист, виртуоз* и *мастер, мастак, специалист, спец*. Синонимы из первого ряда употребляются для оценки профессиональных качеств человека, а из второго – для обиходно-разговорного обозначения очень ловкого в каких-либо делах человека. В словарной статье отмечаются семантические оттенки значений синонимов – особо подчеркивается, что *художником, артистом* и *виртуозом* называют человека, который с величайшим мастерством, артистически выполняет какую-либо работу, не связанную непосредственно с искусством, с художественной деятельностью, при этом *виртуоз* владеет техникой своего дела блестяще, то есть это слово предполагает самую высокую степень положительной оценки профессионализма.

В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко [1] зафиксированы также такие единицы: *собака* (разг. ‘о человеке знающем, ловком, искусном в каком-либо деле’) и *передовик* (‘человек, который опережает других в работе, добивается наилучших результатов’).

Кроме слов, отмеченных словарями, применительно к знатоку своего дела в разговорной речи могут употребляться слова *профессор, авторитет, гуру, ас*. Например: «Спроси у Михаила, он настоящий **профессор** в том, что касается рыбалки» (инт.) или «Роберт Кийосаки – настоящий **гуру** в мире бизнеса и финансового коучинга» (газ.).

Из приведенных выше примеров следует, что слово, обозначающее профессиональную компетентность, требует дополнения в предложном падеже (*гуру* (в чем?), *авторитет* (в чем?), *профессор* (в чем?) и т. д.) и определения «настоящий», «истинный» и т. п., что говорит о фразеологизованности такой конструкции.

Для перечисленных существительных характерно развитие семантики по пути расширения значения. Скажем, слово *ас* в основном значении – «выдающийся по летному и боевому мастерству летчик», а в переносном – «большой мастер, отличный специалист». Ср.: «Однажды он <...> сообщил, что тот был первый русский летчик, сбивший в одном бою три самолета, в том числе самолет знаменитого **аса** графа фон Шверина» (Ю. Трифонов); «Антри-Клод Метц был **асом** политического интервью» (газ.). В первом примере актуализировано прямое значение, а во втором – переносное.

Некоторые слова из перечисленных выше употребляются в составе фразеологических единиц: *артист/виртуоз своего дела* (в своем деле), *мастер своего дела*, даже – окказионально – *профессор своего дела, мастер* (или – *мастак*) *на все руки* и т. п. Например, «Как и положено негодяю, он был **мастак на все руки**, и жизнь ему улыбалась даже здесь – на распрямленном Мурмане» (В. Пикуль).

Употребление фразеологизма *артист своего дела* по отношению к собственно артистам, конечно же, нельзя назвать стилистически и логически безупречным: «Прекрасный **артист своего дела!** Успехов и здоровья ему в жизни, чтобы еще долго радовал своим актерским творчеством всех нас!» (инт., об Олеге Басилашвили). Более уместно такое употребление, в котором метафора раскрывается в полной мере: «Учитель – это **артист своего дела**» (газ.).

Интересно, что носители языка ощущают семантические различия между фразеологизмами: «Мой дед, Ефим Андреевич, был человеком до самозабвения любившим свой труд и относился к нему, как вдохновенный художник. Он был не **мастером**, а подлинным **артистом своего дела**» (газ.). С помощью фразеологизма «*артист своего дела*» в отличие от «*мастера своего дела*» подчеркивается творческое начало, присущее объекту похвалы. См. также: «Терию ведет мастер, я даже сказал бы **профессор своего дела** Анатолий Гаврилович» (газ.).

Оценка профессиональных качеств человека выражается в языке при помощи прилагательных: *хороший преподаватель, отличный адвокат, превосходный художник, великолепный лектор, блестящий ученый* и т. д., семантика которых предполагает предельный уровень субъективности и пристрастности. Как и любой другой тип оценки, оценка человека по профессии и роду занятий носит, используя выражение И. С. Куликовой и Д. В. Салминой, рассматривающих оценочные прилагательные в энциклопедических словарях, «рейтинговый» характер: «такой-то гениальный, а такой-то просто известный, другой знаменит, а кто-то славен и велик» [3. С. 144].

Перечисленные выше оценочные прилагательные способны сочетаться со словами, называющими человека и физического, и интеллектуального труда. Однако суперлативные формы, а также прилагательные, выражающие интенсивность оценочного признака, чаще используются в контекстах с существительными, называющими человека интеллектуального труда, точнее – людей творческих профессий. Именно этот компонент – «творческий характер деятельности», обнаруживаемый в разных областях социальной жизни человека, важен и для существительных, характеризующих человека как профессионала.

Другой аспект профессиональных качеств человека отражается в словах, отмеченных О. П. Ермаковой в составе городского лексикона 1930–1940-х годов (*стахановец, ударник и герой труда*) [2]. Так, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой указывается, что стахановец – «рабочий, добившийся высокой производительности труда», что предполагает перевыполнение нормы, активное овладение техникой и соблюдение производственной дисциплины (базовое противопоставление – *вредитель, неосознательный*). Таким образом, во время индустриализации в СССР при оценке профессиональных качеств человека на первый план выходили количественные показатели, а не качественные. После распада СССР перечисленные лексемы, которые, несомненно, отно-

сятся к числу идеологически маркированных, сменили коннотацию и стали употребляться преимущественно в ироническом контексте: «*Я надеюсь, что все -таки один выходной Бенедикту дадут – он и так пашет как стахановец в страдную пору*» (инт., о папе римском).

Итак, существительные, обозначающие оценку человека по профессиональным качествам и отношению к работе, представляют собой значительный класс русской лексики. Наибольшей степенью семантической разработанности отличается лексика, подчеркивающая креативную составляющую профессионализма. Экстенсивный труд («*трудовые подвиги*») в современном идеологическом и экономическом контексте оценивается преимущественно иронически.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русских существительных. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.
2. Ермакова, О. П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века : крат. толков. слов. ушедших и уходящих слов и значений. Калуга, 2008. 172 с.
3. Куликова, И. С. Оценочность как компонент культурной сверхинформации в «Настольном словаре-справочнике по всем отраслям знания» Ф. Толля (механизм экспликации) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии : материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2010. С. 141–148.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 2003. 944 с.
5. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970–1971. Т. 1. 681 с. Т. 2. 702 с.
6. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 512 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ГЕЙМЕРА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Предлагается анализ особенностей языковой личности геймера, делается попытка осмыслить значимость данного явления в российской культуре. С психолингвистической точки зрения рассматриваются способы влияния на языковую личность геймера.

Ключевые слова: языковая личность, виртуальный дискурс, психолингвистика, геймер.

Вечный поиск себя, не дающий покоя вопрос, что есть личность, формирование и становление человеческого Я посредством языка и в отражении языка – привели к появлению в языкознании такого понятия, как языковая личность. Данное понятие включает в себя не только лингвистические, но также философские, социологические, психологические взгляды на индивида, способного к речевой деятельности, к коммуникации, к формированию определенной культурной, нравственной, мировоззренческой парадигме.

Ю. А. Сорокин предлагает считать Я (под Я мы понимаем языковую личность) «средостением между бытием и сознанием, между которыми существуют рекуррентные отношения» [6. С. 1]. С. Г. Воркачев в своей статье «Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании» приходит к выводу, что «Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют средостение личности – место сопряжения ее физического, духовного и социального Я» [1. С. 67] и предлагает следующую типологию языковой личности: во-первых, личность речевая (человек как носитель языка), во-вторых, личность коммуникативная (совокупность особенностей вербального поведения человека), в-третьих, личность этносемантическая (отраженный в словаре «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре) [1. С. 66].

По ставшей классической концепции Ю. Н. Караулова, языковую личность формируют вербально-семантический (совокупность используемых в коммуникации вербальных символов и система отношений между ними), лингвокогнитивный, или тезаурусный (данный уровень включает образ мира языковой личности), и мотивационный (отражает особенности коммуникативно-прагматической

деятельности личности) уровни. Мы, вслед за Ю. Н. Карауловым считаем, что языковая личность является не только предметом изучения психологии, философии или языкознания, но и представляет собой многогранное понятие, которое можно рассматривать как с точки зрения какой-либо определенной науки, так и в целом, во всем ее многообразии и многогранности [5. С. 3].

Следует также упомянуть о системе ценностей личности, или о «картине мира». Понятия *картина мира* и *языковая личность* тесно переплетаются и взаимовлияют друг на друга. Языковедческий подход позволяет проанализировать и, при необходимости, найти способы реконструкции мировоззрения человека. Обычно материалом выступает «речь, погруженная в текст».

Бурное развитие в конце XX – начале XXI века виртуальных технологий и переход общества от индустриального типа к информационному привели к появлению нового вида дискурса – виртуального. Л. М. Гриценко в статье «Особенности виртуального дискурса» дает весьма исчерпывающую характеристику данного типа дискурсивной практики. Автор предлагает классификацию жанров виртуального дискурса, основываясь на исследованиях многих ученых (Н. Г. Асмус, Е. Н. Вавилова, Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко, А. Е. Жичкина, Л. Ю. Иванов, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутвинова, С. Н. Михайлов и др.). Мы, в свою очередь, остановимся на жанре «электронные игры» [3], хотя нас смущает данное определение, ведь электронная игра – понятие широкое, включающее в себя всю совокупность компьютерных и видеоигр. Большинство жанров в рамках виртуального дискурса тяготеет либо к устному, либо к письменным текстам, но жанр компьютерных игр интегрирует особенности устного и письменного дискурсов. На сегодняшний день общение в компьютерных играх происходит как письменно – чат, так и устно –

общение в реальном времени, при помощи программ типа skype или teamspeak.

В одиночной игре геймер ничего не придумывает, максимум, что он может сделать, – выбрать соответствующие реплики в диалогах по ходу развертывания игры. Геймер не привносит ничего нового в игру, но заимствует из нее определенные обороты, понравившиеся слова, манеру разговора и поведения главного героя. По сути, данный тип игр мало чем отличается от обычной книги. Разница состоит, на наш взгляд, в том, что, во-первых, в компьютерных играх присутствует визуальный и аудиальный компоненты, а во-вторых, геймер напрямую участвует в событиях, разворачивающихся в произведении, он уже не сторонний наблюдатель, незримым духом парящий за плечом главного героя, он сам – главный герой.

В многопользовательских играх то, как будут разворачиваться события, зависит только от геймера, при этом цели игры будут достигаться только в том случае, если геймер обладает определенными навыками общения. Многопользовательские игры в своей основе опираются на коммуникацию, они построены таким образом, что одиночкам-социопатам в любом виртуальном мире будет не только скучно, но и просто-напросто нереально существовать. На данном типе игр мы и остановимся подробнее, так как именно в виртуальных мирах открывается необъятный простор для исследовательской деятельности лингвиста-когнитолога. Изначально анонимное общение, осуществляемое в виртуальном дискурсе, постепенно переросло в открытое, чему способствовало развитие Интернета и рост популярности социальных сетей.

Первые выводы в исследовании виртуального дискурса звучали следующим образом: устная речь оказала сильнейшее влияние на развитие виртуальной коммуникации. И действительно, участники электронного общения пытались графически передать все особенности устной речи, такие как интонационная окраска, эмоциональность, экспрессивность, что и обусловило появление так называемого «чатовского» языка, где скорость передачи сообщения вынесена на первое место. Сегодня самым распространенным приемом сокращения в виртуальной коммуникации является заимствование из английского языка. Так, например, вместо длинного «всем привет» используется «hi all» или «q all», «мой противник ушел с нижней линии на центр» заменяется на «мис н на ц» (с англ. miss – терять), что потом,

сокращаясь далее, преобразуется в «сс н». Данный процесс – тема для отдельной статьи, мы же обратим внимание на другой феномен.

Поскольку мы подходим к изучению языковой личности геймера с точки зрения психолингвистики, направление наших поисков – от психологии языка к речи. Языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры [7. С. 1], но о какой культуре можно говорить, если о компьютерных играх школьники сегодня знают больше, чем об истории своей страны. Культурная составляющая индивидуума плавно и незаметно замещается искусственной культурой виртуальных миров, вследствие чего образуется всемирный melting pot («плавильный котел»), в котором растворяются нравственные, культурные, национальные установки индивида. Другими словами, компьютерные игры – мощный инструмент психолингвистического влияния на личность, вне зависимости от возрастной категории.

По данным компании EnjoyIT, от 35 до 45% геймеров России находятся в возрастной категории 40+, на аудиторию 1–14 лет приходится еще 25%, игроки в возрасте от 14 до 40 лет составляют около 40% [9]. Автор упомянутой статьи сокрушается о том, что Россия – отсталая в игровом плане страна, проводя сравнение с Южной Кореей и США, забывая, впрочем, упомянуть о количестве самоубийств, смертей от остановки сердца перед компьютером, стрельбе по пешеходам и машинам, вызванным благодаря компьютерным играм. Мы не собираемся брюзжать на эту тему, нет, мы разделяем следующую точку зрения: все есть яд и все есть лекарство, играя в компьютерные игры, человек может как улучшить свои коммуникационные способности, лидерские качества и восприимчивость к деталям, так и стать наркоманом или шизофреником. Компьютерные игры являют собой мощный манипуляционный инструмент.

Возможно ли выделить групповой и личностный компонент языковой личности геймера? Групповой компонент выделить несложно, более того, опираясь на используемый геймерами вокабуляр, возможно довольно четко определить «игровую принадлежность» геймера, будь он «вовер» (геймер, играющий в компьютерную игру WOW), «линеечник» (геймер, играющий в компьютерную игру Lineage 2) или «дотер» (геймер, играющий в компьютерную игру Dota). Личностный аспект можно попробовать определить лишь по никнейму игрока, так как в процессе игрового общения

личностный аспект растворяется в групповой языковой личности геймера.

По результатам исследования, проведенного нами среди учащихся 5–9 классов средней образовательной школы № 84 города Челябинска с сентября 2010 по май 2013 года (с перерывами на осенние, зимние, весенние и летние каникулы), можно сделать следующие выводы.

В процессе игры при считывании информации используется «скимминг» – беглый или выборочный анализ содержания текста [8. С. 86], что обусловлено высокой скоростью обмена информацией и субъективной оценкой игровых виртуальных ситуаций.

Ребята, играющие в компьютерные игры (в дальнейшем – геймеры), используют в своей речи заимствования из виртуального общения, такие как «ок босс», «че ты агрисься на меня» (сокр. от англ. aggression – злоба, агрессия), «гоу» (от англ. go – «идти»), «гж» (от англ. good job – «отличная работа»), «лол» (от англ. lots of laugh – «много смеха»), «гоу пвп» (от англ. go pvp – player vs. player – «пойдем один на один») и т. д.

Компьютерные игры в той или иной степени влияют на авторитет геймера, в нашем случае ученика, повышая или понижая его репутацию. Так, парень, находившийся на низкой в социальном плане позиции в своем классе, после пары комментариев, связанных с компьютерными играми, значительным образом повысил свой негласный рейтинг. Так как ребята ничего не знали об эксперименте, интересно было наблюдать за постепенной популяризацией компьютерных игр в параллели шестых классов. Произошло неосознанное понимание значимости компьютерных игр в нашей повседневной жизни. На данный момент показателем «крутости» среди большинства школьников является не знание марок машин или пересказ новинок кинопроката, но «стоит ли на компе» GTA IV или *Call of duty Modern warfare*. Так складываются группы по интересам: фанаты игры *Counter Strike*, почитатели *Dota* или же совсем «пропавшие» ребята, связавшие свою жизнь с *WOW* (многопользовательская онлайн-игра *World of Warcraft*) или *L2* (многопользовательская онлайн-игра *Lineage*).

Игры оказывают мощное влияние на геймеров, у 80% играющих учеников снизились результативные показатели по основным предметам. Достаточно привести признание одного из опрошенных геймеров: «Дота затягивает. Я думаю, что я удачно через нее прошел. Я вовремя одумался, конечно. Я желаю, чтоб родители

смотрели за детьми и старались их оградить от этого, ведь у человека появляется возможность создать своего персонажа и найти новых друзей, можно сидеть всю ночь, и идти в школу совсем неохота».

Сегодня компьютерные игры дают такую прибыль, что их реклама появляется не только в Интернете, но и в реальной жизни. Так, рекламу игры *GTA V* автор десятки раз видел своими глазами на станциях метро и остановках общественного транспорта на протяжении одного дня, проведенного в Чикаго. Разработчики компьютерных игр не просто делают деньги, «сажая на игрушку» миллионы человек, но и – хотят они того или нет – влияют на личностные качества и язык индивида.

Таким образом, формирование языковой личности геймера носит отчасти искусственный, спланированный характер с целью стандартизации сознания и мышления человека в целом, и подрастающего поколения в частности.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте. Челябинск, 2013. 251 с.
3. Гриценко, Л. М. Особенности виртуального дискурса // Молодой ученый. 2011. № 6. Т. 2. С. 17–20.
4. Еляков, А. Д. Современная информационная революция // Социс. 2003. № 10 (134). С. 29–38.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
6. Сорокин, Ю. А. Вторичная соматологическая карта и ее культуральный субстрат [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации. 2008. № 4 (13). URL: http://tverlingua.ru/archive/013/9_sorokin.pdf.
7. Толмачева, Т. А. Теория языковой личности и процесс обучения межкультурной коммуникации // Вестн. молодых ученых : сб. работ. Горно-Алтайск, 2004. С. 46–49.
8. Шелестюк, Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста // Вопр. когнитив. лингвистики. 2010. № 2 (023). С. 85–90.
9. Tyler. Сколько людей в России играет в компьютерные игры? Статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://enjoyit.ru/events859/>.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВАЦИОННОГО УРОВНЯ СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ БИЗНЕСМЕНА

Рассматривается уровневая организация профессиональной языковой личности бизнесмена, особое внимание уделяется характеристике мотивационного уровня. Доказывается, что на мотивационном уровне хранятся поведенческие и коммуникативные образцы, которые проявляются в речевых стратегиях и тактиках бизнесмена.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, мотивационный уровень, речевое поведение, стратегии и тактики речевого поведения.

Общеизвестно, что человек – существо социальное. Он рождается, развивается и становится личностью в обществе, в социальной среде. Многие исследователи: И. Б. Авдеева, Т. Г. Винокур, Е. И. Голованова, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Т. В. Плавская, Т. А. Ширяева и другие – единодушны в том, что социальная принадлежность человека, его профессия и занимаемая должность играют важную роль в формировании его языковой личности и картины мира. В связи с этим особый интерес лингвистов возник к такому явлению, как профессиональная личность.

Е. И. Голованова определяет данный феномен как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [1. С. 472]. По мнению исследователя, «за любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих личности (а значит, и соответствующей профессиональной среде) идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений» [1. С. 472–473].

В центре внимания настоящего исследования находится профессиональная языковая личность бизнесмена, поскольку бизнес в настоящее время является одним из самых динамично развивающихся видов деятельности.

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, структура языковой личности включает три уровня. Первый – вербально-семантический уровень – отражает степень владения обыденным языком [3. С. 37]. На втором, лингвокогнитивном уровне происходит «выявление, установление иерархии смыслов в картине мира языковой личности, в ее тезаурусе» [3. С. 37]. Третий, мотивационный уровень структуры

языковой личности отражает ее прагматикон, или систему ценностей языковой личности, ее мотивы, установки, цели и задачи. Языковая личность складывается в общем смысле именно на данном уровне, поэтому для нас он представляет особый интерес.

На мотивационном уровне хранится набор поведенческих и коммуникативных образцов профессиональной языковой личности, обусловленных целями, задачами и ценностями ее профессиональной деятельности. Многими исследователями (В. И. Карасик, Ю. С. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф и др.) давно признан факт стереотипности мышления и поведения человека в сходных ситуациях. Сознание представляет собой некую картотеку, где содержится бесчисленное множество моделей возможного поведения в зависимости от обстоятельств, условий окружающего мира и, прежде всего, целей. Мотивационный уровень, по нашему мнению, является такой картотеккой, заключающей в себе все множество вариантов поведения профессиональной языковой личности бизнесмена, зависящих от ценностей его профессиональной деятельности.

Отметим, что стереотипы реализуются в речевом поведении языковой личности, и, соответственно, речевое поведение также характеризуется стереотипностью, существованием огромного количества сценариев развития событий, обусловленных неповторимым комплексом целей и задач. Очень часто в мире бизнеса успех в достижении желаемых целей зависит от корректности построения речевого поведения личности, поскольку речь является не только средством передачи информации, но и служит инструментом воздействия на собеседника, регулирует отношения между коммуникантами, побуждает к выполнению действий, влияет на поведение слушающего, его убеждения, установки, намерения. Исходя из

этого, языковая личность тщательно планирует свое речевое поведение, с учетом возможных нюансов коммуникативной ситуации и вариантов развития событий.

Проблема тщательно выверенного языкового и речевого поведения давно привлекает ученых, в частности И. Н. Борисову, Т. А. ван Дейка, О. С. Иссерс, В. Кинча, Ю. В. Кунину, И. В. Труфанову, Е. И. Шейгал и др. Заимствованные из военной терминологии понятия «стратегия» и «тактика» применяются для анализа планирования речевого поведения. Вслед за О. С. Иссерс под стратегией мы понимаем «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, базирующихся на общих знаниях и когнитивных моделях социума и индивида» [2. С. 54].

В нашем исследовании стратегии – это система заранее спланированных речевых поступков личности, зависящих от ее профессиональных целей, ценностей и мотивов. У языковой личности бизнесмена на основе знаний о профессиональной среде, потребностях и установках, намерениях и желаемых конечных результатах формируется комплекс возможных вариантов построения коммуникации, как в разных, так и в похожих ситуациях. Выбор определенной речевой стратегии обусловлен сложившимися обстоятельствами и желаемыми целями. На помощь в достижении и реализации стратегии приходят речевые тактики. Тактики представляют собой различные речевые ходы, стилистические приемы и предполагают выбор грамматических конструкций, а также лексических средств, которые придают речи желаемую окраску и тональность.

В стремлении систематизировать стратегии профессиональной языковой личности бизнесмена, мы будем основываться на классификации О. С. Иссерс, которая подразделяет стратегии по характеру и «глобальности» целей на общие и частные. Частные стратегии нацелены на достижение конкретных краткосрочных целей (оказать поддержку, попросить разрешения, подсказать), общие стратегии направлены на достижение «более общих социальных целей» (проявить власть, установить и поддержать авторитет) [2. С. 104]. Исходя из сказанного выше, попытаемся произвести

классификацию стратегий языковой личности бизнесмена, сформированных под влиянием целей бизнеса.

Целью бизнеса является развитие компании, достижение ее финансовой стабильности и независимости, лидирующего положения на рынке. Этого можно добиться путем утверждения собственных позиций, изменения чужих установок, доказательства своей значимости, уникальности и независимости. Следовательно, главной стратегией бизнеса можно признать стратегию доминирования. «Стратегия доминирования реализуется частными стратегиями. Сюда входят частные стратегии разоблачения слабых сторон конкурентов, упор на эти стороны, критика, превознесение своей значимости, доказывание своей уникальности, масштабности, надежности, совершенства и мн. др» [4. С. 30].

В зависимости от сложившихся обстоятельств второстепенными стратегиями, отвечающими за достижение желаемого результата, могут быть следующие: стратегия сотрудничества, стратегия саморекламы и стратегия манипулирования.

Стратегия сотрудничества может применяться в различных вариантах общения. Во-первых, эта стратегия используется в случае, когда более слабая компания, пробиваясь в ряды лидирующих, но не имея возможности обойти или нейтрализовать более сильного конкурента, вынуждена идти на компромисс. Руководители компании ищут возможность убедить руководителей более развитой компании сотрудничать. Во-вторых, примером реализации данной стратегии может служить атмосфера сотрудничества в рамках одной компании или между равноправными партнерами. Для достижения поставленных целей бизнесмен будет использовать стратегии сотрудничества, которые реализуются с помощью частных стратегий совета, убеждения, разъяснения, рекомендации, оказания помощи, поддержки, просьбы и т. д.

Стратегия саморекламы. Каждая компания стремится занять лидирующее положение на рынке, продвигая свои товары или услуги, доказывая потребителю уникальность и высокое качество своего продукта. Для реализации данной стратегии прибегают к частным стратегиям самопрезентации, убеждения и аргументации, назидания, дружеского совета, преданности клиенту и т. д.

Стратегия манипулирования. Чтобы занять лидирующее положение, завоевать и удерживать

жать авторитет, немаловажным является обращение к чувствам потребителей, партнеров, конкурентов. При этом используются частные стратегии логических рассуждений, стратегии апелляции к чувствам, создания определенного эмоционального настроения, стратегии оценки или самооценки, самооправдания и критики других предприятий.

Нами выделены лишь ключевые бизнес-стратегии. Еще раз подчеркнем, что та или иная стратегия становится первостепенной или более весомой в зависимости от выдвигаемых бизнесменом целей. В связи с этим основные и второстепенные стратегии могут меняться местами, видоизменяться, дополняться, расширяться или вообще отходить на задний план.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М. ; Тамбов, 2011. С. 472–482.
2. Иссерс, О. И. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М., 2008. 288 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
4. Ширяева, Т. А. Функциональная характеристика делового дискурса // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2006. № 23. С. 29–35.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 115–117.

Л. А. Шкатова

ЯЗЫК ПРОПОВЕДНИКОВ НЕОРЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассмотрены особенности лексики печатных изданий международной религиозной организации «Свидетели Иеговы». Указаны приемы манипулирования сознанием читателей путем подмены вербального субтекста.

Ключевые слова: *религиозно-политический дискурс, лексико-семантический анализ, профессиональные неологизмы, подмена семантики, игнорирование национально-культурной коннотации, манипуляция языком.*

Нами представлены отдельные результаты анализа проповеднической деятельности религиозно-политической и коммерческо-издательской организации «Свидетели Иеговы», которая основана в 1879 году в США и с середины прошлого века ведет активную работу в России по вовлечению в свои ряды новых членов. Основой идеологии Свидетелей Иеговы является абсолютная вера в то, что единственное «правильное» имя Бога – Иегова, что неминуем конец света, который вот-вот наступит, что единственным носителем истины в «злом мире» является эта религиозная организация, в рамках которой только и возможно спасение и последующее беззаботное существование в райском мире:

«Сегодня Иегова использует только одну организацию для исполнения Своей воли. Для

того, чтобы получить жизнь в Раю на земле, мы должны найти эту организацию и служить Богу в ее составе» («Сторожевая Башня» от 15.02.1983. С. 12).

Деятельность проповедников этой неорелигиозной организации отличает навязчивая пропаганда ее вероучения при обходе жилых домов с настойчивым предложением жильцам печатных изданий, ведение «библейских бесед», раскладывание материалов в общественных местах, вовлечение прохожих в разговоры о Боге и приглашение на свои собрания:

«Нам нужно проповедовать не только по домам, но и в других местах. Многие возвещатели успешно проповедуют на деловой территории. Во многих странах очень хорошие результаты приносит свидетельствование на улицах, в парках, на автостоянках, в общественном

транспорте, – в общем, везде, где есть люди...» (*Организованы, чтобы исполнять волю Иеговы. – Watch Tower Bible and Tract Society of New York, Inc., Brooklyn, N.Y., USA, 2005. С. 96*).

Цель лингвокультурного анализа дискурса «Свидетелей Иеговы» состоит в том, чтобы найти лингвистическое измерение социальных и культурных явлений, пропагандируемых иеговистами, а также установить возможные изменения в сознании объектов их влияния. Лексико-семантический анализ привлекается для того, чтобы определить специфику лексем используемого в общении иеговистов словаря.

Во-первых, он включает искусственно созданные слова и словосочетания: так, проповедники в организации именуется «возвещателями»; «Правовой комитет» – это внутренний судебный орган в собрании Свидетелей Иеговы; «Школа теократического служения» – часть программы на общем собрании Свидетелей Иеговы, во время которой каждому отдельно учасшемуся школы помогают развивать навыки в публичном чтении, ораторские и учительские способности.

Во-вторых, можно отметить подмену семантики конфессиональных терминов. Члены организации именуют себя христианами, однако, например, брошюра «В чем смысл жизни? Как же его найти?», изданная на русском языке в Испании в 2006 году издательством «Watchtower Bible and Society of New York, Inc.», Brooklyn, New York, U.S.A., содержит резко негативные высказывания в отношении существующих традиционных христианских конфессий, причем исторический охват этих высказываний предельно широк: «С четвертого столетия, когда религия христианского мира заняла ведущее положение, христианский мир проявил себя врагом Бога и Библии. Да, факты истории показывают, что христианский мир предал Бога и Библию» (С. 17).

В-третьих, следует отметить лакуны в вербальных субтекстах изданий Свидетелей Иеговы, которые выводят их за рамки христианства. Так, избегается использование принятого христианами термина «Церковь», который подменяется словосочетанием «Управленческий центр», обозначающим сообщество менеджеров. Вербальную лакуну представляет и обозначение процесса совершения служителями культа религиозных церемоний и обрядовых действий, для чего применяется христианский термин «богослужение». Таким образом, наименование себя христианской организацией

служит утилитарным целям и направлено, прежде всего, на дезориентацию и органов власти, и граждан, которых вовлекают в деятельность Свидетелей Иеговы.

В-четвертых, манипуляция языком осуществляется путем приписывания новых и дополнительных значений обычным словам: «пионер» – тот, кто добровольно взял на себя обязательства расширенного проповеднического служения, посвящая ему в месяц определенное количество часов; «общий пионер» – пионер, проповедующий 840 часов в год; «подсобный пионер» – пионер, проповедующий 50 часов в месяц; «специальный пионер» – пионер, проповедующий 130 часов в месяц и находящийся на содержании организации Свидетелей Иеговы.

В-пятых, задача проповедников – разрушить традиционно сложившееся у местного населения цивилизационное ядро – осуществляется путем игнорирования национально-культурных коннотаций русских лексем. Так, у ряда слов (в том числе у наименования *надзиратель*) в русском языке имеется дополнительное отрицательное значение, которое совершенно не принимается во внимание, как, например, и у слов «зона» и «надзиратель»:

«Зона» – самая крупная территориальная единица Свидетелей Иеговы, объединяющая несколько регионов, обслуживаемых разными филиалами. Находится под надзором зонального надзирателя.

Ср.: ЗОНА – 4. *разг.* Место отбывания наказания для осужденных к заключению в исправительно-трудовой колонии [2].

«Надзиратель» – старейшина, обязанный осуществлять надзор за христианским собранием. Обычно не используется самостоятельно, а в словосочетании, указывающем на определенный круг обязанностей, за которыми нужно присматривать. Например, зональный надзиратель, надзиратель книгоизучения собрания, председательствующий надзиратель, служебный надзиратель, районный надзиратель, надзиратель Школы теократического служения, надзиратель типографии и т. д.

Ср.: НАДЗИРАТЕЛЬ, -я, м. Устар. Должностное лицо, занимавшееся надзором, наблюдением за кем-л., чем-л. *Тюремный н.*

НАДЗИРАТЬ, -аю, -аешь; нсв. Вести наблюдение, надзор за кем, чем-л., неся за это ответственность [1].

Таким образом, манипуляция языком осуществляется путем использования особенно-го словарного запаса: создания собственного

словаря, включающего искусственные слова и фразы, подмены семантики конфессиональных терминов, приписывания новых и дополнительных значений обычным словам, игнорирования национально-культурного восприятия лексем.

В результате вербуемые чувствуют себя посвященными в исключительный язык, словарный запас и новое знание. Они начинают ощущать себя более удобно, общаясь с членами организации, и, в конце концов, как только этот язык становится частью их повседневной речи, чувствуют себя заторможено в общении с людьми вне культуры [3].

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. Т: 1. А–О. 1213 с.
3. Грачев, Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.auditorium.ru/books/4047>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 117–120.

О. В. Эфтор

О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Делается обзор ключевых подходов к изучению языковой личности в разных научных направлениях. Обосновывается эффективность использования индекса цитирования научных статей для отслеживания динамики работ по проблеме языковой личности.

Ключевые слова: *языковая личность, рациональная модель языковой личности, индекс цитирования.*

Проблема языковой личности стоит у истоков науки о языке. С античных времен прослеживаются попытки установить взаимоотношения языка и личности: они дошли до нас в виде высказываний античных мыслителей (например, «Характер человека познается в речи» (Платон), «Каков человек, такова и его манера изъясняться» (Марк Фабий Квинтиллиан) и др.).

Рассматривая проблему в ретроспективе, необходимо отметить интерес к проблеме языковой личности в работах В. фон Гумбольдта, К. Фосслера, М. М. Бахтина.

Лингвофилософская концепция духа народа Вильгельма фон Гумбольдта отражает влияние языка на человека и его культуру, а также на культуру всего народа. Человек не может развиваться или мыслить без языка, поскольку язык – это коллективное явление. Гумбольдт считал язык не просто внешним средством общения людей, но и утверждал, что язык заложен в самой природе человека и необходим ему для развития духовных сил и формирования мировоззрения [5. С. 48]. В.

фон Гумбольдт противопоставлял индивидуальное и коллективное в языке, утверждал, что идея национального духа и индивид нераздельно связаны: «речевая деятельность даже в самых своих простейших формах есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека. В языке таким чудесным образом объединяется индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [5. С. 67].

Идеи Гумбольдта были продолжены К. Фосслером. Он и его последователи изучали индивидуальный язык и стиль писателей, рассматривая его с точки зрения эстетических критериев.

Младограмматики, в свою очередь, призывали к психофизическому изучению человека и его языка. Они отказались от изучения коллективного в языке и признавали только язык индивида, зависимый от своей изменчивой психической деятельности.

Ф. де Соссюр рассматривал личность как индивида, преобразующегося через конкретный язык. По мнению лингвиста, язык по своей природе социален и представляет собой инструмент выражения отношения к окружающей действительности, который обеспечивает взаимодействие человека и внешнего мира [6. С. 16].

Большое количество статей Э. Сепира и его семинар в Йельском университете «Воздействие культуры на личность» не только привлекли внимание антропологов к индивидууму в его культурной среде, но и оказали заметное влияние на теорию психоанализа. По мнению Э. Сепира, язык, культура и личность сливаются в единое целое; язык – это «символический ключ к поведению», потому что опыт в значительной степени интерпретируется через призму конкретного языка и наиболее явно проявляется во взаимосвязи языка и мышления [7. С. 252].

Сам термин «языковая личность» был введен в научный оборот значительно позже, в 1930-е годы XX века. Это является заслугой В. В. Виноградова. В своей книге «О языке художественной прозы» ученый подошел к понятию языковой личности путем исследования языка художественной литературы. Он исследовал художественную языковую личность с обеих сторон: личность автора и личность персонажа. В. В. Виноградов отмечал, что «памятник – это не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций. И лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [3. С. 91]. Первые описания конкретных языковых личностей также принадлежат В. В. Виноградову.

В свете наличия большого количества подходов к изучению языковой личности представляется необходимым классифицировать их по научным направлениям. Наиболее важные, на наш взгляд, те, которые выделяют и обосновывают рациональную структуру или модель.

Ю. Н. Караулов ввел понятие языковой личности в широкий научный обиход. Под языковой личностью он понимает совокупность способностей и характеристик челове-

ка, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [6]. Структура языковой личности представляет собой три уровня: 1) вербально-семантический (для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений); 2) когнитивный или тезаурусный (единицы данного уровня – понятия, идеи, концепты, складывающиеся в «картину мира», отражающую иерархию ценностей); 3) прагматический (цели, мотивы, интересы, установки) [Там же]. По мнению Д. В. Аникина, данная модель оказалась востребованной и лингводидактическим, и лингвокультурологическим подходами, так как представляет собой некий обобщенный тип личности, тогда как множество конкретных личностей могут быть рассмотрены как ее вариации [1].

Г. И. Богин отмечает, что языковая личность – это человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки, создавать и принимать произведения речи. Он считает языковую личность одним из компонентов существования языка, тем, кто присваивает язык, то есть тем, для кого язык есть речь [2. С. 7]. Модель языковой личности Г. И. Богина разработана в рамках лингводидактического подхода. Особенность данной модели заключается в том, что ее развитие происходит от уровня к уровню. Основываясь на этапах развития, Г. И. Богин выделяет пять уровней: 1) уровень правильности (следует требованию: «Пользуясь языком, надо пользоваться именно данным языком с его элементарными правилами»); 2) уровень интериоризации (прослеживается замедление в передаче информации, «то есть плохая скорость», связанная с недостаточно интериоризованным планом речевого поступка, с недостаточной цельностью представления о предстоящем частном высказывании); 3) уровень насыщенности (широкое использование «богатства языка»); 4) уровень адекватного выбора (предметом оценок адекватности выбора единиц речевой цепи бывает, как правило, не целый текст, а одно предложение); 5) уровень адекватного синтеза (включает достижения и недостатки в производстве или в синтетическом восприятии целого текста со всем сложнейшим комплексом присущих ему

средств коммуникации предметного содержания и средств выражения духовного содержания личности самого коммуниканта) [2. С. 9].

В рамках лингвокультурологического подхода языковая личность была рассмотрена С. Г. Воркачевым. В данном понятии преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. В рамках данного подхода языковая личность, разделена на три типа. Первый тип – «речевая личность», которая определяет человека как носителя языка со стороны его способности к речевой деятельности, то есть комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения. Второй тип – «коммуникативная личность», под которой понимается совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения. Третий тип – «словарная или этносемантическая личность, или закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [4].

На современном этапе представлены также и другие подходы к изучению языковой личности: психолингвистический (А. А. Ворожбитова, С. А. Сухих, В. П. Тимофеев), когнитивный (Н. Н. Болдырев, Н. А. Кобрина), гендерный (О. Л. Каменская), лингвоперсонологический (Е. В. Иванцова, В. П. Нерознак, З. И. Резанова) и лингвосоционический (Н. Д. Голев, Л. М. Комиссарова). Тем не менее, авторы, работающие над проблематикой языковой личности в рамках данных подходов, в своих работах опираются на работы Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина и С. Г. Воркачева. Это служит доказательством тому, что на данный момент степень наиболее эффективной разработанности проблемы языковой личности остается в рамках лингвокультурного и лингводидактического подходов. В рамках остальных подходов проблема языковой личности менее изучена, но постепенно набирает темпы. Новые подходы привносят новый фокус рассмотрения проблемы и самого термина.

На данный момент представляется возможным отслеживать динамику научных работ по

проблеме языковой личности. В данном случае его можно охарактеризовать «подходом к изучению подходов». Такой «подход к изучению подходов» представляется возможным благодаря наличию баз и индексов цитирования научных статей. По динамике цитирования можно выделить основные подходы. К наиболее валидным относятся: 1) «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), цель которого заключается в создании отечественной библиографической базы данных по научной периодике; 2) Академия Google (англ. GoogleScholar), свободно доступная поисковая система, которая обеспечивает полнотекстовый поиск научных публикаций всех форматов и дисциплин (индекс Академии Google включает в себя большинство рецензируемых онлайн журналов Европы и Америки крупнейших научных издательств); 3) WebofKnowledge – поисковая платформа, объединяющая реферативные базы данных публикаций в научных журналах и патентов, в том числе базы, учитывающие взаимное цитирование публикаций, которая разрабатывается и предоставляется компанией ThomsonReuters; 4) Scopus – библиографическая и реферативная база данных и инструмент для отслеживания цитируемости статей, опубликованных в научных изданиях. База данных индексирует научные журналы, материалы конференций и серийные книжные издания.

Проведенный анализ ресурсов РИНЦ позволяет ознакомиться со статистикой, увидеть индекс цитирования ведущих ученых и сравнить с другими. Данные анализа показали следующие количественные результаты: Ю. Н. Караулов – 3393, Г. И. Богин – 511, С. Г. Воркачев – 1004. Особое внимание уделяется тому, сколько ссылок было уделено именно проблеме языковой личности, кто из ученых их делал, в каком направлении проводилась работа.

Академия Google позволила сузить поиск и расширить ресурс работ, а также выделить ведущие работы по проблеме языковой личности. Для более рационального исследования и расстановки приоритетов представляется обоснованным оформить полученные результаты в таблицу:

Автор	Название работы	Кол-во цитирований
Ю. Н. Караулов	Русский язык и языковая личность	1992

В. И. Карасик	Языковой круг: личность, концепты, дискурс	1252
С. Г. Воркачев	Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании	262
Ю. Н. Караулов	Русская языковая личность и задачи ее изучения	175
В. И. Карасик	Религиозный дискурс// Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики	57
М. В. Ляпон	Языковая личность: поиск доминанты	42
В. И. Шаховский	Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации	42
Г. И. Богин	Современная лингводидактика: учебное пособие	32
А. М. Шахнарович	Языковая личность и языковая способность	28
...

Выявленные результаты, на наш взгляд, значительно облегчают поиск ответа на во-

прос о том, что представляет собой обзор основных фундаментальных трудов по проблеме языковой личности. Более того, они наглядно показывают актуальность определенного ряда работ на достаточно большом промежутке исследования данной проблемы.

Список литературы

1. Аникин, Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет» : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=139>.
2. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л., 1984. 310 с.
3. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. М., 1930. 175 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 120–122.

О. Н. Ярошенко

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ И РАЗВИТИЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обсуждаются особенности профессиональной подготовки переводчиков в вузе. Утверждается, что личностно-деятельностный подход позволяет создать условия для самоактуализации и личностного роста будущих переводчиков, формирования их активности за счет партнерских, субъект-субъектных отношений с другими участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: профессиональная компетенция переводчика, деятельностный и личностный подходы, межкультурная коммуникация, коммуниканты профессиональной деятельности.

Профессиональная компетенция переводчика – это не только знание двух языков, но и умение находить и соотносить коммуникативные средства этих языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание

принципов, методов и приемов, создающих такое умение. Профессия переводчика предполагает осуществление сложного вида умственной деятельности, требующего специфических знаний, умений и навыков.

Вступая в межъязыковую, межкультурную, межличностную профессиональную коммуникацию, переводчик должен:

- обеспечить адекватное понимание участниками межкультурного общения передаваемой информации;

- достичь определенного коммуникативного эффекта, создавая у общающихся желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызывая соответствующие ассоциации;

- побудить участников межкультурной коммуникации к конкретным действиям, вызывая у них определенную практическую реакцию;

- использовать перевод с целью достижения «экстрапереводческого» результата, решения идеологических, политических или бытовых задач, не имеющих ничего общего с адекватным воспроизведением оригинала.

В. Н. Комиссаров подчеркивает, что переводчику необходимо понимать особенности участников межкультурной коммуникации, их опыт, знания, возраст, социальный и профессиональный статус. В связи с этим особого внимания требует подготовка переводчика не только в плане восприятия информации, но и личности коммуникантов. Однако этому аспекту в профессиональной компетентности переводчика не уделено должного внимания.

Солидаризируясь с мнением Э. Ф. Зеера, В. А. Кальней, А. К. Марковой, мы определяем компетентность как интегративную характеристику субъекта труда, включающую знания, умения и личностные качества, необходимые для выполнения определенного вида профессиональной деятельности, и отражающую уровень ее эффективности.

Опираясь на исследования, посвященные профессиональной компетентности, а также учитывая специфику деятельности переводчика как «специалиста по активному владению речью на двух языках в ситуации повышенной сложности, где есть неравноправие партнеров», мы считаем, что структуру профессиональной компетентности составляют соответствующие знания, умения и личностные качества (табл. 1).

Перевод трактуется нами как деятельность в рамках теории речевой деятельности и шире – общей теории деятельности. Наиболее важными чертами любой деятельности являются открытость, системность, уровневость, гибкость, кольцевой характер, универсальность и

динамичность. Одним из определяющих моментов всех деятельностных концепций можно назвать вопрос о соотношении двух психологических категорий – личности и деятельности. Согласно взглядам Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, личность рассматривается как активный субъект деятельности. Это означает, что личность не только формируется в деятельности и общении, определяя их характер, но и способна управлять своими действиями, контролировать их ход и оценивать результаты.

Таблица 1

Структура профессиональной компетентности будущих переводчиков

<i>Показатели</i>	<i>Признаки, их характеризующие</i>
Знания	Знание основных положений теории психологии, профессиональной коммуникации и лингвистики; знание языковых норм, теоретических и практических основ переводоведения; знание приемов общения с учетом национально-культурных и психологических особенностей участников коммуникации
Умения	Умение эффективно строить общение с различными партнерами; умение управлять своим восприятием и организовывать его; умение использовать иностранный язык адекватно ситуации межкультурной коммуникации
Качества	Способность к коммуникативному взаимодействию; способность правильно оценивать социально-психологический настрой участников коммуникации, способность к эмпатии, рефлексии, идентификации

В структуре личности как субъекта учения в рамках анализа его профессиональной деятельности особый интерес представляют те черты, которые соотносятся с ее основными компонентами. По мнению Б. Г. Ананьева, субъект включает «определенные свойства индивида и личности, соответствующие предмету и средствам деятельности» [1. С. 52]. Видимо, в переводе к таким свойствам следует отнести, прежде всего, коммуникативные умения – умение ориентироваться в условиях общения, правильно планировать свою речь, выбирать содержание общения, находить адекватные средства для передачи мысли и обеспечивать обратную связь.

Личностный подход, по К. К. Платонову, это принцип личностной обусловленности всех психических явлений человека, его деятельности, его индивидуально-психологических особенностей [2]. Как подчеркивал С. Л. Рубинштейн, «в психологическом облике личности выделяются различные сферы или черты, характеризующие разные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются в единстве личности» [3. С. 102].

Применительно к познавательной деятельности студентов, личностно-деятельностный подход выступает как средство формирования познавательных ценностей с позиции их значимости для удовлетворения гностических потребностей личности.

Используя личностно-деятельностный подход в развитии компетентности будущих переводчиков, мы делаем акцент на развитии индивидуальных способностей каждого студента. Нашей задачей является выявление и максимальное использование индивидуально-опыта студента, помощь личности в познании себя, самоопределении и самореализации, стимулирование личностной, интеллектуальной активности, учитывая индивидуально-психологические особенности обучающегося. Таковы проявления личностного компонента личностно-деятельностного подхода, но, как полагал С. Л. Рубинштейн, «сделать личностный аспект единственным – значит закрыть себе путь для исследования закономерностей психической деятельности» [Там же]. Соответственно, в качестве второго аспекта рассматриваемого подхода должен выступать его деятельностный компонент.

Таким образом, личностно-деятельностный подход позволяет создать условия для самоактуализации и личностного роста будущих переводчиков, для формирования их активности за счет партнерских, субъект-субъектных отношений с другими участниками образовательного процесса, а также включения студентов в профессионально-коммуникативную деятельность с учетом их индивидуальных особенностей.

В ходе анализа теоретических и экспериментальных исследований по проблеме подготовки будущих переводчиков в педагогической теории и практике, мы пришли к выводу, что специальных исследований, посвященных проблеме развития компетентности будущих переводчиков не проводилось. До настоящего времени не определены содержание и структура компетентности переводчиков, не разработаны пути ее развития в высшей школе.

Совершенно очевидно, что эффективная подготовка будущих переводчиков должна базироваться на методической платформе, способности творчески усваивать последние достижения развивающихся смежных наук.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. **Человек как предмет познания**. СПб, 2001. 282 с.
2. Платонов, К. К. **Краткий словарь системы психологических понятий** : учеб. пособие. М., 1981. 175 с.
3. Рубинштейн, С. Л. **Основы общей психологии** : в 2 т. Т. 1. М., 1989. 488 с.
4. Садохин, А. П. **Введение в теорию межкультурной коммуникации**. М., 2005. 310 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г. Д. Ахметова

ТРАДИЦИИ РЕАЛИЗМА В ЕДИНОМ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются традиции реализма в современной русской прозе. Раскрывается суть языкового пространства, выявляется роль традиций и новых языковых процессов в тексте. Делается вывод, что эти явления взаимосвязаны.

Ключевые слова: традиции, реализм, языковое пространство, языковые процессы.

Языковое (культурно-языковое) пространство – это ритмически организованная, метафорическая, открытая динамическая структура, которая входит в состав другой структуры, тоже открытой, метафорической, динамичной и ритмической – пространство мира. Доминантами языкового пространства художественного текста являются метафора и ритм. Языковое пространство структурно организовано. В некоторой степени этому способствует языковая композиция текста, основные компоненты которой (образ, метафора-образ, формы (или приемы) субъективации, точка зрения, словесный ряд, композиционный отрезок, деталь и др.) занимают также и пространство текста [2].

Духовное пространство является сущностью истинного художественного произведения. Связь между языковым пространством и духовным осуществляется с помощью энергии текста, пронизывающей ВСЕ художественное пространство и не поддающейся анализу, по крайней мере, в настоящее время. Возможно, анализ языкового пространства хоть в какой-то мере может *приоткрыть* вход в энергию текста.

Очевидно, можно сказать, что изменения в языковом пространстве художественного текста (как и любого другого текста как композиционной системы) – это единственно реальные, единственно истинные изменения. И лишь после этого происходит их классификация и выстраивание абстрактной языковой системы, зафиксированной в учебниках и словарях. И в то же время взаимосвязь языковых процессов в пространстве текста и в литературном языке приводят к феномену одновременного появления тех или иных изменений в различных текстах.

«Настройка» на вибрацию языкового пространства позволяет писателю увидеть единые

процессы, существовавшие всегда (традиции), а также увидеть то, что будет «раскрыто» и реализовано позже (новаторство).

Языковое пространство не расширяется и не изменяется. Оно неизменно. Но исследователь открывает все новые и новые его стороны. Впрочем, это положение может быть подвергнуто сомнению.

В живом литературном тексте сочетаются живые объективные процессы и живые творческие их изменения. Человек, изучая и постигая мир, меняет его. Или, может быть, он просто так думает?

Сложность, конечно, заключается в том, что очень трудно различить то, что существовало всегда, и то, что является «нарушением» извечного порядка.

Соотношение традиций реализма и новых языковых процессов – это примерно то же самое, что и соотношение норм и ошибок. Языковые процессы можно соотнести с «ошибками», а нормы – с традициями. Нормы могут стать ошибками, а ошибки – нормами. Так и языковые процессы можно рассматривать как нарушение норм. Со временем происходит перетекание традиций в языковые процессы. Языковые процессы – это видоизмененные традиции. Именно поэтому и те, и другие были всегда – в вечно-живом языковом пространстве.

Традиции реализма в современной прозе – это единство языкового пространства, это умение талантливого писателя «подключаться» к информационному художественному полю. Конечно, интерпретация произведения всегда несколько субъективна. В оценках интерпретаторов тоже могут проявиться традиции. Но и в том, и в другом случае под традицией понимается не простое подражание, и даже не развешивание тех или иных приемов построения

текста. Нет, традиция – это некая форма новационного построения произведения. Традиция – это своеобразная форма новаторства, равно как и новаторство становится традицией. Извлекая в минуты озарения из единого языкового пространства некие известные формы организации текста, писатель словно бы создает их заново. Можно называть это языковой игрой, игрой в текст. Можно говорить об изменении языка. На самом деле приоткрывается та или иная скрытая сторона языкового пространства. Приоткрывается, обнаруживает себя – и вновь захлопывается дверка [1].

Например, изобразительный прием субъективации продолжает классические традиции А. П. Чехова (а само явление субъективации впервые, пожалуй, блестяще было представлено А. С. Пушкиным в «Станционном смотрителе»). Описание начинающейся грозы у Г. Копытина словно переключается с уже ставшим хрестоматийным описанием грозы из повести «Степь»: «Кто-то невидимый долбил огромный кувалдой и никак не мог раздолбить черный купол неба, и то по одному краю, то по другому разбегались трещины, отливающие золотом» («Марфины квартиранты»). (Ср. у А. П. Чехова: «Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо»). Кстати, яркая изобразительность в описании грозы, являющаяся аллюзией к Чехову, привлекала и продолжает привлекать современных писателей. Б. Жидков («Что я видел»), активно развивавший детскую литературу, талантливо использовал прием субъективации при передаче детской точки зрения: «Вдруг слышит Катя – гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильней, ближе – и вдруг Катя слышит: «Ах, вот она где».

Катя открыла глаза. Это папа идет по крыше. Идет согнувшись – и гремит, хлопает под ним железом».

М. Шишкин в романе «Венерин волос» пишет: «Да, где-то вдалеке стало греметь, гулко, раскатисто, будто кто-то бегал по крышам гаражей. <...> Мне нравилось, как громыхал наш топот. Будто мы делали далекий гром». Сравним также у М. Елизарова в романе «Библиотекарь»: «Далеко за лесом ударил гром, точно

кто-то пробежал по гулкой жестяной крыше. В черном небе вздулись и погасли лиловые вены, но дождевые капли так и не упали». М. Елизаров обращается к этому образу и в рассказе «Это сейчас я завистливый...»: «Грязной змеей скользит мокрая улица, дождь стучит по крышам жестяными каблуками, колышется за окном дряблый женский силуэт».

Проявляются традиции реализма в употреблении приема экспрессивной субъективации. В прозе А. Рекемчука редко используются синтаксические приемы передачи эмоциональности, в частности, повтор сочинительного союза «И»: «Вокруг смеялись и тоже радовались: дождик, дождик, припусти... Летний дождик, июньский дождик. Прохладней идти, пыль прибьет. Посеет, посеет – и перестанет. И выглянет солнце. И многоцветная счастливая радуга перекинется отсюда, от Краснопрудной, от Красносельской до Красных ворот, до Красной площади». В. В. Одинцов, впервые в русской филологии выявивший и проанализировавший формы субъективации, приводит пример размышлений В. В. Виноградова в связи с анализом «Пиковой дамы» А. С. Пушкина: «Средствами изображения переживаний персонажа могут быть не только ритм, интонация, паузы, приемы сопоставления и расположения предложений, но и порядок слов, и союзы, и другие синтаксические формы. Так, волнение Германа, его азарт и алчность во сне символизируются инверсией наречий и повторением союза *И*:

«Поздно воротился он в смиренный свой уголок; долго не мог заснуть, и, когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман».

Если переставить наречия, исключить один союз *И*, то повествование примет объективно-авторское течение, из него исчезнет взволнованность заинтересованного субъекта, его эмоциональное отношение к передаваемым событиям...» [6. С. 199]. В. В. Одинцов определил эту форму экспрессивной субъективации как форму лексико-семантической и грамматико-синтаксической изобразительности.

Очевидно, увлечение межтекстовыми связями (интертекстуальность), ставшее признаком постмодернистского текста, превратившееся в значимый языковой процесс, – это развитие традиций. Любой из существующих

современных языковых процессов имел свое начало в прошлом. Но не всякий современный языковой процесс был в прошлом именно динамичным процессом, отражающим развитие языка и культуры.

Антропоцентризм метафор, связанный с языковым процессом «уход в метафору», также связан с традициями реализма. Метафорические определения А. С. Пушкина насквозь антропоцентричны: «счастливые грехи», «в немой тени», «торжественную руку», «поработанные бразды», «усталая секира», «мгновенный старик». Перейдем к О. Мандельштаму: «И Гамлет, мысливший пугливыми шагами». А теперь – З. Прилепин: «Щенки <...> оставили на моих бежевых джинсах свои веселые лапы»; «и засыпал живой, с распахнутыми руками»; «Дурно выругался, поднес напуганную руку к лицу, ничего не мог понять»; «грубо толкали друг друга веселыми руками»; «ткнув в меня лживым пальцем». И лишь проблесками светились в прошлом подобные метафоры: «Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки» (Б. Жидков).

«Переключки» метафор удивляют так же, как и «переключки» композиционного строения текста (субъективизация повествования). Сравним: А. Рекемчук: «Обиженная такая спина». – З. Прилепин: «обиженные погремущки»; А. Рекемчук: «И снова ее прорезал истошный вскрик дверного звонка». – З. Прилепин: «Когда взвизгнул дверной звонок, у меня резко зашпело сердце, даже в затылке отдалось несколько раз, и щеки стали жаркими».

Традиции, которые в те времена, когда они еще традициями не были, – не являлись и языковыми процессами. Это было лишь начало. Это было своеобразное нарушение норм. Возможно, это осталось незамеченным, как остается незамеченным многое из того, что происходит в художественной прозе сейчас.

Все повторяется. Все повторится. И. Мельников написал об этом в стихах:

И, как столетие, в тетради
Страницу зачеркнет перо.
И вновь блеснет на водной глади
Луны плывущей серебро.

И мальчик, но в другой одежде,
В мобильник что-то говоря,
По улице пройдет, как прежде,
Под желтым светом фонаря.

Обратимся опять к «Станционному смотрителю»: «Это случилось осенью. Серенькие

тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев». Данный контекст анализирует А. И. Горшков: «Этот типичный образец пушкинской безобразной образности замечателен еще и двумя эпитетами: *серенькие* тучи и *встречных* деревьев. Первый из них (*серенькие*, а не серые) придает пейзажу какую-то особую унылость, ущербность; второй очень емко в смысловом отношении – одним словом передает движение, указывает на то, что рассказчик *едет*» [4. С. 290]. Добавим от себя, что приведенный субъективированный отрезок содержит, видимо, и некоторую антропоцентричность. Именно такой принцип реалистического построения текста и прорастает в прозе А. Рекемчука, а затем – и в новейшей прозе. Приведем пример из романа «Нежный возраст»: «По дороге молчали. Он смотрел в окошко на бегущие мимо деревья, на свежую листву, на гроздь сирени, то и дело вспыхивающие в этой листве». А теперь – пример из романа Д. Гуцко «Домик в Армагеддоне»: «Ажурная тень парка текла навстречу, ложилась под ноги, напознала на лицо, на одежду – на футболку-песчанку Ефима, на серые одеяния священника. Наверху солнце разбавляло зелень золотом, слепящими фонтанами взрывалось в просветах». Мы писали уже, что языковые процессы современной художественной литературы – это явление всеобщее. У поэта И. Мельникова реалистический образ становится полностью метафорическим: «Фонари выбегают навстречу».

Образ «Неба в алмазах», впервые появившийся у А. П. Чехова в «Дяде Ване» тоже является межтекстовым и используется в стихах Н. Савостина: «А небо и теперь в алмазах, / Лишь выйди ночью да взгляни». В романе современного писателя Кирилла Туровского «Каждый сам себе дурак» это выражение, ставшее устойчивым, повторяется несколько раз: «Вот если б сразу где-нибудь далеко-далеко, высоко-высоко мне бы наобещали полный короб успеха и небо в алмазах, я бы ради интереса поехал»; «В глазах трепещут краски, цветы и огоньки. А вокруг ее головы крутятся белые ромашки, алмазы и ангелы»; «И на жертвования прошу предоставить мне на синем блюдечке с голубой каемочкой полный короб успеха и небо в алмазах».

Обращение к традициям реализма в современной прозе повлекло за собой исследователь. И вот уже появилась монография С. Казначеева о судьбе русского реализма [5. С. 293]:

«Вновь и вновь приходится говорить о генетическом родстве наличного современного состояния литературы с достижениями писателей минувших десятилетий. На пустом месте ничего не вырастает, и сегодняшние споры о новом реализме тесно связаны с творчеством писателей-предшественников и дискуссиями прошлых лет». Пришла пора осмысления еще одного пласта возвращенной культуры и литературы – советской. Именно к этому периоду обращается Д. Быков в книге «Советская литература» [3].

Два взаимосвязанных явления есть всегда у талантливых поэтов и писателей – традиции и новаторство. Традиции – это, конечно же, не просто употребление известных приемов построения текста. Традиции рождаются из единого языкового пространства. Талантливые художники одновременно находят общие закономерности – но используют, употребляют их индивидуально. Новаторство – это предвидение тех изменений в языке, которые вот-вот должны родиться, но настоящий художник уже сумел «поймать» их. Новое – всегда рядом

с нами. Надо просто увидеть его. Творчество заключается в том, чтобы из традиций сделать новое. Такой вот круговорот в языковом пространстве.

Список литературы

1. Ахметова, Г. Д. Творческий стиль писателя (о романе С. Есина «Имитатор») // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : материалы V Междунар. науч. конф. Чита, 2012. С. 13–24.
2. Ахметова, Г. Д. Языковое пространство художественного текста. СПб., 2010. 244 с.
3. Быков, Д. Советская литература. Краткий курс. М., 2012. 416 с.
4. Горшков, А. И. История русского литературного языка. М., 1969. 366 с.
5. Казначеев, С. М. Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение. М., 2012. 392 с.
6. Одинцов, В. В. Стилистика текста. М., 1980. 264 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 126–129.*

Л. А. Белоколенко

КОНФЛИКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Рассматриваются знаки языка, которые отражают авторскую позицию при описании конфликтной коммуникации персонажей. Тема раскрывается на примере творчества украинских писателей начала XXI века.

Ключевые слова: конфликт, коммуникация, художественный дискурс.

Современная наука признает, что изучение конфликта имеет право на существование, ведь данное явление определяет все сферы жизни человека. Но прежде всего конфликт проявляется в коммуникации. Конфликтная коммуникация – естественный межличностный процесс, основывающийся на противоречиях в ценностях, нормах, интересах и потребностях оппонентов. Модусная часть конфликтной коммуникации имеет прагматическое значение и отражает точки зрения оппонентов, их оцен-

ку друг друга, ситуации, действий, бездействия и др. Эта оценка реализуется в определенной системе, в которой имеются обязательные и вспомогательные компоненты и существует свой «порядок» языковых средств.

В лингвистике уделяется мало внимания роли знаков языка в возникновении и развитии конфликта, рассмотрению семантической составляющей в его моделях. Среди концепций, анализирующих соотношение «конфликт → коммуникация», можно выделить семиосоци-

опсихологический подход Т. Дридзе, в котором автор обращается к понятию «язык конфликта» [1]. Анализируя с позиций собственно социологической методологии соотношение «коммуникация → конфликт → текст», Н. Луман определяет конфликт как продолжение коммуникации в определенной форме, а не ее прерывание, прекращение или искажение [3. С. 508]. В ряде исследований (И. Выхованец, М. Голянич, К. Городенская, Н. Гуйванюк, А. Загнитко, В. Телия и др.) рассматривается речевое воздействие на адресата с помощью иллокутивного компонента, но нередко подобное изучение ограничивается описанием взаимодействия коммуникантов по схеме «адресант → адресат». И лишь благодаря работам психолога А. Егидеса эта связь логично была представлена как взаимообусловленный процесс «адресант ⇔ адресат» [2].

Конфликтная реплика человека является частью общей коммуникативной цепи «акция → реакция». Но в художественном дискурсе выявляется стремление автора, как личности, к разъяснению посредством знаков языка своего понимания конфликта, что и воспроизводится в репликах персонажей. Межличностный конфликт в реальности – это двусторонний процесс, в художественном произведении – трехсторонний, так как в нем взаимодействие персонажей отражает и учитывает авторское видение конфликта и способов его решения. Поэтому для понимания данного феномена необходимо выявлять и принимать во внимание связь между конфликтантами соответственно схеме «автор/адресант ⇔ автор/адресат», где конфликтные реплики являются частью несколько иной коммуникативной цепи «авторская акция → авторская реакция». Принадлежность автора к конкретной культуре, его индивидуально-психологические особенности, возраст, пол и др., как и авторский сюжетный замысел, определяют выбор языковой оболочки, реализующей всю конфликтно-генную формулу.

Актуальность нашего исследования обосновывается необходимостью развития конфликтологического знания, уточнением некоторых обобщающих лингвистических исследований конфликтной межличностной коммуникации в различных видах дискурсивной деятельности. Цель настоящей работы состоит в выявлении и анализе знаков языка, которые отражают авторскую позицию в описании конфликтной коммуникации персонажей. Источником из-

учения послужили прозаические произведения украинских писателей начала XXI века.

Исследованный материал позволяет нам сделать первый и несколько неожиданный вывод: гендерный аспект не влияет на выбор автором знаков языка для описания конфликтной коммуникации своих персонажей. В этом плане наиболее показательным является лишь использование в речи персонажей лексики негативной оценки (пейоративной и инвективной). Выбор автором пейоративов основывается только на возможности негативно «оценивать» личности собеседников, превращая их процесс общения в конфликтное взаимодействие (например, оценка «лживость» (*брехло, брехун*), «неуважение к божьим законам» (*безбожник, богохульник*), «неряшливость» (*недбайло, паршивий*), «чрезмерный (недостаточный) рост» (*одоробло, карлик, шпала*) и др.), а инвектив – как сознательного оскорбления, затрагивающего достоинство оппонента, унижающего его (например, оценка «жестокость, грубость, лень, жадность» (*борзий, волоцюга, гнида, жлоб, зашуганий, криса, падлюка, погань, сволота, урод*) и др.). Эти элементы помогают создавать характеры персонажей в тестах С. Андрухович, С. Бортникова, Л. Дереша, С. Жадана, Б. Жолдака, О. Забужко, Ю. Издрика, Л. Подервянского, С. Процюка и др.

Особый момент, на который обращают внимание авторы, это культурные требования, ограничивающие использование обсценной брани женщинами, в то время как мужчины могут прибегать к ней. Не наблюдается различий и в системе доминантных оценок персонажей по половому признаку у авторов-мужчин и женщин. Оппонент мужского пола неизменно «оценивается» с позиций: «умственная ограниченность» (*дурень, дебіл, придурок*), «бедность» (*голодранець*), «жестокость» (*звірюка, садист*), «подлость» (*негідник, мерзотник, тварина*), «внешняя непривлекательность» (*пикатий, носатий, миришавий*), «невоздержанность» (*алконавт, алкашист, бухарик, наркоша*), «нетрадиционная сексуальная ориентация» (*голубець, гом, гомосек*). Оппонент женского пола характеризуется с позиций: «умственная ограниченность» (*дурепа, ідіотка, курка*), «излишний вес» (*корова, товстожопка*), «внешняя непривлекательность» (*задрипанка, патлата, свиня*). Резко осуждается сексуальная невоздержанность (*сука, шлюха*), но в конфликте такие лексемы нередко обращены к женщинам, которые не имеют никакого отно-

шения к распутному образу жизни. Почему эта лексика столь популярна в текстах современных авторов? Сложно ответить на этот вопрос однозначно, но мы соглашаемся с выводом украинской исследовательницы Л. Ставицкой, которая говорит, что «новое поколение писателей соревнуется между собой, как далеко можно зайти в нарушении общепринятых запретов» [4. С. 55].

Еще один аспект в авторском описании конфликтов может быть связан с использованием персонажами русизмов, которые, попав в украинский язык, спровоцировали появление суржика. Он влияет на многие сферы жизни украинцев, а проявляясь в художественном дискурсе, нередко формирует антиобразы современников (это бандиты в притче «Храм на болоте» Г. Тарасюк и в романе «Кандалы для олигарха» Л. Кононовича, воспитательница из романа «Семга» С. Андрухович, партийные «деятели» из романов «Кляса» П. Вольвача и «Черный Ворон» В. Шкляра и др.). В Украине все же осталось совместное с Россией культурно-языковое пространство, в котором «деформируется» современная языковая ситуация. Но в конфликтной коммуникации суржик играет специфическую роль – это не только языковой маркер конфликта, это элемент выделения персонажа, показатель его принадлежности к определенной речевой «группе». Суржик позволяет автору «поместить» персонажа, который сам пользуется подобными языковыми знаками, в такое языковое пространство, где ему «комфортнее» в конфликте, где его коммуникативная интенция формируется соответственно его субъективной картине мира, где воздействие на оппонента усиливается, особенно если такая система близка и для последнего, где декодирование конфликтно-направленной информации происходит быстрее.

Оценочная лексика и суржик позволяют автору не нарушать коммуникативную конфликтную «симметрию» оппонентов. Эти компоненты модусной части конфликтного дискурса влияют на формирование его системы, его «правил», которые будут для каждой ситуации и цепочки «адресант → адресат» своими. Можно утверждать, что авторская репрезентация конфликта основывается на определенной закономерности: чем больше коммуникативная «асимметрия» между персонажами, тем ярче «выглядит» конфликт, и наоборот. Причем в авторской позиции учитывается, что вербальная агрессия в конфликте может находиться в

состоянии относительного «равновесия», если обе стороны взаимно используют лексику одного оценочного вида (причем это могут быть не только собственно оценочные слова со значением «плохо», но и лексемы, включающие оценочную сему как один из элементов своего значения) или суржик, так как эти знаки свидетельствуют об отнесенности конфликтантов к одной речевой «группе». И наоборот, отсутствие в речи конфликтантов подобных знаков, взаимное соблюдение норм речевой культуры включает их в другую «группу», со своими «правилами» и иной плоскостью «симметрии». Становится очевидным, что структура и семантика конфликтной коммуникации определяется прагматической ситуацией, в которой она реализуется.

На синтаксическом уровне выбор авторами определенных конструкций зависит только от конфликтной модели «поведения» персонажей. Деструктивная модель представляется конструкциями, выражающими категоричность суждения, навязчивые вопросы, выспрашивание, повторы, изменение темы, отказ от общения, манипуляцию, обман (например, вопросительные предложения выполняют информативную, контактную и эмоционально-экспрессивную функции в конфликте (*Хто приймав пологи? Чоловік? Він що, лікар?*)), повтор обусловлен эмоциональными и смысловыми факторами, направленными на подчеркивание общего содержания и усиление экспрессивного звучания текста (*Яка ти потвора, яка ти потвора; Я не був у Тисовці! Я ніколи не був у Тисовці!*). Не избегают авторы и побудительных конструкций, отрицаний, служащих заявлением о несогласии с кем-нибудь, возражений, передающих разные эмоции, негативную оценку (*Не піду! Не піду! Боюся!; Ти нічого не вмієш, не тямиш і не розумієш!*). Синтаксис конфликта активно включает и неполные, неосложненные, односоставные предложения (*Аякже! Усе кину!; Луїзо? Ти?; Заздриш!; Боже!*).

Конфликт в художественной литературе и в реальности не конгруэнтны, но «площадь» их совпадений велика. Мир художественного произведения имеет собственные внутренние «законы» на разных уровнях содержания и формы. В некоторых случаях писатель, как бы «отстранившись» от своих персонажей, может «позволить» им использовать в конфликте любые знаки языка. Но, как видим, чаще всего автор реализует свое понимание «правил» кон-

фликтного взаимодействия, которое не столько отражает его внутренние психологические и языковые резервы, сколько является ментальной репрезентацией концепта «конфликт» в сознании носителей украинской лингвокультуры.

Список литературы

1. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984. 268 с.
2. Егидес, А. П. Психотехника синтонного общения [Электронный ресурс]. URL: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html.
3. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб., 2007. 648 с.
4. Ставицька, Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми. Евфемізми. Сексуалізми. К., 2008. 455 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 129–132.*

И. А. Голованов

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ МАСТЕРА В РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА И СКАЗАХ П. БАЖОВА

Рассматривается онтологическая проблема становления мастера в творчестве русских писателей. Автор утверждает, что П. Бажов и А. Платонов по-разному решали ее, опираясь на народную традицию и/или на собственное мировидение и эстетические принципы.

Ключевые слова: *эстетический принцип, фольклор, мотив, мастер, ученик, А. Платонов, П. Бажов.*

Творческие поиски героя времени побуждают писателей обращаться к проблеме обретения персонажами самих себя и смысла жизни. После 1917 года, когда произошел распад бытия, на повестке дня остро встал вопрос о способности мира к самовосстановлению, воскрешению (по Н. Федорову). Одним из аспектов этой глобальной проблемы выступает тема мастера и мастерства. Судьба мастера дает возможность автору поставить (а иногда решить) целый комплекс философско-эстетических и нравственно-этических вопросов.

В конце 1920-х годов к теме мастера и мастерства в русской литературе и публицистике обращаются М. Булгаков, А. Платонов, П. Бажов и другие художники (см. об этом: [5; 6; 10]). В этот период вновь обострился вечный конфликт между мыслью «живописующей» и мыслью «истолковывающей». Как отмечает Г. А. Белая, в послереволюционные годы само понятие «смысл» нередко отождествлялось с чем-то головным, рассудочным, умозрительным, априорным [2. С. 4]. Писатели

порою объявляли главным в своем творчестве «борьбу с мыслью», противопоставляя мысли «метод бездумности», так как думать – значит «извлекать» что-то из себя, а не из объективного мира. Следовательно, творить – то же, что выдумывать и, в конце концов, лгать. Итогом дискуссии стало понимание, что никто не обладает совершенным знанием о жизни, передающимся от учителя к ученику.

Другой аспект проблемы М. Булгаков поднимает в романе «Мастер и Маргарита», когда вкладывает в уста своего героя ключевые для понимания смысла той эпохи, для раскрытия самоощущения советской интеллигенции слова: «Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там» [3. С. 66]. Московская интеллигенция ощущала себя ограбленной не материально, а духовно – у нее украли свободу, как у самого Булгакова – свободу творчества.

А. Платонов в 1920-е годы формулирует свои эстетические принципы. Они связаны с

представлением о «кипящей Вселенной», в которой прежний человек утратил свое право на «уединенное и бессознательное» существование, и наступает следующий этап – *антропокосмизм*, единство живших и живущих с природой, космосом. Новый человек обретет сознание, подчинит себе природу, сделает окружающий мир разумным, новый человек станет мастером жизни, то есть в полной мере Человеком. В «Книге о великих инженерах» Платонов писал: «Особенно же нас интересовал бы образ человека, совмещающий в одном лице и мастера исследовательской, конструкторской мысли, и мастера физического труда» [8. С. 94].

В стихотворении 1925–1926 годов «О голом и живом» А. Платонов пишет о коллективном герое «Мы», который правду, истину не вымалчивает, не ищет по свету, а «делает» ее, как мастер трудом творит новое: «И весело на свете быть голым и живым – / Таким вот, от которых и горе устает, / Не мудрым, не прекрасным, / А – сильным и простым, / Не богомольцем правды, а мастером ее...» [7. С. 422].

В рассказе А. Платонова «Демьян Фомич – мастер кожаного ходового устройства» заглавный герой живет «старинным занятием» – сапожничает, при этом, как это часто случается в платоновских произведениях, он оказывается природным философом, мудрецом, обладающим определенным уровнем рефлексии и языкового сознания: «Дратва – стерва – долго его удручала своим наименованием, пока он не притерпелся» [7. С. 39]. Другие важные черты характера героя – раздражительность и гневливость («сердечное остервенение»), которые тоже приходилось «стерпливать и вымалчивать», как он «стерпывал и вымалчивал» «время и дни», «подвигаясь к ижице», то есть к концу своей жизни.

Предки Демьяна Фомича «четыреста лет наращивали стаж и квалификацию». Среди них были и те, кто своим «знаменитым мастерством» [7. С. 41] вошли в историю России: Никанор Тесьма «делал сафьяновые полусапожки Иоанну Грозному», другой, имя которого неизвестно (вероятно, из-за запрета произносить), «чинил сапоги Степану Разину», а дед Демьяна «по прозвищу Серега Шов, великий мастер и изобретатель», был «сподвижником» Барклая-де-Голли, встречался и имел беседу «в Москве с Наполеоном». Все это определяет судьбу главного героя. Он идет по стезе предков, которые утвердили славу рода: «Талдомский са-

пожник везде дело найдет и не изгадит его, а доведет до почитания» [Там же]. Демьян Фомич, который и ремесло знал, и работал «как во сне, думая о третьих лицах и вещах», решил «изменить исторический курс своего рода-племени» [Там же]. Двадцать лет он мучился и теперь почувствовал в себе силы не ремесленника, а мастера человеческой жизни: «Я хочу написать сочинение, самое умное – для правильного вождения жизни человека» [7. С. 42].

Рассказчик, увлеченный идеями Демьяна Фомича, предвкушает будущий взрыв «мозговой энергии», которая создаст новое качество жизни: «Его мысль будет необыкновенной и правдивой – столько лет скапливался и сгущался опыт и мозг столько людей...» Но мечтам не суждено было сбыться. На следующий день рассказчик видит своего мудреца пьяным, показывающим «фокусы», веселящим толпу. Грустно и примиряюще звучат в повествовании слова о пьяных мастерах: «Я с детства знал, по отцу, что такое пьяный мастеровой человек – это невыносимо, говорят. Но я люблю пьяных людей, это искреннее племя, и пошел с Демьяном Фомичом разговор договаривать и чай пить заодно». Видно, не всем дано претворить многовековую истину о праведной жизни. Знать о ней знают, но обрести, сделать реальностью не могут. Платонов, как и во многих других своих рассказах 1920-х годов, видит причину жизненных проблем русского народа в бессознательности его существования до революции 1917 года, неосознанности целей и пути.

В рассказе «Луговые мастера» из того же цикла («Из генерального сочинения») важна не только динамика изменения крестьян деревни Гожево в плане обретения ими общего дела, но и попытка людей обрести новый смысл жизни. Название рассказа, в котором никто ни разу не будет назван мастером, рождает аллюзию на древнерусский сборник «Луг духовный», где ставятся отнюдь не материальные, а духовные проблемы. Однако у писателя труд из естественной потребности превращается в денежную нужду. Главное, как считает автор, быть мастером жизни.

В 1923–1924 годах П. П. Бажов приступает к созданию цикла очерков «Уральские были», где вспоминает о событиях своего детства и молодости конца XIX века. В этих очерках автор неоднократно обращается к «мнению народному» (по А. С. Пушкину) для определения сути тех или иных событий и фактов. Особен-

но часто это происходит при создании образов «бар», заводчиков и их управляющих. «Заводские» люди называются «мастеровыми», «мастеровщиной», так возникает образ социальной среды, в которой происходит формирование мастерового человека как определенного социального типа. Но яркими, художественно полноценными носителями идеи мастерства окажутся герои бажовских сказов более позднего времени – 1930-х годов.

У Бажова мастер, профессионал формируется и достигает высокого уровня в прошлом, и почти всегда его образ сопряжен с «тайной» силой. Это объясняется устойчивым фольклорным мотивом связи представителей таких профессий, как кузнец, плотник, мельник, гончар, с потусторонними силами (см. об этом: [9. С. 22, 220]). Уровня мастерства, по Бажову, можно добиться упорством, трудолюбием, физическими усилиями, но достичь идеала, создать то, чего до тебя никто не делал, можно только в качественно иных условиях, которые определяются метафизическими, «иномира» требованиями и причинами. Это не каждому дано (тема избранничества реализуется и в рассказах А. Платонова).

Так кто же этот избранник судьбы у П. Бажова? По свидетельству исследователей биографии и творчества Бажова, писатель знал античную литературу и, следовательно, был знаком с античными категориями «фатум» и «рок». Другой важный вопрос для Бажова: зачем этот дар судьбы – талант и искусство? Трагизм ситуации возникает не из-за социальных причин (бедность, нужда), а от личной воли, желания героя создать нечто идеальное, изделье *неземной* красоты. Так родовое, общинное преодолевается героем, он стремится выйти за рамки традиционного (ремесленного) уровня и достигнуть уровня искусства. Необычность ситуации в том, что герою на этом пути необходимо пройти путь испытаний, искусства. Мотив искушения становится одним из ключевых структурных элементов сказов П. Бажова.

В цикле «Хозяйка Медной горы» Бажов пишет о прошлом, но прошлое для него не экзотика, не яркий мир чудес и фантастики, а возможность сказать о ценностях духовных.

У Платонова место действия – мастерская, депо, строительство, но и деревня; в центре внимания и крестьянский труд, и труд рабочих, машинистов, людей мастеровых. У Бажова изображен труд мастеровых, рудокопов, камнерезов и т. д., но это, как правило, бывшие крестья-

не – те, кто в прошлом выкупился и занимается ремесленным трудом, но все же чаще те, кто находится в крепости. У Бажова это данность, поэтому в таких условиях особенно важно обрести внутреннюю свободу, которая связана со сферой профессиональной, с мастерством.

У Бажова мастер – это категория прежде всего профессиональная, но в любом ремесле, по его мысли, не обойтись без этического, нравственного критерия (сказ «Горный мастер»), тем более если ты претендуешь на создание образца, идеала. И все-таки красота, по Бажову, – категория, подчиняющаяся правилам человеческой жизни, а не «тайных», «нездешних» сил или Хозяйки Медной горы.

В сказе «Каменный цветок» с первой строки задается тема и тон повествования: речь пойдет о мастерстве. «Не одни мраморски на славе были по каменному-то делу. Тоже и в наших заводах, сказывают, это мастерство имели». Бажову важно подчеркнуть повсеместность «мастерства» на Урале и в то же время – его «особицу», «различку»: «...наши больше с малахитом возгались» [1. С. 40]. Если в сказе «Медной горы хозяйка», «Малахитовая шкатулка» слово *мастер* не встретилось ни разу, то в «Каменном цветке» уже в экспозиции в фольклорных традициях констатируется, что мастер Прокопич «по этим делам первый», «лучше его никто не мог» [Там же].

В сказе «Каменный цветок» семантика многоаспектного слова «мастер» раскрывается постепенно, читатель вместе с героями проходит путь становления мастерства. Чтобы достичь истинных высот ремесла (или глубже – профессионального знания), мастеру необходимо учиться с малых лет. У П. П. Бажова старый мастер Прокопич получал «парнишек на выучку», но дело передачи знаний, умений и навыков долго не шло: у ребятшек, которых приказчик подбирал для освоения малахитного мастерства, «глаз <...> неспособный», «рука не несет». Помимо «глаз» и «рук», необходимой составляющей кандидата в мастера должно было быть здоровье: «Что сказать, нездорово это мастерство с малахитом-то. Отравы чистая» [1. С. 41]. Таким образом, первый этап «происхождения мастера» (А. Платонов) – неременная коллизия *учитель – ученик*. И здесь для не подходящих под требования ни затрещина, ни подзатыльник – ничто не поможет, если ученик не чувствует камня, не осознает возможности инструмента: «Вот так и дошло дело до Данилки Недокормышы» [Там же].

Оказывается, у старого мастера есть в арсенале другой набор педагогических средств: забота, внимание, терпение и прозорливость. Понятным становится, что рукоприкладство Прокопича – это прием контраста, выделения, подчеркивания серьезности отбора: не каждому дано стать мастером. С этого момента возникает тема избранничества, предуготовленности судьбы героя. Данилко постепенно, набираясь сил и здоровья, оттачивает глаз и набивает руку, осваивает ремесло.

Второй аспект семантики мастерства связан со значением «ремесленник»: «Ну, глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватит – хорошо идет дело» [1. С. 50]; появился «новый мастер по малахитному делу» [1. С. 48]. «Новый», оказывается, еще не значит настоящий. Новый – это прежде всего «такой, как все». Данилка такого признания добивается, но хочет другого – красоты, то есть стремится стать художником, творцом, а не копиистом, не идти вслед за природой, а создавать самому: «Тут вот Данилушке дума и запала. Не нами сказано – чужое охаять мудрости немного надо, а свое придумать – не одну ночь с бока на бок повертись».

Оказывается, творчество может мучить, искушать, и слабый человек этого искушения не выдержит. Следовательно, третий этап становления мастера требует от него быть человеком, то есть обладать определенным набором нравственных качеств. Именно поэтому П. П. Бажов проводит своего героя через целый ряд испытаний. Хозяйка Медной горы искушает Данилу по закону фольклорной традиции трижды. Эта центральная часть проблематики сказа решается с опорой на «мнение народное» (А. С. Пушкин), на народные представления о добре и зле, о правде и кривде (подробнее см.: [4]).

Подводя итог наших рассуждений, отметим, что в художественном исследовании темы мастерства у А. Платонова и П. П. Бажова наблюдается много общих подходов, но есть и принципиальные различия. Герой Платонова обретает мастерство как способность к новой жизни, которой не было до сего времени. И судя по рассказам цикла «Из генерального сочинения», родовое, цеховое, профессиональ-

ное может не иметь ключевого значения для рождения Мастера. Мастер, по Платонову, – это прежде всего новое сознание.

П. Бажов в поисках истоков мастерства ставит своего героя в ситуацию необходимости идти против профессиональных традиций, ради достижения целей вступать в «сговор» с «тайной силой» природы, но в итоге оказывается, что красота, идеал принадлежат миру людей, и если мастер не достигает совершенства, то проблема кроется в нравственной плоскости.

Список литературы

1. Бажов, П. П. Голубая змейка: Уральские сказы. Челябинск, 1970. 235 с.
2. Белая, Г. А. Закономерности стиливого развития советской прозы. М., 1977. 254 с.
3. Булгаков, М. М. Избранные соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1997. 704 с.
4. Голованов, И. А. Структура и константы фольклорного сознания // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 6 (74). С. 267–274.
5. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность как смысловая доминанта в сказах П. П. Бажова // Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург, 2007. С. 328–333.
6. Гришин, А. С. Тема мастерства и образ мастера в творчестве М. Булгакова и А. Платонова // Пятые Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры : материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. Челябинск, 2011. С. 109–113.
7. Платонов, А. Усомнившийся Макар : Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / под ред. Н. М. Малыгиной. М., 2009. 656 с.
8. Платонов, А. Фабрика литературы : литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко. М., 2011. 720 с.
9. Славянские древности : этнолингвист. слов.: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. 704 с.
10. Яблоков, Е. А. Homo Creator – Homo Faber – Homo Spectator (Тема «мастерства» у А. Платонова и М. Булгакова) [Электронный ресурс]. URL: <http://eajablokov.ru/article17.html>.

ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ (по данным русского песенного фольклора)

Раскрываются особенности восприятия войны, военной эпохи и человека на войне в русском песенном фольклоре. Объектом изучения выступают народные песни военной тематики по записям XX века, а также тексты литературного происхождения, подвергшиеся фольклоризации.

Ключевые слова: фольклор, песенный текст, национальное сознание, концепт, концептуальные доминанты.

Песенные тексты своеобразно отражают и преломляют исторические события и связанные с ними реалии. По замечанию А. П. Аникина, «в песне слово соединяется с музыкой, звуками, мелодией, доводя чувство, выражаемое пением, до известной степени ясности и определенности» [1. С. 527]. С помощью вербальной составляющей в песне создаются зримые образы зафиксированного в памяти людей опыта через призму разделяемых ими ценностей и идеалов.

Рассмотрим в соответствии с таким пониманием содержание концепта «Война» как одного из ключевых концептов национального сознания.

Война традиционно становилась предметом изображения в русском фольклоре, начиная с былинного эпоса. Здесь получили отражение особенности снаряжения русских воинов, приемы ведения боя. Описанию подлежали прежде всего «общие места» подготовки к битве русских богатырей и типичные моменты организации поединка: седлание коня, выезд богатыря, бой. Былинные тексты не давали индивидуализированной информации, которая станет характерной для другого жанра фольклора – исторических песен. Исторические песни содержали сведения о военных походах, военном быте, о поведении конкретных военачальников и наделяли их соответствующими оценками с точки зрения народа (см. подробнее: [4]).

Наряду с историческими песнями как особым устно-поэтическим жанром, унаследовавшим эпическое былинное начало, в русском фольклоре формировался жанр лирических песен, в составе которых с XVIII века значительное место заняли солдатские и рекрутские песни [1; 7; 9]. В них выражалось отношение солдат к службе, запечатлены драматические моменты в их судьбе (забывание в рекруты, прощание с семьей, разлука с любимыми),

эстетически осмыслена гибель солдат на поле боя и смерть от тяжелых ран.

В традиционных солдатских песнях акцент делался на тяжести военного быта, на ратном труде воинов, на тоске солдат по родной земле и дому. Достаточно привести наиболее характерные для народных песен сочетания: «походы частые, дальние», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горючие», «горе горькое кукушечье», «грозна служба государева», «горче полыни служба царская», «кровь горячая – умываньице». Война и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях «великой невзгодушке», ненастью – снегу, буре, ветру, грозе – с раскатами грома и тучами во все небо. То же сохраняется и в песенных текстах XX века: «покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня» [12]. Водные образы: море, река, дождь, туман – выражали в песнях печаль, тоску, горечь разлуки («бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая» и др.).

Символическая образность, характерная для солдатского песенного фольклора, получила своеобразное преломление в казачьих песнях. Казаки как особое военно-служилое сословие сформировали новое отношение к воинскому быту и военным традициям в русской культуре. Война для них стала естественным продолжением их служения отечеству, отражала особенности их мировосприятия. В казачьих песнях воспроизводились лучшие качества русских воинов – удалство, отвага, братская взаимопомощь: *Что ни соколы крылаты / Чуют солнечный восход – / Белого царя казаки / Собираются в поход. / Взор их мужеством пылает, / Грудь отвагою полна* (Как двенадцатого года); *Медна трубонька тут вострубила, / Эй, грозовая пушечка тут возгаркнула. / Сила-армия во поход пошла* (На заре-то было); *Как по линии уральской / Не сизой орел летал, / Он нам весточки приносит, / Царя белого при-*

каз: /«Двум полкам идти в поход! / Ружья новые, пистоны, / Шапки острые иметь» (Сине море зашумело). В кругу песен военной тематики устойчивыми становятся сюжеты с мотивом вещего сна, разговора с конем или черным вороном.

Эмоциональный подтекст солдатских и казачьих песен наиболее полно раскрывается в осмыслении главных для них концептов «смерть» и «бой» через традиционные крестьянские образы свадьбы и пахоты. Так во многих русских песнях поле битвы предстает как пашня: *За Утвою / Распахана была тут пашенка. / Яровая. / Распахана была эта пашенка / Не плугом, не сохою. / Распахана была эта пашенка / Казачьими стальными саблями. / Заборована была эта пашенка / Казачьими стальными копыями. / Приутоптана была эта пашенка / Казачьими добрыми конями, / Засеяна была пашенка / Казачьими головами* (Как за реченькой за Утвой).

Другим традиционным для песенного дискурса мотивом является «женитьба на другой»: *Как женила его шапка вострая / Первенчала его пулюшка быстрая. / Красное солнышко – родная маменька, / Да светел месяц – родный тятенька, / Частые звездочки – братья-сеструшки. / А как белая та заря – молодая жена. / А кроватушка его – мать сыра земля, / А постелюшка его – мать ковыль-трава, / Одеядушко его – темна ноченька* (За Кубанью за рекой).

И в том, и в другом случае наряду с уподоблением наблюдается противопоставление, то есть актуализируются *антиконцепты*. Под этим термином подразумевается такой производный концепт, в составе которого часть значимых, конститутивных признаков исходного концепта замещается новыми (при сохранении остальных): «поле боя» выступает антиконцептом по отношению к «пашне», концепт «смерть воина» противопоставляется содержанию концепта «свадьба».

Первые два концепта объединяются признаками «приложение физической силы», «значимость для продолжения жизни», «страдание», а различаются характером (созидание – разрушение) и основными орудиями деятельности. Во втором случае свадьба, мифологически осмысливаемая как смерть (умирание) главных ее участников в одном качестве и их рождение в другом, словно воспроизводит свое древнее значение перехода, но с изменением результата (переход из одного мира – мира людей,

в другой – мир природы). Понятность каждого из этих образов для человека, возможность их прочувствовать и заново пережить делает их одновременно глубоко личными и коллективными, обнажает сокровенные для человека смыслы.

В целом, для народного песенного дискурса, связанного с войной, весьма характерны приемы художественной выразительности, сложившиеся в традиционной лирической песне: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность – все это сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Однако наряду с этим изображение войны в песнях с течением времени становится все более реалистичным. В частности, в текстах постепенно закрепляется ассоциация войны с огнем и дымом: *Что за грозная туча подымалась, / Что не черные облака сходились – / Что подымался выше облак **черный дым*** (Что победные головушки солдатские). В XX веке этот знак-индекс становится устойчивым маркером войны, на его основе возникает осмысление войны как ада на земле: *Смерть(ь) косит / и косит людей без числа / Земля словно **зделалас(ь) адом***... (Ревет и грохочет мортира вдали).

Наибольший интерес в настоящем исследовании представляют народные песни о войне в записях XX века, включая песни литературного происхождения, подвергшиеся фольклоризации, поскольку именно в них получили закрепление национальные особенности восприятия и оценки этого феномена [2; 3; 6; 10; 12; 15].

Как показал анализ, песенный фольклор о войне транслирует главные для русской культуры смысловые константы: идею сопричастности человека к судьбе страны, стремление к добру и красоте, тягу к справедливости [5]. В соответствии с этим в рассматриваемых песенных текстах нами выделены три концептуальные доминанты:

- **доминанта общей судьбы** (где важное место занимают концепты «Время», «Дорога», «Родная земля» и др.),
- **доминанта воинского подвига** (с ключевыми концептами «Мужество», «Самопожертвование», «Справедливость», «Враг» и др.),
- **доминанта духовной гармонии и фронтового братства** (ключевые концепты «Дом», «Мать», «Любимая», «Дружба»).

Названные доминанты могут быть представлены в разных песенных текстах, служа

объединяющим, организующим их началом, либо сойтись в одной песне, определяя ее емкое, многоаспектное содержание.

Первая доминанта обобщенно выражена в наличии в текстах местоимения «мы». Это присуще большинству песен о войне: *Двадцать второго июня / Ровно в четыре часа / Киев бомбили, нам объявили, / Что началась война...* (Двадцать второго июня). С одной стороны, война – событие, которое каждым ее участником воспринимается и глубоко переживается по-своему, не случайно говорят: «война у каждого своя». Но с другой стороны, в песенных текстах запечатлен коллективный образ войны, представлено ее восприятие рядовыми участниками событий.

Приведем в качестве примера текст военной песни из солдатского песенника начала XX века, отражающий настроения Первой мировой войны: *На взморье мы стояли / На германском берегу / На взморье мы смотрели / Как волнуется волна / Не туман ли с моря всходит / То сильный дождичек шумит / Посулился цар(ь) германской / Русско войско победит(ь) / Вреш(ь) ты вреш(ь) ты враг германец / Тебе русских не побить / У России войска много / Русский любит угостит(ь) / Угостит свинцовой пулей / На закуску стальной штык / Штык стальной четырехгранной / Груд(ь) германскую пронзит* (На взморье мы стояли) [15. С. 435]. В этом тексте, как видим, воспроизводится традиционная символика моря, тумана как предвестия беды, а также восходящий еще к историческим песням мотив «угощения». Ясно выражен в этой песне и образ врага (*враг-германец*), который не детализируется, но вызывает однозначную оценку у поющих. Как свидетельствуют записи, аналогичный текст исполнялся и в годы Великой Отечественной войны: *На взморье мы стояли, / На российском берегу, / Долго-долго мы смотрели, / Как волнуется река. / Не туман с моря поднялся, / Нет, не дождик моросил. / Из-под этого тумана / Враг-германец выходил...* (На взморье мы стояли) [12. С.349].

Сходным образом раскрывается отношение к врагу в другой песне начала века: *Пойдем вперед ребята / Помощник с нами Бог / Собьем мы супостата / И впух их разобьем <...> Пришли на те поляны / где кров(ь) лилас(ь) рекой / Где русские дружины / Дралис(ь) за Край родной <...> Уж пушка вестовая / О смерти говорит / А пуля роковая / Нас с жизнью примирит* (Полночь наступает). В конце песни от

коллективного «мы» текст переходит к лично-му: *Прощай моя невеста / Родительский мой дом / Мне к вам не воротит(ь)ся / Свинец свистит кругом*. Так сдержанно, скупое, без лишней экзальтации в песне выражена решимость солдат умереть за родину. И личное здесь неотделимо от общего.

Обращает на себя внимание, что в подавляющем большинстве песенных текстов XX века образ войны рисуется через описание огня, горящих домов, дыма пожарищ и пепелищ: *Горит земля, охваченная дымом, / Объята Родина войной* (Горит земля, охваченная дымом); *Родина послала в бурю огневую* (Слушайте, отряды, песню фронтовую); *Не боимся мы ни пули, не огня, / Кровь геройская лилася, как река* (Из-за лесу, из-за гор); *Задымился алый горизонт* (Катюша, переделка); *Через реки, горы и долины, / Сквозь пургу, огонь и черный дым / Мы вели машины. / Обьезжая мины, / По путям-дорогам фронтовым* (Дорожка фронтовая); *Эх, тридцатьчетверка и грозный КВ, / Как брат и сестренка, идут по траве, / Сквозь темные чащи, сквозь пламя идут, / Забытое счастье планете несут* (Сердце танкиста); *С «лейкой» и блокнотом, / А то и с пулемётом / Сквозь огонь и стужу мы прошли* (Песенка военных корреспондентов); *Вьется пыль над сапогами – степями, полями, / А кругом бушует пламя / Да пули свистят* (Дороги).

Именно пожирающая сила огня, несущая разрушение, боль и смерть, становится в песнях символическим выражением войны. На эту значимую особенность репрезентации концепта «война» в русской культуре обратила внимание В. А. Маслова, посвятившая этой теме часть своей книги [11]. В метафоре огня символ и реальность слились воедино.

Важно отметить, что упоминание дыма и пожарищ в песенных текстах необходимо не само по себе: на этом фоне четче, рельефнее проступает величие солдата, его мужество перед лицом смертельной опасности. В песнях воссоздается обобщенный образ воина и через него всей страны, не дрогнувшей в час тяжелых испытаний: *Взлетает земля и клубится как дым / И грохот звучит не смолкая / Но молча живыя пред смертью стоят / И знамя их поднято гордо / Не дрогнет наш русский великий солдат / И натиск врага встретит твердо* (Ревет и грохочет мортира вдали).

Традиционно в лирических песнях о войне используется образ дома, актуализирующий «свое», привычное, «близкое» пространство:

В атаку стальными рядами / Мы поступью твердой идем. / Родная столица за нами, / За нами родимый наш дом (Песня защитников Москвы); *Пробьет победы час, придет конец похода, / Но прежде, чем уйти к домам своим родным...* (Песня артиллеристов).

Под разными названиями в сборниках песен военных лет и современных региональных сборниках содержатся тексты, воспроизводящие один и тот же сюжет – возвращение в родной дом отца и сына: *На горе стоит избышка, / Избушка та мала. / Во той малой избышке, / Там вдовушка жила. / Пришли к ней два товарища, / Просились ночевать: / «Любимая хозяйюшка, / Пусти нас ночевать».* / *«Я печку не топила / Гостей я не ждала. / Я в поле работала / Домой поздно пришла».* В одном из вариантов этой песни, записанных на Южном Урале, есть строка, указывающая на старинный ее характер: *Давно ль, давно ль, хозяйюшка, давно ль ты вдова? - / В двенадцатом годочке была сильна(а) война* (имеется в виду 1812 год) [6. С. 43]. В фольклорном сборнике, посвященном Великой Отечественной войне, зачин песни несколько другой: *Там солнце закатилось / За темные леса / Где птахи песни пели / На разны голоса. / В одной, в одной деревне / Там вдовушка жила, / Пришли к ней два героя, / Просились ночевать...* [12]. Узнавание героев, по традиции, происходит в конце и оказывается главным переживанием этой песни: *«Встречай, встречай, хозяйюшка, / Ты мужа своего. / Прижми к сердцу поближе / Сыночка своего!»* / *«Я мужа не узнала, / Он сильно стал седой, / А сына не узнала, / Какой он стал герой»* (Там солнце закатилось).

Слезы в песнях выступают символом бесчисленных страданий в годы войны: *Повстречали – огнем угощали. / Навсегда уложили в лесу. / За великие наши печали, / За горячую нашу слезу* (Ой, туманы мои, растуманы); *Я на подвиг тебя провожала, / Над странюю гремела гроза. / Я тебя провожала / И слезы сдержала, / И были сухими глаза* (Я на подвиг тебя провожала); *Бьет фашистский сброд Украина-мать / Партизанкою по Днепру, / Скоро выйдет вновь сыновей встречать, / Слезы высохнут на ветру* (Песня о Днепре).

Таким образом, концепт «Война» в русском песенном фольклоре вербализуется с помощью разветвленной системы образных средств. Благодаря синтезу в песне музыкального и вербального компонентов эти образы воспринимаются и переживаются как глубоко личные, но при этом неотделимые от представлений об

общей судьбе, война предстает в песнях как «социально-личностное событие» [16. С. 66]. В целом песенный текст в художественной форме транслирует знания о войне через призму национальных ценностей, через особенности русского понимания и интерпретации мира.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество : учебник. М., 2011. 726 с.
2. Валиахметова, Т. А. Народные песни Южного Урала / Т. А. Валиахметова, А. В. Глинкин; отв. ред. Е. И. Голованова. Троицк, 2008. 248 с.
3. Глинкин, А. В. Песни оренбургских казаков: старые и новые записи / А. В. Глинкин, А. И. Лазарев. Челябинск, 1996. 266 с.
4. Голованов, И. А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 22 (160). С. 43–47.
5. Голованова, Е. И. «За себя и за того парня...»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях / Е. И. Голованова, М. А. Потапчук // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 13 (267). С. 29–33.
6. «За Уралушкой огонечек горит...»: Песни казачьих поселков Южного Урала / сост. А. Г. Серов. М. ; Магнитогорск, 2007. 312 с.
7. Кравцов, Н. И. Русское устное народное творчество : учебник / Н. И. Кравцов, С. Г. Лазутин. М., 1983. 448 с.
8. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. 414 с.
9. Лопатин, Н. М. Русские народные лирические песни / Н. М. Лопатин, В. П. Прокунин. М., 1956. 458 с.
10. Любовь-песня: Народные песни Южного Урала / сост. А. В. Глинкин, А. И. Лазарев. Челябинск, 1999. 191 с.
11. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск, 2004. 256 с.
12. Песни военной поры // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А. В. Кулагина, Л. Ф. Миронихина, Г. А. Шепелев. М., 2010. С. 349–388.
13. Русская народная поэзия. Лирическая поэзия : сб. / сост., подгот. текста, предисл., коммент. Ал. Горелова. Л., 1984. 584 с.
14. Русские народные песни : сб. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. Н. Розова. Л., 1988. 464 с.

15. Солдатский песенник Михаила Андреевича Круглова // Налепин, А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М., 2009. С. 429–454.

16. Эмер, Ю. А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. Сер. Филология. № 4 (20). С. 58–67.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 137–139.

С. Ю. Двинина

ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности художественного исторического дискурса постмодернизма. Приводятся различия в восприятии времени в разные эпохи, обсуждается взаимосвязь времени и движения, исследуется влияние пространственной ориентации на репрезентацию категории времени.

Ключевые слова: художественный дискурс, категория времени, темпоральная концептуализация, когнитивные модели времени.

Со второй половины XX века историческое знание начинает подвергаться критике: осознание того, что история может ошибаться, порождает в искусстве как интерес к «частной» истории, так и создание альтернативной истории, криптоистории. Правдивость и ложность исторического прошлого теперь не являются критерием оценки, а художественное произведение считается единством, напоминающим фразеологизм [1. С. 51].

Писатели постмодернизма пытаются осмыслить, как «настоящее» превращается в «прошлое», то есть в историю. Проблема времени становится одной из основных тем исследования. Вводится идея «вечного настоящего», когда «прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в едином временном акте» [1. С. 62]. Другими словами, нет преемственности эпох, нет поступательного движения времени, есть только всеобъемлющее время как часть непрерывного пространственно-временного континуума. Широкое распространение получает идея о существовании бесконечного количества потенциалов в каждой точке исторического процесса: «настоящее» неотделимо от «прошлого», реализация определенного события приводит именно к этой реальности, а не к какой-то другой, существующей в потенции.

На протяжении всей истории человечества разными народами время воспринималось по-разному: в нем видели и бесформенную, вечную субстанцию, и циклическую последовательность. Лишь позднее в сознании людей течение времени приобрело линейные черты, а затем и векторное направление [3. С. 105]. Современные исследования указывают на циклично-линейное восприятие времени как в русском, так и в английском языках [4].

Революцией в понимании времени стала теория относительности А. Эйнштейна, где время неразрывно связано с пространством. Специальная теория относительности говорит о возможности единого времени только в данной инерциальной системе отсчета, где все свободные тела движутся прямолинейно и равномерно. Значит, в разных «мирах», с разными системами отсчета, время будет течь по-разному. Общая теория относительности постулирует кривизну пространства-времени с присутствующей в нем инородной материей, другими словами, если отдельный «мир» испытывает влияние другого «мира», то пространство-время в нем искривится.

Данная теория находит свое воплощение и в литературе. Точка зрения, что время, как и пространство, не ждет своей очереди, чтобы «прозойти», а находится здесь, рядом, поблизости,

и «происходит» одновременно со всеми событиями во Вселенной, становится в умелых руках постмодернистов как ярким художественным приемом, так и философским воззрением. Например, в романе П. Акройда «Хоксмур» прошлое, начало XVIII века, и настоящее, конец XX века, сосуществуют одновременно: как единое с двумя реальностями, как свет и тень, – разные, но неделимые.

Образы света и тени, центральные в романе «Хоксмур», раскрывают свою сущность только при наличии определенных условий – зданий, являющихся творением архитекторов, кем и является главный герой Дайер. Следовательно, рассматривать временную организацию без учета окружающего пространства просто невозможно. Но связь времени и пространства весьма сложна. С феноменологической точки зрения, время является внутренним физиологическим опытом человека, хотя практически и не осознается. Однако с точки зрения концептуальной метафоры, это лишь абстрактная идея, которая выводится из наблюдений.

Источниками для темпоральных метафор часто служат пространство и движение: три измерения пространства и возможность передвижения в нем являются более продуктивными и выразительными, чем одна временная ось. К тому же даже простая интеграция пространства, движения и времени дает потрясающий эффект. Так, в примере «The church changed its shape as he came closer to it» наличие движения («changed», «came closer»), также свидетельствующего о ходе времени, изменяет перспективу – восприятие пространства: «<...> it ceased to be one large building and became a number of separate places – some warm, some cold or damp, and some in perpetual shadow» [5. С. 16], где завершение – «perpetual shadow» – особенно существенно, поскольку для архитектора Дайера нет ничего важнее тени, а тень, возведенная в вечность, для него наилучшее достижение.

Время – это концептуальная область-мишень, «заимствующая» структуру области-источника. При этом часто заключают, что вначале появилось понятие пространства, а лишь затем – времени. Пространство может являться не только источником для метафор времени, но и добавлять оттенки. Так, в предложении «All that Night I wandred in the open Fields, sometimes giving vent to my Passions in loud singing and sometimes sunk into the most frightful Reflections: for in what a Box was I?» [5. С. 8] созвучие «all that Night» и «in the open Fields» создают мир

бесконечно длящихся времени и пространства, а внезапное окончание «box» ограничивает как просторы местности, так и времени.

Следует отметить, что некоторые культуры связывают время с вертикальным измерением, однако восприятие времени в горизонтальном измерении более распространено, основой при этом являются корпоральные отношения «перед-зад» [4], реализацию которых можно наблюдать в следующих примерах: «Generally **after** work he left quickly...» [5. С. 41], «<...> **then** realised that he had put on his dark overcoat **before** leaving» [5. С. 43], «<...> each age has lost its **forefathers**<...>» [5. С. 124], «It had grown colder when he left the house the **next** morning» [5. С. 124].

Важным является и вопрос направленности времени. Так, время можно рассматривать не как ассиметричную «стрелу», а как симметричную [6. С. 245]: время становится обратимым, где настоящее может влиять на прошлое, или же настоящее может быть известно, а прошлое оказаться «ненаписанным»: «Hawksmoor stared at the page, trying to imagine the past which these words represented, but he saw nothing in front of him except darkness» [5. С. 125].

Восприятие времени тесно связано с понятием движения, которое в нашей жизни играет существенную роль: оно вездесуще. Как отмечает В. Эванс, наш зрительный аппарат воспринимает мир как «текущее прошлое», причем темпоральные концепты, связанные с траекторией движения, так же, как и эта траектория, могут быть изогнуты, а не простираться вдоль прямой линии [6. С. 202]. Движение может быть «приписано» как какому-то событию (event), так и субъекту (Ego), что отражается в когнитивных моделях времени «комплексное движущееся время» (Complex Moving Time) и «комплексное движущееся Эго» (Complex Moving Ego) соответственно [6]. Например, в примере «And the time came when Nicholas Dyer, architect, began to construct a model of the first church» [5. С. 1] первая часть предложения воплощает в себе модель «движущегося времени», а вторая часть – модель «движущегося Эго».

Над проблемой движения размышляет Л. Талми [7]. Он выделяет фиктивное движение (fictive motion), когда какое-либо движение «приписывается» физическим объектам, которые в действительности неподвижны. Л. Талми осуществляет классификацию лингвистических проявлений фиктивного движения и осо-

бо выделяет эманацию (emanation), сущность которой – в появлении чего-то неосознанного из объекта. При этом источник эманации определяется согласно активно-определяющему принципу (**active-determinative principle**): объект, проявляющий большую активность, считается источником движения. Данный принцип, согласно Л. Талми, является следствием нашей концептуализации деятельности: способность людей оказывать влияние на другие объекты проецируется и на неподвижные сущности. Эманацию, несущую в себе признаки поступательного движения времени, хотя иногда и с яркими вспышками, мы наблюдаем в следующем примере: «<...> there is only his heavy breathing as he bends over his papers and the noise of the fire which suddenly flares up and throws deep shadows across the room» [5. С. 1], где огонь является активным деятелем, а потому и «отбрасывает» тени, тем самым создавая пространственно-временную атмосферу.

Итак, нами рассмотрены основные характерные признаки времени. Однако другие признаки, основанные на метафорическом восприятии времени, о которых также говорит Т. К. Елизова, а именно: время есть сущность, которую можно чувствовать, видеть, ценить, ненавидеть, убить и пр. [2. С. 89], остались пока вне нашего анализа. В ходе работы мы сделали вывод о том, что следует различать то, как вре-

мя моделируется в сознании людей, и то, что оно есть по своей сущности. В первом случае можно постулировать одномерность времени и наличие в нем порядка, тогда как во втором случае эти характеристики неприменимы.

Список литературы

1. Барашковская, Ю. А. История и вымысел в английском романе 1980 – 1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 210 с.
2. Елизова, Т. К. Специфика научного концепта «ВРЕМЯ» в английском и русском языках // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2012. № 7 (18): в 2 ч. Ч. I. С. 87-89.
3. Лягушкина, Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: ВРЕМЯ и ДВИЖЕНИЕ // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 104-108.
4. Чугунова, С. А. Ландшафт времени в различных культурах // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (75). С. 57–64.
5. Ackroyd, P. Hawksmoor [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/author/akrojd-piter/hawksmoor-download-free-156162.html>.
6. Evans, V. The structure of time. Language, meaning and temporal cognition. Amsterdam, Philadelphia, 2007. 184 p.
7. Talmy, L. Toward a cognitive semantics. Vol. I. Cambridge, 2000. P. 99–175.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 139–142.

Н. О. Джуанышбеков

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В. МУРАТОВСКОГО В АСПЕКТЕ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье раскрывается структура языковой и поэтической личности В. Муратовского в когнитивно-прагматическом аспекте в контексте теории коммуникации и поэтики литературы.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивность, концепты, теория коммуникации, поэтика.

Структура языковой личности В. Муратовского на вербально-семантическом уровне предполагает нормальное владение естественным языком, в данном случае, русским. Но это не обычный средний литературный язык, а язык поэтический, следовательно, изучение

его необходимо связывать с поэтикой литературы.

В пятом классе учительница задала сочинение о лете. Вася написал короткое стихотворение об алматинском веселом лете, о прохладе горных речек, о жаркой прелести летних дней.

Так состоялось вхождение Муратовского в поэзию. Трагедия юности, когда Муратовскому в 20 лет грозил расстрел, который был заменен двенадцатью годами тюрьмы и лагерей, могли сломить любого. Но Муратовский не просто выжил, он смог сохранить в душе поэзию. Ему помогло не чудо, а любовь к Богу и природе, что в данном случае одно и то же.

На когнитивном уровне, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей, можно говорить об основных концептах поэзии В. Муратовского. Это «вода», «дерево», «поэзия».

«Я струйками дождя стекал по стеклам...» – писал он в камере, ожидая расстрела и прощаясь с близкими. Вот это растворение в природе органично для души поэта. Не случайно он утверждает, что рожден под знаком воды:

*Я – вода, меня легко запачкать...
Я – ручеек, который в болото
и из болота, такой же чистый...
Я – живой, как живое бессмертен,
знаем взятый – вернусь облаками...
Я согласен: не слышите, не верьте –
знаю: пьете большими глотками... [1. С. 20]*

Действительно, поэзия Муратовского – это родник в пустыне для жаждущего высокой поэзии.

На прагматическом уровне, заключающем цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности языковой личности Муратовского можно говорить о пейзажно-философской направленности его творчества. Муратовский – поэт природы: ему дороги и шум высоких тополей, и мрачность елей, и ручья веселье в таком узнаваемом алматинском горном ущелье, и символический Русский лес, и конкретный горный лес вблизи Медео, с памятными реалистическими деталями пейзажа («В горном лесу»). Степное ночное озеро сопрягается с отражением прибалхашской луны, полет летучих мышей причудливо связан с полетом крылатого сказочного льва. Лирический герой признается в родстве с вершинами Алатау, с «деревьями Родины моей».

Разговор с людьми и разговор с богом совершается на одном уровне. С богом он говорит «незримым облаком ночным, звездой, мерцающей в тумане», с людьми – «начну дождя-

ми нависать, деревьями шуметь над мукой...». Он остается с людьми «неистребимо как запах гари, запах лип...».

Когда лирический герой Муратовского чувствует, что он умер, он живет в том, что остается и передается как наследство, что вечно, как русский лес.

*Русский лес – приют отеческий,
Знахарь плачей и обид.
В лес приходит человечество,
когда каждый нерв горит. [1. С. 13]*

У Муратовского есть удивительные миниатюры, похожие на китайские картины тушью. Точно и сочно выписанные вишенки составляют фон, на котором изображена белая цапля с красным клювом. Она пребывает на золотом юге, изнемогая от зноя («Рисунок»).

А далее следует торжественная ода деревьям. Я не помню, кто в русской поэзии, кроме С. Кирсанова, так восторженно писал о деревьях. Мы с вами видим, «как листья медом выблистил клен», видим «сказочный дуб», может быть тот самый, из пушкинского Лукоморья, цветаевские рябины, ольху, как будто шагнувшую в тень парка из картины Нестерова, слышим шепот берез. Величаво звучит сравнение «О тян-шанские ели, как павы...».

Тян-шанские алматинские ели не заслоняют от автора русский лес. Русский лес не так конкретен, как деревья в алматинском парке, но символично как прообраз начала звучат стихи:

*Лес в сиянье ранней осени,
лес в лучах седой звезды,
лес с телегою вдоль просеки,
лес вне горя и беды... [1. С. 13]*

Обобщенному русскому лесу противопоставлен конкретный алматинский горный лес. Лирический герой уходит в горы. «Устрою праздник – соберу рюкзак и поднимусь в дремучее ущелье, где мрачность елей и ручья веселье...» Возникает пастернаковский прием повтора придаточного предложения места: «Где даль пугается, где дом упасть боится...». У Муратовского:

*В лесу, где мох похож на города
под прессом времени, где заяц не боится,
где для маралов волки не беда
(и с шестиконечными рогами можно биться),
где белочка-шустрячка, как в дому
хозяйюшка, не звавшая вас в гости,
где ели по утрам в седом дыму,
где под ногами и цветы и кости... [1. С. 22]*

Это праздничное ощущение природы всеми органами чувств передано в стихотворении «Горный лес» и выдержанной до конца анафорой, и блестящей звукописью: «где синий ворон кроет синеву»; и естественными незамысловатыми песенными рифмами. Так и кажется, что это бардовское стихотворение поется у костра, когда под лопаткой спины тропы и трава, а взор устремлен в звездное небо, и душа пьет из Божьих рук.

Из окна тюрьмы было видно лишь одно дерево, и это дерево олицетворяло для поэта все деревья мира: «Дерево в сумерках ветхое, сутулясь застывшими ветками, похоже на нервную совесть...» В этом дереве он видел «деревья нервной системой стоят, зимой обнажены...», и в дни сомнений и невзгод смог взять с них пример: «к деревьям примеряю душу и стойкости учусь у них...».

В город врывается ветер потерь. И только природа смягчает горечь утрат. «Листвой у крыльца мой затоптанный свет». И даже когда становится невыносимо от ада жизни, то лирического героя спасает «Божий свет», и «шум высоких тополей ворвется в эти стены – свет гор, свет леса, свет полей наполнит мои вены...»

Сквозным лейтмотивом проходит образ воды, воплощаясь в обнимающие струйки дождя, ночное облако, родник, пробившийся через твердь, ручеек, уходящий в горячую почву, росинку, раскрывающую почку, речку Алма-Атинку, рвущуюся к людям, степное ночное озеро, затерявшуюся реку из раннего детства.

Приметы природы Семиречья любовно и тонко вырисованы в стихотворениях: «Пустынное», «Степное озеро ночное», «Колючий куст», «Затерялась река та в тумане прожитых мною лет...», «В ущелье», «Полуночное поле люцерны», «В моих ладонях умирала птица...», «Перекличка», «Поэзия», «Здравствуй, облако, похожее на крокодила, развернувшаяся пасть...»

Под Балхашом есть барханы поющего песка. Видимо, об этом так музыкально поведал Муратовский в стихотворении «Пустынное». Стихотворение на две рифмы: женская «данность – первозданность – многогранность» опоясывает смежные мужские рифмы «песок – висок – сок – листок». «Сей безмерно сыпучий песок, сквозь песок просочившийся сок, саксаула нежнейший листок» поражает не только ритмом саадиевского «Каравана», но и точностью настроения, охватывающего каждого, попавшего в заповедные места Прибалхашья.

Поэт в авторских комментариях точно указывает географические координаты описываемых пейзажей. «Плоды моих приключений в окрестностях озера Балхаш, вблизи села Куйган, устье реки Или». Но дело не в точности описаний, а в сопряжении состояния природы с состоянием души. Так, великолепное описание степного ночного озера с кваканьем лягушек, со вкусом озерной воды, «в которой икринки, примесь ила, горчинка соли», с диким шумом взлетающих гусей, с блеснувшими в озерной волне спинками сазанов, с отражением луны в волнах озера, с пологим берегом, заросшим тростниками, сочетается с горечью разлуки, с ассоциациями из древней китайской поэзии, с философией пути.

Прагматический уровень обеспечивает в анализе языковой личности В. Муратовского закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире. Реальный смысл жизни В. Муратовского – быть поэтом. Языковая личность смыкается с лирическим Я.

Так и колючий куст, как несгораемый библейский куст купины, становится символом непокорности и выживаемости, «символом надежды на пределе». Колючий куст очень близок к лирическому «Я» поэта:

*Глубинными корнями жизнь черпает,
По вертикали и горизонтали
Шипы длиною в жизнь выставляет
И гонит прочь, и открывает дали. [1. С. 38]*

В шестнадцать лет В. Муратовский участвовал в школьной геологической экспедиции. «Затерялась река та в тумане прожитых мною лет» – это вполне конкретная речка Таскайнар, что значит «кипящая на камнях», за Кордайским перевалом вблизи одноименного поселка, и река воспоминаний, река вечности. По этой реке дано поэту возвращение в юность, к той реке, которая течет «между гор, между тутовых рощ». И снова лирический герой с острой и факелом ловит в ночной речке стремительную форель, рад несмелому поцелую и рвет бордовые тутовые ягоды. Но «память тех нестареющих дней» возвращает его в далекий Гефсиманский сад, к своему воплощению в образе Христа. И реальным становится утверждение «будет вечность дана – я до юности вновь доживу». Для поэтов время – нелинейное. Они умеют свободно перемещаться в собственном хронотопе. Такой способностью Муратовский обладает в полной мере.

Вот он оказывается «В ущелье». Взгляд лирического героя направлен сверху вниз сквозь жесткую ветку дикой яблони и отмечает в конце лета в Бутаковском ущелье горную речку и роскошные яблони далеко внизу, а выше березы и ели, сухой склон, мрачные скалы, звонкое небо с меняющимися облаками. Природа празднует смену пиров и тризн. И вместе с ней лирический герой расшифровывает тайные знаки, ничего не понимая здесь, и находясь уже там.

Великолепна фонетика стихотворения «Роз разбой в розовом разливе». Аллитерации и ассонансы этого пейзажного и одновременно философского стихотворения выстраданы автором. Длинная музыкальная строка сменяется более короткой определяющей строкой, которая в свою очередь сменяется резюмирующим отрицательным утверждением-полустихом:

*Роз разбой в розовом разливе
сна о юности счастливой –
еще не свет.
Боль, созревшая багровой сливой,
канувшая в перегное лет, –
не рассвет!* [1. С. 50]

Пейзажно-музыкальные образы трансформируются в последней строфе-трехстишии в грустно-поэтической медитации в образ лирического «Я»:

*Тронут заживо надеждой терпеливой,
светозарной кольшусь нивой
в лесу примет.* [1. С. 50]

У Муратовского очень редки баллады. Но стихотворение «Полуночное поле люцерны» – типичная баллада, в которой происходят определенные события и где превалируют вполне конкретные пейзажные описания, в которых сливаются подростковые воспоминания о поле

под Жаркентом, о серебре луны, о ишаке, о границе с Китаем, о стройотряде, о куплете песни, исполняемой В. Высоцким о девочке из Нагасаки.

Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию человека. «Корни и крона» – книга, составленная из семи книг. Каждая из них представляет собой законченный этап в развитии души поэта. И на каждом этапе природа составляет отдельную грань этой души.

Если говорить о Муратовском как коммуникативной личности, то следует подчеркнуть ее креативный тип. Если перформативная коммуникация непременно направлена на адресата, то креативная может быть и не направлена на Другого. Креативное общение характеризуется относительной свободой языкового знака, возможностью неоднозначного осмысления, высокой контекстной зависимостью, актуализацией внутренней формы знака и фасцинативностью плана выражения знака. В поэтике литературы это обозначает богатство речевых средств и способов выражения лирического Я.

Мы коснулись только трех книг В. Муратовского с надеждой на то, что читатель захочет соприкоснуться с удивительным миром, в котором реальность действительности растворена в творениях поэта.

Список литературы

1. Муратовский, В. Корни и кроны : избр. стихи. Алматы, 2008. 400 с.

ПЕРЕВОД СЛОЖНЫХ МЕТАФОР В ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Анализируется перевод нескольких относящихся к новоанглийскому (шекспировскому) периоду метафор, которые представляют трудность для понимания и перевода в силу ряда причин: изменения значения ключевого слова, выраженного идиоэтнического компонента, утраты представления об описываемых реалиях. В большинстве случаев это приводит к невольному искажению смысла, заложенного в тексте оригинала.

Ключевые слова: метафора, перевод, смысл, текст оригинала.

Перевод метафор никогда не считался делом простым, но он дополнительно осложняется целым рядом обстоятельств, которые в переводном тексте часто приводят к семантическим деформациям. Например, Макбет, замышляя убийство благородного Банко, так говорит наемным убийцам:

103 *And I will put that business in your bosoms,*

104 *Whose execution takes your enemy off,*

105 *Grapples you to the heart and love of us.*

1 (Пер. Соловьева)

Скажите, и я вам доверю дело / Что, уничтожив вашего врага, / Вас прикует к моей любви сердечной.

2 (Пер. Лозинского)

И я вложу вам в грудь один поступок, / Который вас избавит от врага / И свяжет с нашим сердцем и любовью.

3 (Пер. Корнеева)

И я вам дело дам. / Свершив его, врагу вы отомстите / И место в нашем сердце обретете.

4 (Пер. Пастернака)

Как вам с врагом заклятым рассчитаться / И этим нашу милость заслужить.

Ключевым словом в этих строках является глагол *grapple*, который взят из борцовской терминологии и в современном английском языке имеет значение «сцепиться; бороться, схватываться, а также обхватывать (противника)» [2. С. 66]. Можно сказать, что в тексте реализуется именно это значение, но в этимологическом плане глагол *grapple* более сложной семантической природы. Он рассматривается как синоним глагола *hook* (зацеплять, цеплять крючком) [4. С. 200], и в этой семантике прослеживается действие, прямо обратное тому, о чем говорит Макбет.

Этимологический словарь приводит значение русского слова «коготь», соответствующего *hook*, обозначающего «железный крюк». Склоняемся к мысли, что этимологически более ран-

нее значение XV века является и более образным. Не привлекать любовью, а зацепить и притянуть железными когтями, как хищная птица, – вот чего добивается Макбет. В (1) варианте *прикует к моей любви сердечной* подчеркивается насильственность предполагаемого действия и прочная неразрывная связь участников. Второй и свяжет с нашим сердцем и любовью, третий и место в нашем сердце обретете и четвертый и этим нашу милость заслужить переводы в об-разном смысле нейтральные. Конечно, не всегда удастся сохранить образный компонент, но за исключением первого перевода не делается даже такой попытки. Можно было бы переосмыслить этот глагол хотя бы через то значение, которое дано в англо-русском словаре.

Трудность перевода возрастает, если метафорический образ опирается на реалии, о которых читатель имеет самое смутное представление, например алхимия, и, соответственно, метафоры, тематически с ней связанные. Так, леди Макбет, убеждая своего супруга в успехе задуманного ими убийства, говорит, что напоит стражу у дверей короля.

64 *his two chamberlains*

65 *Will I with wine and wassail so convince*

66 *That memory, the warder of the brain,*

67 *Shall be a fume and the receipt of reason*

68 *A limbeck only (Акт I, сцена 7).*

1 (Пер. Соловьева)

Двоих телохранителей его / Я так вином и брагой напою, / Что память, сторож мозга, станет дыбом, / И обратится в перегонный куб / Сосуд ума.

2 (Пер. Лозинского)

обоих спальников его / Я так смирю вином и крепкой водкой, / Что память, сторож мозга, станет паром, / А храм рассудка - перегонным кубом.

3 (Пер. Корнеева)

Я подпою вином и крепкой брагой / Обоих слуг его, чтоб стала память, / Привратница в

дворце рассудка, паром, / А сам рассудок – перегонным кубом.

4 (Пер. Пастернака)

и только лишь уснет, / Я напою его оруженосцев / Обоих так, что разведу пары / У них в мозгах, как в перегонных кубах.

Комментарии объясняют, главным образом, процесс перегонки, но не метафору. Отсутствие четкого представления сказывается и на переводах. Посмотрим, как определяется *память* – ключевое слово в данной метафоре, с которой и происходят всевозможные превращения. Память как *сторож мозга* (1, 2) – понятная читателю калька, но лучше бы сказать, что память стоит «на страже мозга», поскольку она охраняет мозг от внешних воздействий. Выражение *память как привратница в дворце рассудка* (3) синонимично *сторожу мозга*, но не оправданно, поскольку в оригинале сказано *вместилище*, а не *дворец*, так как дворец предполагает величественность и торжественность.

Теперь обратим внимание, как представляются переводчикам превращения, происходящие с памятью. В двух случаях она станет *паром* (2, 3), на это есть указание в тексте, но, может, точнее сказать, «превратится в испарения». Первый перевод предлагает вариант *станет дыбом*, что ни в образном, ни в смысловом отношении не соответствует оригиналу. «Дыбом» встают волосы от страха, ужаса, но не от опьянения. *Разведу пары у них в мозгах* (4) – очень натуралистично, но вряд ли верно. Леди Макбет при всем коварстве это не под силу. Переводы (1, 2, 3), в которых изменения, происходящие с памятью, ассоциируются с *перегонным кубом*, воспринимаются современным читателем скорее как химический процесс, а не образ.

Метафора не только орнаментальный прием, она несет в себе и новый смысл. Вероятнее всего, можно предположить следующее. Считалось, что винные пары поднимаются из желудка к мозгу, и он, как нагреваемая в реторте жидкость превращается в пар. Этот пар собирается в верхнем сосуде (алембике), где образуется чистая жидкость без прежних свойств. Применительно к данной ситуации память освободится от прежних воспоминаний, так что слуги не будут ничего помнить при пробуждении. На это надеется леди Макбет, когда задумывает свое злодейство.

Культурологическая специфика почти всегда приводит к семантической недостаточности и даже деформации текста оригинала. Так,

Макбет говорит приближенным короля, как он увидел его убитым:

111 *Here lay Duncan,*

112 *His silver skin lac'd with his golden blood,*

1 (Пер. Соловьева)

Предо мной / Лежал Дункан, и золотая кровь / Серебряную кожу окаймляла;

2 (Пер. Лозинского)

Здесь лежал Дункан; / Кровь золотом расшила стан сребристый

3 (Пер. Корнеева)

Дункан лежал пред нами, / И расшивала золотая кровь / Серебряную кожу,

4 (Пер. Пастернака)

Передо мной лежал Дункан в крови, / Позолотившей сребристость кожи.

Содержание этих строк понятно, поэтому внимание привлечено к их форме. Ключевое слово *lace* дословно значит «шнурок, тесьма, кружево» [2. С. 314], но по отношению к королю-мужчине возможны только первые два варианта. *Окаймляла* (1) – сказать хорошо, но неточно, так как предполагается, что кайма обрамляет, не затрагивая кожу, и на коже нет крови, что противоречит ситуации. Второй перевод *кровь золотом расшила*, можно понять двояко, так как глагол «расшить» имеет два значения: «распороть, разрезая» и «украсить узорным шитьем» [3. С. 669]. Конечно, подразумевается первое значение, поскольку от удара кинжалом образуется «полоска крови», но золото и серебро, появляющиеся в тексте, не исключают и второго значения.

Странно ассоциировать с королем *сребристый стан* (2). Это характеристика, которая дается женщинам, к тому же «сребристость» может быть связана с кожей, а не со «станом». Третий перевод с этой точки зрения наиболее удачен: *расшивала золотая кровь // Серебряную кожу*, тем более что в ней есть подтекст: «расшивать» – не только «покрывать узором», но и «раскрывать, разъединять», поскольку на теле короля зияли раны. Четвертый перевод *в крови, позолотившей сребристость кожи* близок к (3), но лишен подтекста.

Противопоставление золото – серебро понятно русскому читателю в том смысле, что они подчеркивают «драгоценность» королевской особы. Однако в оригинале заложена, думается, другая мысль. В кельтских языках, а «Макбет» – шотландская трагедия, золото традиционно ассоциировалась с красным цветом и с кровью, а серебро – с белым [1. С. 14]. В русском же языке золото – желтого цвета, по-

этому оно никак не ассоциируется с пролитой кровью, и в этом значении оппозиция «золото – серебро» снимается на уровне контекста.

Список литературы

1. Дыбо, А. В. Основные цветообозначения в кельтских языках / А. В. Дыбо, Т. А. Михайлова, Ю. В. Норманская // Моск. лингв. журн. Т. 6, № 1. С. 4–30.
2. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1993. Т. 2. 829 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1998. 940 с.
4. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford, 2003. 552 p.

Список источников

1. Шекспир, В. Избр. соч. / пер. с англ. С. М. Соловьева; примеч. А. А. Смирнова. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 191–314.
2. Шекспир, В. Избранные произведения / пер. с англ. М. М. Лозинского; примеч. М. П. Алексеева и А. А. Смирнова. М.; Л., 1950. С. 502–647.
3. Шекспир, У. Макбет. Антоний и Клеопатра. Кориолан. / пер. с англ. Б. Л. Пастернака. М., 2001. С. 5–128.
4. Шекспир, У. Полн. собр. соч.: в 8 т. / пер. с англ. Ю. Корнеева; примеч. А. А. Смирнова и А. А. Аникста. М., 1960. Т. 7. 110 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 145–147.

Е. В. Иванова

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ФАНТАСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 16.740.11.0761

Рассматривается возможность выделения экологической фантастики в особый подвид научной фантастики в рамках фантастического дискурса.

Ключевые слова: *фантастический дискурс, экологическая фантастика.*

С точки зрения когнитивной лингвистики дискурс представляет собой «речемыслительный процесс, объективированный во множестве текстов, связанных друг с другом общими стратегиями порождения и понимания, имеющими согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащими для генерирования и передачи смысла, а также для декодирования других текстов» [4. С. 11]. Фантастический дискурс в рамках художественного дискурса есть совокупность множества фантастических произведений, находящихся в постоянном взаимодействии между собой и другими видами дискурса, основной задачей которых является создание

фантастической (альтернативной) реальности с целью художественного воздействия на читателя.

Фантастическая литература в наше время пользуется огромной популярностью среди читателей разного возраста, социального положения, пола. Наиболее удачно, на наш взгляд, объяснили «модность» фантастической литературы братья Стругацкие, дав следующее определение фантастики: «Фантастика есть отрасль литературы, подчиняющаяся всем общелитературным законам и требованиям, рассматривающая общие литературные проблемы (типа: человек и мир, человек и общество и т. д.), но характеризующаяся специфическим

литературным приемом – введением элемента необычайного» [5. С. 137].

Популярность фантастики объясняет наличие целого ряда видов, подвидов и течений фантастической литературы. Хотя некоторые ученые называют эти разновидности жанрами литературы, например, «жанр научной фантастики» [1], мы полагаем, что это неправомерно, жанром традиционно называется только определенный тип произведения – роман, рассказ, повесть.

Единой классификации видов фантастического дискурса на нынешний момент не существует, и это объясняется наличием множества критериев для классификации, а также многообразием форм фантастики и различными интерпретациями роли фантастического элемента в художественном тексте. Научно-технический прогресс также порождает новые литературные направления. Так, сегодня на передний план все чаще выходят биологическая и экологическая фантастика.

Экологическая проблематика становится универсальной в науке и литературе, она проникает в нашу повседневную жизнь и «объединяет ученых: физиков, химиков, биологов и инженеров с представителями гуманитарного познания и всех видов искусств и культуры независимо от их расовой и национальной принадлежности. И если идет речь о единстве художественной мысли нашей эпохи, то нужно сказать, что оно реализуется и через экологическую тему. Искусство, посвященное экологии, использует язык, доступный всему человечеству, чьей целью должно быть объединение во имя сохранения природы», – пишет Э. Константинова в предисловии к сборнику «Холод и пламя» и продолжает: «Сегодняшняя художественная фантастика на экологические темы является оправданно антиутопической, иногда даже диaboлической. В ней утверждаются не технические и научные, а нравственные ценности» [2. С. 5].

Выделение экологической фантастики в отдельный вид фантастического дискурса, как предлагают некоторые исследователи и читатели, кажется нам нецелесообразным, поскольку экологические мотивы обнаруживаются практически в любом произведении любого автора. Вопросы экологии как науки затрагиваются в таком случае только в единичных произведениях. При этом вполне обоснованным нам представляется назвать экологическую фантастику подвидом научной фантастики,

наряду с биологической, социальной, научно-технической и естественно-научной, и относить к экологической фантастике только те произведения, которые раскрывают проблемы взаимоотношений живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой.

Среди наиболее распространенных образов будущего в произведениях экологической фантастики встречаются три основных экологических мотива: 1) ядерная катастрофа и ее радиоактивные последствия (образ мира после ядерной катастрофы, люди, которые живут глубоко под землей или становятся мутантами); 2) торжество компьютерного разума, окончательно истощившего природные ресурсы, умирающая планета; 3) постепенное и целенаправленное низведение к нулю всех экологических показателей самим человеком (погибающая планета, жители которой часто вынуждены покинуть ее в поисках другой, более подходящей для жизни, или заняты поисками чистых экологических источников в других временах и измерениях) [3. С. 42].

Типичным примером экологической фантастики, где экологическая тематика является сюжетообразующей, выступает роман «Der Schwarm» («Стая») немецкого писателя Франка Шетцинга. Достаточно нескольких строк аннотации, чтобы без сомнений отнести его к экологической фантастике:

«Ein peruanischer Fischer verschwindet auf offener See. Heerscharen hochgiftiger Quallen belagern die Küste Australiens. Vor Kanada bleiben die Wale aus. Erst mit wochenlanger Verspätung treffen sie ein, doch die Tiere verhalten sich ungewohnt aggressiv. Unterdessen findet ein Ölbohrteam am Grund der norwegischen See seltsame Würmer mit gewaltigen Zangenkiefern, die sich zu Millionen in den Meeresboden graben. Wie hingezaubert scheinen sie dem Biologen Sigur Johanson, der die Tiere untersucht, um herauszufinden, ob von ihnen eine Gefahr für die Offshore-Industrie ausgeht. Johanson ahnt, dass hinter den Anomalien mehr steckt als eine Reihe kurioser Zufälle: Etwas wendet das Leben im Meer gegen den Menschen. Zu ähnlichen Schlüssen gelangt auch der indianische Walforscher Leon Anawak, der sich über Nacht mit dem Zusammenbruch des Walforschens, fanatischen Umweltschützern und dem amerikanischen Militär herumschlagen muss, das plötzlich einen Mantel des Schweigens über die Vorfälle zieht. Offenbar wissen die Regierungen der USA und Kanadas mehr über die Bedrohung aus den Ozeanen: Eine Katastrophe

dämmert herauf, die den Fortbestand der menschlichen Rasse in Frage stellen könnte. Doch wer oder was löst sie aus? Die Wissenschaftler müssen erkennen, dass der Mensch über den Planeten, den er vermeintlich beherrscht, weniger weiß als über den Weltraum» [7] (ср. аннотация для русского варианта романа: «Перуанский рыбак исчезает в открытом море. Полчища ядовитых медуз осаждают берега Австралии. В Канаде мирные киты превратились в агрессоров. На дне Норвежского моря появились миллионы червей с мощными челюстями – и они мешают нефтедобыче. Различные ученые предполагают, что за этими аномалиями кроется нечто большее, – что-то направляет обитателей морей на человека. Под вопросом оказывается дальнейшее существование рода человеческого. Но кто или что развязывает катастрофу, исходящую из океана? В поисках виновника ученые и военные сталкиваются с худшими из своих кошмаров и сознают: о подводном мире своей планеты мы знаем еще меньше, чем о космосе...» [6]).

Экологическая проблематика в фантастическом дискурсе имеет склонность к превращению в постапокалиптику. Постапокалиптика – вид научной фантастики, в котором действие развивается в мире, пережившем глобальную катастрофу. Основным признаком постапокалиптики является развитие сюжета в мире, в прошлом которого цивилизация достигла высокого уровня социального и технического развития, но затем пережила некую глобальную катастрофу, в результате цивилизация и большинство созданных ею богатств были уничтожены. В качестве катастрофы, уничтожившей мир, чаще всего используются третья мировая война с применением оружия массового поражения, вторжение инопланетного разума, восстание машин под предводительством искусственного интеллекта, пандемия, падение астероида, появление доисторических чудовищ, климатическая или иные катастрофы.

Типичный постапокалиптический сюжет начинает развиваться, как правило, спустя значительное время после катастрофы, когда ее «поражающие факторы» сами по себе уже перестали действовать. В том или ином виде до читателя (зрителя) обычно доводится в сжатом виде история общества с момента катастрофы: непосредственно за ней следует период дикости, затем выжившие концентрируются вокруг сохранившихся источников жизнеобеспече-

ния, стихийно образуются те или иные социальные структуры. К моменту начала сюжета этот процесс уже обычно завершен, на пригодной для жизни территории созданся определенный конгломерат сообществ, сложилось более или менее устойчивое равновесие сил. Пример современного постапокалиптического произведения – культовый роман «Метро 2033» Дмитрия Глуховского и его продолжение «Метро 2034», описывающие жизнь людей на станциях и переходах Московского метрополитена после ядерной войны, произошедшей в 2013 году.

Таким образом, экологическая фантастика оформляется в относительно самостоятельный подвид научно-фантастической литературы, имеет множество точек соприкосновения с другими течениями и направлениями фантастического дискурса, однако характеризуется наличием собственного предмета художественного осмысления – проблемы взаимоотношений живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. Интерес для дальнейшего исследования представляют экологические архетипические мотивы и образы, лежащие в основе создаваемых писателями-фантастами альтернативных реальностей.

Список литературы

1. Ибрагимова, Р. М. Пути формирования и развития узбекской научной фантастики : дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1980. 153 с.
2. Константинова, Э. Холод и пламя : Рассказы. София, 1990. С. 5-10.
3. Косарева, А. Фантастика в аспекте экологических проблем // Бренное и вечное: Экология человека в современном мире : тез. докл. Всерос. науч. конф. Вып. 4. Великий Новгород, 2001. С. 42-44.
4. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 44 с.
5. Стругацкий, А. Фантастика – литература / А. Стругацкий, Б. Стругацкий // О литературе для детей. Вып. 10. Л., 1965. С. 131–141.
6. Шетцинг, Ф. Стая / пер. с нем. Т. Набатниковой. 2-е изд., испр. М., 2005. 861 с.
7. Schätzing, Frank. Der Schwarm. Fischer Taschenbuch Verlag. 24. Auflage. 2012. 989 s.

МЕЖКУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Рассматривается художественный перевод как нормативно-ценностная система контактирующих культур, выявляются его межкультурно-коммуникативные функции.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, язык, интеграция, диалог культур, художественный перевод.*

Термин «межкультурная коммуникация» тесно связан с понятиями «менталитет», «язык», «интеграция», «диалог культур». В данной статье рассматривается художественный перевод как нормативно-ценностная система контактирующих культур и выявляются его межкультурно-коммуникативные функции.

«Параметры культуры как ее отличительные свойства существуют не изолированно друг от друга, а в сложной функциональной взаимозависимости, как единый комплекс. Межкультурное взаимодействие в решающей степени обусловлено не абсолютной спецификой культуры как постоянных величин, а соотношением нормативно-ценностных систем конкретных контактирующих культур, находящихся в состоянии постоянного динамического процесса развития» [2. С. 6].

Интеграция – это процесс, обозначающий синтез типологических свойств разных культур. Интеграция этнокультур – это явление взаимодействия, когда современная цивилизация, которую уже сейчас можно рассматривать как субстрат будущего общечеловеческого суперэтноса, получает обновление и новые принципы общежития, мышления, культуры.

Диалог культур в современном мире является одним из главных регуляторов в международном сообществе. Вся наша планета втянута в диалог культур. При помощи диалога человечество пытается разрешить конфликты, ликвидировать очаги раздора и непонимания, осуществить знакомство с культурами различных народов. Диалогичность мышления человечества, полифония различных мнений, идейных платформ и позиций – основная черта глобализации третьего тысячелетия.

Одной из форм межкультурных связей является художественный перевод. Объективным соотношением художественно-смысловой информации, заключенной в оригинале и переводе, определяется посредническая функция пе-

ревода. Чтобы дать всестороннюю оценку этой функции необходимо провести последовательный сравнительный анализ методики переводческой работы с учетом динамики развития воспринимающей литературы и рассмотреть переводческие приемы на фоне конкретного языкового обихода, уделяя преимущественное внимание характеру подхода переводчика к оригиналу, ко всем его компонентам. Между переводом и конкретным результатом его воздействия лежит целый комплекс проблем, связанных, с одной стороны, с поэтикой переводчика, а с другой – с поэтикой воспринимающего автора.

Язык – одно из важнейших средств общения людей между собой, благодаря которому они обмениваются мыслями и общаются. Общение людей осуществляется двумя способами: устно и письменно. Если двое или несколько человек владеют одним и тем же языком, то общение ничем не затруднено, однако, когда люди владеют разными языками, обмениваться мыслями становится не так-то просто. В таком случае люди прибегают к переводу, то есть к вызванному общественной необходимостью процессу и результату передачи информации, выраженному в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом.

Хотя обычно говорят о переводе с одного языка на другой, но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, личности, разные складывания мышления, различные эпохи, уровни развития и традиции. Люди переводят с незапамятных времен. Перевод, следовательно, является важным средством, обеспечивающим выполнение языком его коммуникативной функции в тех случаях, когда люди выражают свои мысли на разных языках.

Художественный перевод имеет специфические особенности, он предполагает речевое

творчество переводчика, обладание литературным талантом. Ведь перевод одной и той же фразы у разных людей получается совершенно различным. Такой перевод – настоящее искусство, так как эстетический эффект достигается соответствующими языковыми средствами, в том числе ритмикой, рифмой и аллитерацией.

Перевод художественных произведений национальных писателей мира – кропотливый творческий труд. Данный вид перевода не только активизирует мыслительную деятельность, художественный вкус, расширяет кругозор, но и углубляет знания как иностранного, так и родного языков.

Художественный стиль – наименее изученный из всех существующих стилей, поскольку он самый подвижный, творчески развивающийся. Художественный стиль не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному. Более того, новизна и необычность выражения становится условием успешной коммуникации в рамках этого функционального стиля.

В художественных произведениях затрагивается разнообразный круг тем, в основном это жизнь, мысли героев, поиск пути и смысла жизни и другие, однако количество художественных средств, используемых для создания произведения, практически безгранично. Кроме того, каждый писатель стремится не к тому, чтобы слиться со своими коллегами по перу, а напротив, выделиться, поведать нечто новое, заинтересовать читателя. И переводчик должен не только сохранить содержание произведения, но и стиль, жанровый характер произведения, эстетику автора, средства художественного выражения.

Интерес филологии к проблемам художественного перевода во многом обусловлен активным развитием международных контактов во всех сферах человеческой деятельности, растущим стремлением к обмену духовными ценностями в общемировом масштабе. Помимо этих внешних причин, внимание к практике и теории перевода связано с процессом дифференциации внутри языкознания и литературоведения.

«Межкультурно-коммуникативная теория обучения иностранным языкам как ведущая современная концепция иноязычного образования отражает его направленность на интегрированное обучение языку и культуре, обеспечивающее раскрытие языка как транслятора социокультурной специфики национально-языковых

сообществ при коммуникации, способствующее их взаимопониманию и взаимодействию в условиях открытого мира» [3. С. 6].

В области художественного перевода доминирует установка на анализ художественного образа и тех структурных элементов произведения, которые выступают на первый план при переводе произведения на другой язык. Поэтому исходным пунктом изучения становятся, естественно, проблемы самого процесса перевода – иначе говоря, сама механика переводческой работы. Сюда относятся и такие вопросы, как мера сохранения при переводе национально-самобытного колорита литературного произведения, особенно в сфере языковых средств, передача рифмы, ритма и прочих элементов. Художественный перевод, как известно, является проводником и посредником взаимовлияния и взаимообогащения национальных литератур. Актуальность его определяется положением на международной арене суверенных и независимых стран мира, расширением контактов с мировым сообществом, возрастанием интереса к истории, культуре, достижениям разных народов. Он играет, как известно, особую роль в пропаганде и популяризации духовных ценностей.

«Перевод – искусство, высокая самодовлеющая ценность. В нем решаются не только практические задачи информационного, просветительского плана, но и, что самое важное, творческие сверхзадачи как историко-культурного, так и филологического порядка в самых разных аспектах. Национальную литературу обогащает и приумножает не только оригинальная, но и переводная поэзия. К тому же «обогащенной» осознает себя и та, другая сторона, то есть та национальная культура, чье художественное слово удостоено иноязычных перевоплощений. Переводами осуществляется межъязыковая парадигматизация художественного текста. Переводы создают межъязыковой парадигматический ряд поэтических текстов, престижно возглавляемый текстом оригинала» [1. С. 240].

Интерес к нормативной и эмпирической стороне переводческой работы во многих исследованиях обусловлен обращением к проблеме историко-литературной функции перевода и конкретных элементов его методики. Такой историко-литературный подход к явлениям сопряжен с проблематикой межлитературных связей и отошений, то есть с изучением перевода в качестве одного из проявлений межли-

тературной коммуникации. В этом случае переводческая деятельность анализируется уже не сама по себе, как относительно автономная, абстрактная сфера, но в первую очередь как область, включаемая в более широкую сферу определенного периода развития отечественной литературы, а тем самым и истории межлитературных отношений. Объективный анализ перевода с точки зрения нормативности подчиняется здесь более общей задаче – изучению функциональной значимости перевода в истории литературы, причем не только в данном, но и в более широком, межкультурном контексте. А это влечет за собой необходимость теоретического решения некоторых основополагающих методических проблем. Современное понятие перевода включает в себя перевод как особый вид информационной деятельности и способ освоения мирового культурного и интеллектуального пространства. Перевод будет актуален до тех пор, пока будут создаваться и читаться литературные произведения. Трехсторонняя связь: автор – переводчик – читатель, утвердившаяся в сфере художественной литературы, порождает один из своеобразных случаев языкового контакта и на почве многоязычной литературы перевод становится стимулирующим фактором развития двуязычия.

Перевод является одним из важных видов социальной коммуникации, это социально-

культурное, многофункциональное явление, в котором участвуют разные этносы мира. Говоря о межкультурной коммуникации, диалоге культур, духовном наследии народов мира, мы имеем в виду прежде всего диалог литератур, ведущий к синтезу этнолитератур, образованию региональной евразийской литературы.

Таким образом, в рамках лингвокультурного аспекта перевод является одним из видов коммуникативной деятельности и лингвокультурным процессом, предполагающим языковую деятельность и служащим межкультурной коммуникации, обеспечивающей взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам.

Список литературы

1. Илюшин, А. А. Перевод художественный // Введение в литературоведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / Чернец Л. В., Хализеев Е. В., Бройтман С. Н. и др. М., 1999. С. 240–245.
2. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты : на материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск, 2004. 196 с.
3. Кунанбаева, С. С. Современное иноязычное образование: методология и теории. Алматы, 2005. 264 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 150–153.*

К. А. Керер

«САМОРЕАЛИЗАЦИЯ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РОМАНАХ АРТУРА ХЕЙЛИ

Рассматриваются особенности языкового выражения концепта «самореализация» как одного из составляющих концептосферы «профессиональная деятельность» в производственных романах Артура Хейли.

Ключевые слова: *концептосфера, концепт, производственный роман.*

Самореализацией как одной из составляющих концептосферы «профессиональная деятельность» мы будем называть раскрытие человеком собственного потенциала в трудовой деятельности.

В настоящей статье представлен анализ этой составляющей на основе ее текстовых реализаций в производственных романах А. Хейли.

Ядерная зона концепта «самореализация» преимущественно вербализуется в произведе-

дениях А. Хейли существительными *career* и *promotion*.

“Homicide detectives learn early in their *careers* that once a human body had ceased to live, the process of decay is extraordinarily swift; when heartbeats stop and blood no longer flows, armies of microbes soon turn flesh and body liquids into rotting offal” [4. P. 76]. – «Любой начинающий детектив из отдела убийств первым делом узнавал на практике, что, как только жизнь покидает человеческое тело, его распад происходит поразительно быстро. Стоит сердцу перестать разгонять кровь по жилам, как мириады микробов обращают плоть в тлен» [2. С. 23].

“Because he was black, affirmative action of the 1980s speeded his *promotion* to lieutenant, but unlike some other such promotions, because of Newbold’s obvious ability” [4. P. 33]. – «Благодаря принадлежности к черной расе и реформам восьмидесятых годов Лео Ньюболд быстро получил лейтенанта, но, в отличие от многих других подобных повышений, это не было встречено белыми коллегами в штыки» [2. С. 11].

Что касается приядерной зоны анализируемого концепта, то в зависимости от сферы деятельности и занимаемой человеком должности карьера может классифицироваться следующим образом:

– как **повышение по службе в юридической сфере** (*judicial career*): “But the judge’s *judicial career* would be over” [4. P. 208]. – «Учитывая же, что Пауэлл в этом замечен впервые, его вообще могли отпустить с миром, но вот на своей карьере в юриспруденции он должен был смело поставить жирный крест» [2. С. 68].

– как **карьера чиновника** (*civic career*): “Either way, her *civic career* is over” [4. P. 530]. – «Понятно, что при любом раскладе на ее карьере можно смело ставить крест» [2. С. 170].

Существительное *career* является у А. Хейли синонимом профессиональной деятельности.

Карьера может осмысляться в пространстве и во времени (*long career*). “In his *long career* he had experienced his share of business disappointments and had schooled himself to bounce back, getting on with the next thing, rather than waste time in lamenting failures” [5. P. 372]. – «За свою долгую деловую жизнь О’Киф привык к неудачам подобного рода и научился отступать, чтобы затем с удвоенной энергией идти на приступ новой цели, а не терять время попусту, оплакивая потерю» [3. С. 402].

“He was aware, as were most veteran pilots, that aviators who died in their beds of old age were

those who throughout their careers had been ready to cope instantly with the unexpected” [6. P. 249]. – «Как большинство опытных пилотов, он прекрасно сознавал, что только те из авиаторов достигли преклонного возраста и спокойно почил в своей постели, кто на протяжении всей службы держался начеку и был готов к любой неожиданности» [1. С. 164].

Карьера может начаться и закончиться (*career may continue and end*): “Unless something dramatic occurred, Mel surmised, his *career might continue, and eventually end*, precisely where he was” [6. P. 75]. – «И Мел пришел к выводу, что если не произойдет какой-то коренной перемены, его карьера так и кончится на том, с чего началась» [1. С. 53].

Карьера может достичь своей критической точки (*career reaches a critical point*): “More recently, however, here had been rumors that the Duke’s *career had reached a critical point*, perhaps because his touch had become a shade too common in some areas, notably those of liquor and other men’s wives” [5. P. 6]. – «Тем не менее, в последнее время пошли слухи, будто карьера герцога достигла критической точки, по-видимому, из-за того, что уж слишком он приспособился к духу времени, особенно по части крепких напитков и интереса к чужим женам» [3. С. 12].

Ей может прийти конец (*the end of career*): “He had been on tenterhooks ever since the session yesterday with McDermott, wondering just how and when the call would come – a direct summons from Warren Trent perhaps? – which would mark *the end of his career* at the St. Gregory Hotel” [5. P. 373–374]. – «После вчерашнего разговора с Макдермоттом он был как на иголках и только думал, когда последует вызов к начальнику, – быть может, к самому Уоррену Тренту? – а это будет означать конец его карьере в «Сент-Грегори» [3. С. 404].

Карьера предстает объектом, претерпевающим над собой действия: на карьеру можно воздействовать (*career is a tool*): “Mel saw their social life as a means to fulfilling his professional ambitions; his *career was the essential, the socializing a tool which eventually he would dispense with*” [6. P. 204]. – «Мел видел в светской жизни лишь средство для удовлетворения своего профессионального честолюбия: главным для него была карьера, а светские обязанности – лишь временное орудие для достижения этой цели» [1. С. 136].

Карьерой можно пожертвовать (*to sacrifice career*): “Years later, that story changed a little, and

it became a favorite gambit of Cindy `s to declare that she had *sacrificed her career* and probable stardom because of Mel” [6. P. 77]. – «С годами это получило несколько иное освещение, и Синди стала играть на том, что она – де пожертвовала ради Мела своей карьерой и отказалась от возможности выйти в «звезды» [1. С. 54].

На карьере можно возлагать надежды (to hope for career): “Cindy had been an actress at the time, though in a minor way because *the career she had hoped for* had not worked out, and clearly wasn `t going to” [6. P. 76–77]. – «Синди была актрисой на совсем маленьких ролях (ее надежды стать «звездой» не оправдались и явно не могли оправдаться)» [1. С. 54].

За карьерой можно наблюдать, следить (to follow career): “Goodbye, my dear. I shall think of you often, and I shall *follow your career* closely” [5. P. 373]. – «Прощай, дорогая. Я буду часто думать о тебе и внимательно следить за твоей карьерой» [3. С. 404].

Карьерой можно **рисковать** (*cost smb `s career*): “It was a double murder in which Patrick was certain to be a suspect, and what she was doing assuming she continued could *cost her own career* and freedom” [4. P. 433]. – «Это было двойное убийство, в котором Патрик будет наверняка главным подозреваемым. Помогать ему сейчас, если она решится на это, значило рисковать не только карьерой, но и свободой» [2. С. 139].

Ею можно поплатиться (to pay a penalty with career): “Both of them knew that if something went wrong, Ruby could *pay a penalty with her career*” [4. P. 567]. – «Оба знали, случись что, и Руби поплатится карьерой в полиции» [2. С. 181].

Карьеру можно разрушить (to ruin career): “His agent said it would *ruin his career* to play the murderer of a little kid” [4. P. 485]. – «Его агент заявил, что если Кормик сыграет убийцу такой крохи, его дальнейшая карьера окажется под угрозой» [2. С. 155].

Карьера может быть представлена как совокупность достижений, результатов деятельности человека (my career): “Despite her bitterness at *his decision to end it, and afterward her deliberate sabotage of his own career*, he still cared about Cynthia and would never wish to harm her in return” [4. P. 414–415]. – «Как ни озлобилась она на него, когда он решил прекратить их отношения, как ни мстила, лишая всякой перспективы продвижения по службе, она все еще была ему слишком дорога, чтобы он мог хотя бы помыслить причинить ей ответное зло» [2. С. 133].

Повышению по службе можно **препятствовать** (to block promotion): “She`s bad-mouthing you everywhere, *blocking your promotion*” [4. P. 162]. – «Везде, где только может, она чернит тебя и препятствует твоему повышению» [2. С. 53].

“When, long ago, she used her superior rank *to abort* Malcolm Ainslie `s *promotion* to lieutenant, had she made the gravest error of her life?” [4. P. 513]. – «А не совершила ли она самую серьезную в своей жизни ошибку, воспрепятствовав производству Эйнсли в лейтенанты?» [2. С. 165].

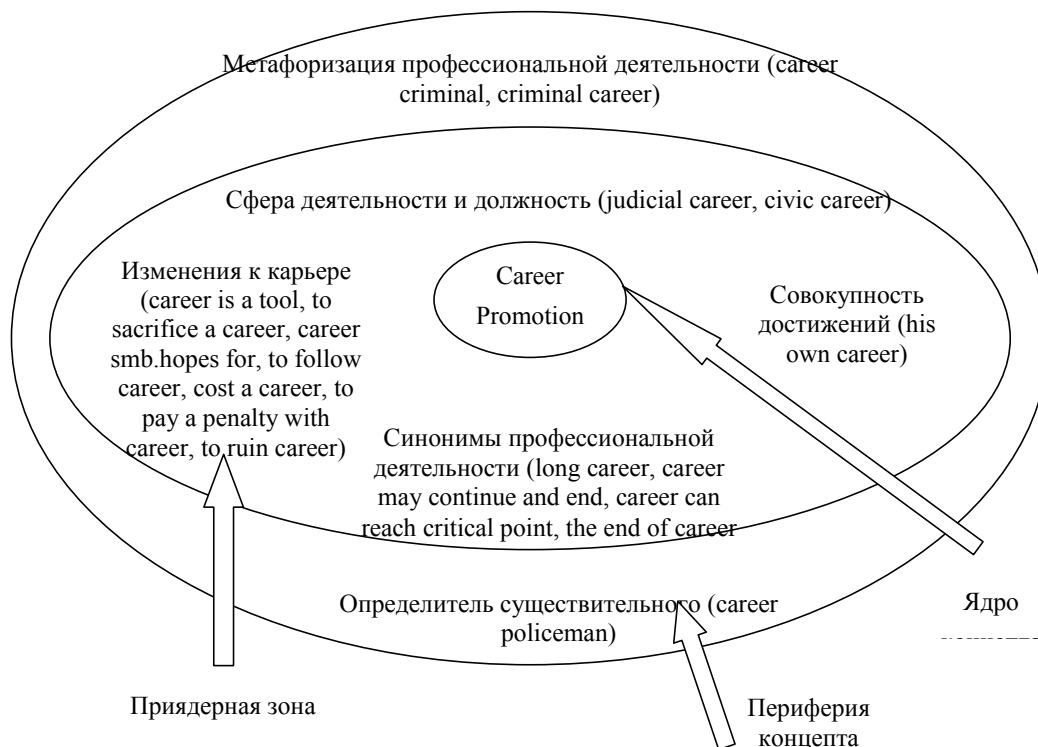
Карьера может огорчать или радовать (*promotion pleases*): “*The promotion pleased him*, and he wanted more than anything to phone Karen and share it with her” [4. P. 583]. – «Повышение обрадовало его; хотелось броситься к телефону и рассказать обо всем Карен» [2. С. 185].

К повышению по службе можно стремиться: “After becoming a detective and doing his job well, he had not *sought promotion*” [4. P. 74]. – «Став детективом, он прекрасно справлялся с работой, но к повышению не стремился» [2. С. 24].

Рассмотрим периферийную зону исследуемого концепта.

Существительное career может служить определителем и обозначать человека, всего себя **отдающего работе, идущего в гору, продвигающегося** по служебной лестнице (career policeman): “The policing of Lincoln International was handled by a self-administering detachment of the city force, and Lieutenant Ordway represented *the best type of career policeman*” [6. P. 255]. – «Полицейские функции в аэропорту Линкольна осуществлялись отделением городской полиции, работающим самостоятельно, а лейтенант Ордвей воплощал в себе лучшие черты молодого, идущего в гору полицейского» [1. С. 169].

Словосочетание career criminal обозначает человека с богатым криминальным прошлым, не собирающегося вставать на путь истинный: “The inherent vanity of most *career criminals* and the compulsion to be noticed also opened doors for Jensen” [4. P. 446]. – «Многие закоренелые преступники в глубине души тщеславны и очень хотели бы прославиться. Это тщеславие и открыло перед Дженсеном нужные двери» [2. С. 143]. В данном и следующем примерах карьера может быть осмыслена метафорически по отношению к видам деятельности, не являющимися социально одобряемыми: воровство,



проституция. “Quinnone’s extensive *criminal career* included assault, rape, and armed robbery with violence” [4. P. 170]. – «За ним числились грабежи, вооруженные налеты и одно изнасилование» [2. С. 23].

Схематически особенности языкового выражения концепта «самореализация» в рассматриваемых художественных текстах можно представить следующим образом:

Список литературы

1. Хейли, А. Аэропорт. Челябинск, 1992. 350 с.
2. Хейли, А. Детектив. М., 2008. 512 с.
3. Хейли, А. Отель. М., 1993. 442 с.
4. Hailey, A. *Detective*. 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://rapidshare.com/files/333640017/Arthur.Hailey.Detective.rar>.
5. Hailey, A. Hotel. М., 2007. 384 p.
6. Hailey, A. Airport. М., 2007. 320 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 153–155.

Н. В. Мамонова

О СПЕЦИФИКЕ БРИТАНСКОГО СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА

Делается краткий обзор исследований, посвященных специфике сказочного дискурса. Целесообразность изучения британского сказочного дискурса обосновывается с опорой на категорию справедливости.

Ключевые слова: британский сказочный дискурс, фольклорное сознание, категория справедливости.

Сказка является одним из древнейших жанров словесности, который содержит исторический, культурный и социальный опыт народа,

своеобразно отражает народную мудрость, знания об окружающем мире. Кроме этого, сказка несет в себе значимый для культуры

этический и эстетический свод правил. Именно это делает ее «аксиологически значимой» и позволяет понять, «какие ценности являются приоритетными для носителей данного языка» [2. С. 21]. Народная сказка дает «представление не только об особенностях среды обитания народа, его традициях и обычаях, но и выражает наиболее яркие черты национального менталитета» [2. С. 22].

Сказочный дискурс выступает многослойным и многогранным понятием. Для того чтобы понять специфику данного термина, необходимо учитывать историю возникновения и развития фольклора и места в нем сказки как одного из ведущих жанров. На наш взгляд, британский сказочный дискурс можно рассматривать как одну из стержневых составляющих британского фольклора.

Обратимся к важным положениям, высказанным исследователями устной поэзии и связанным с осмыслением и интерпретацией сказочного фольклора.

И. А. Ильин отмечает, что «сказка есть первая, дорегиональная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме» [5. С. 240]. Следует при этом подчеркнуть, что «специфика генетического происхождения сказки связана с коллективным субъектом – народом, этносом» [7]. В соответствии с таким пониманием важно установить место сказки среди жанров фольклора и в целом специфику осмысления действительности в устном народном творчестве.

Для решения теоретических и методологических проблем изучения фольклорных текстов И. А. Голованов вводит в научный оборот категорию «фольклорное сознание», понимая под ним «идеальный объект как совокупность (систему) представлений, образов, идей, получающих свою репрезентацию в произведениях фольклора» [3. С. 268]. Фольклорное сознание, по мнению ученого, выполняет «интегративную функцию, сохраняя и транслируя последующим поколениям заключенный в образах и мотивах духовный опыт (знания и оценки), ценностные ориентиры, критерии поведения, способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая возможность культурного единения живших и живущих» [3. С. 274].

В своих работах С. Ю. Неклюдов утверждает, что фольклорный текст – это «относительно устойчивая комбинация элементов

традиции, которая возникает при каждом отдельном исполнении» [6]. Каждый раз текст словно складывается заново, причем последующее воссоздание не является тождественным предшествующему, а самоподобно ему. Почти всегда имеют место некоторые изменения (от текста к тексту, от исполнения к исполнению, от исполнителя к исполнителю), но, по мнению С. Ю. Неклюдова, «важно не расхождение вариантов, а их совпадение, общая смысловая зона» [Там же].

Сказочный дискурс – это явление не однопорядковое с такими явлениями, как, например, педагогический, политический или любой другой дискурс. Он глубоко связан с художественным дискурсом (и является его особой разновидностью), но вместе с тем художественный дискурс (если подразумевать под ним дискурс художественной литературы) это во многом творение индивидуальное, в нем реализуются индивидуальные личностные смыслы. В сказочном же дискурсе всегда реализуются коллективные смыслы (даже если разные варианты сказок принадлежат разным исполнителям). Нельзя упрощать сказочный дискурс – это дискурс с «двойным» дном.

Для нас принципиально важно при изучении сказочных текстов, что сказка – это не только то, что на самом деле рассказывается, но и то, что стоит за тем или иным сюжетом и образом. Сказка – это всегда произведение, основанное на мифологических мотивах, образах или сюжете.

Д. В. Бережкова относит к конститутивным признакам сказочного дискурса следующее: «универсальные признаки – участники, цели, тематика, аксиологичность (наличие ценностей и антиценностей), стратегии, определенные типы сюжетов, действующие лица, определенная четкая структура, размытость хронотопа, и специфические – эпичность, повествовательность, установка на вымысел, чудо, многослойность, эстетичность, развлекательность, дидактичность» [2. С. 8].

О. А. Плахова, в ходе анализа структурных и содержательных характеристик сказочной картины мира, выделяет шесть областей «внеязыковой действительности, получивших разную степень репрезентации в языке сказки»:

1. Биологическая и социальная природа человека, животных и мифологических персонажей.
2. Уклад жизни.
3. Хозяйственная деятельность человека.

4. Естественно-географическая среда.
5. Этническая самоидентификация английского народа.
6. Система научных знаний о мире и абстрактных понятий [8. С. 14].

Н. А. Акименко в сказочном дискурсе выявляет наряду с универсальными признаками (участники, цели, стратегии и так далее) «специфические: эпичность, повествовательность, установка на вымысел, эстетичность, развлекательность». Специфические свойства сказочного дискурса – устойчивость, надвременность, универсальность указывают на социальные характеристики изучаемого объекта. При этом Н. А. Акименко рассматривает сказочный дискурс как психическую реальность созданную «воображением виртуальных миров или ментальных пространств, в которой персонажи и разворачивающиеся сказочные события существуют в виртуальной среде дискурса, так как они реальны именно в ней» [1].

И. А. Голованов полагает, что в фольклорном сознании происходит синтез исторического и мифологического типов сознания, формирующий «неоднородное, структурированное историческое пространство», где «каждый элемент <...> (имя или событие) является центром смыслового притяжения, объектом познания и/или эмоционально-эстетического переживания» [3. С. 269]. В фольклоре эти основания предстают в виде пяти констант: двух онтологических (пространство и время) и трех аксиологических: соборность, софийность, справедливость.

Каждый культурный социум стремится выстраивать взаимодействие с внешним миром согласно своим воззрениям и представлениям о справедливости. В фольклорном сознании зафиксировано коллективное представление о справедливости, которое сохраняется и передается последующим поколениям. Справедливость своеобразно запечатлена в образах и сюжетах сказок.

На наш взгляд, специфика британского сказочного дискурса по отношению к другим видам дискурсов определяется одной из системообразующих категорий – категорией справедливости, которая в процессе развития дискурсивной системы приводит к реализации креативного аттрактора, что и может служить предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Акименко, Н. А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/8-dissertaciya-lingvokulturnye-karakteristiki-angloyazychnogo-skazochного-diskursa.html>.
2. Бережкова, Д. В. Понятие «доброта» в концептуальном пространстве английской народной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
3. Голованов, И. А. Структура и константы фольклорного сознания // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 6 (74). С. 267–274.
4. Голованов, И. А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 22 (160). С. 43–48.
5. Ильин, И. А. Одинокий художник / сост., предисл. и примеч. В. И. Белов. М., 1993. 348 с.
6. Неклюдов, С. Ю. Фольклер: типологический и коммуникативный аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm>.
7. Павлютенкова, И. В. Сказка: философско-культурологический анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. 135 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/pavljutenkova.html>.
8. Плахова, О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 24 с.

ФОРМЫ И СПОСОБЫ КОММУНИКАЦИИ «ПИСАТЕЛЬ – ЧИТАТЕЛЬ» В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются новые стратегии и правила организации литературного процесса в связи с развитием средств массовой коммуникации. Утверждается, что в условиях рынка писатель самостоятельно вырабатывает и постоянно корректирует индивидуальные формы взаимоотношения с читателем.

Ключевые слова: проза 2000-х, коммуникация, авторский имидж.

Современное состояние словесности во многом определяется необычайно экстенсивным развитием средств массовой коммуникации. Литература 2000-х поставлена перед необходимостью выстраивания новых стратегий по правилам проектов и презентаций, в терминах «брендов» и «имиджей». И это не тяга к шоу-эффектам, а важный симптом, характеризующий существенную трансформацию коммуникативных механизмов.

Пространство рыночной литературы четко обозначило ценности актуальных авторских стратегий: тираж, спрос, авторский гонорар. Сюда устремляются денежные потоки и наиболее предприимчивые беллетристы. Параметрами литературного успеха становятся не столько реакция и оценка культурного сообщества, сколько деньги, слава, власть. И с этой точки зрения любая литературная практика может рассматриваться как авторская стратегия в конкурентной борьбе за преумножение этих ценностей [1].

Сегодня можно говорить о ряде испытанных приемов, которые определяются сознательным выбором адресной читательской аудитории и форм личного присутствия писателя на книжном рынке и в медиапространстве как поле функционирования своих текстов. Иначе говоря, значение имеет не только художественный текст, где автор использует различные жанровые формы, стили, повествовательные стратегии; важен выбор имиджевых практик, форм и способов самопрезентации. В этом смысле несомненный интерес представляют стратегии писательского поведения Б. Акунина, В. Пелевина Е. Гришковца, З. Прилепина и др.

Профессиональный филолог Григорий Чхартишвили своим проектом обозначил ту самую золотую середину, которая в европейских литературах составляет основную долю книжного рынка. Как справедливо утверждает А. Ранчин, в России до него «никто не де-

кларировал свои книги как осознанный литературный проект, не демонстрировал столь решительно, смело и откровенно собственную стратегию успеха» [9]. М. Липовецкий акунинский проект рассматривает как показательный случай «массовизации» русского литературного постмодерна [6].

Подчеркнем, что вопрос о принадлежности массовой беллетристике или «серьезной» литературе зачастую всего лишь вопрос позиционирования текста. А. Латынина в этой связи пишет: «Случись Григорию Чхартишвили отдать роман «Там» или «Креативщика» в толстый журнал – и он бы шел по ведомству серьезной литературы, выдвигался на премии» [5]. В ряд коммерческих изданий его ставит массивная реклама. Б. Акунин – это прежде всего издательско-книготорговый эксперимент, активно использующий рекламные принципы продвижения новых проектов Чхартишвили под новыми именами: А. Брусникин, А. Борисова.

Движение в сторону сближения с массовой литературой означает для большинства современных писателей принятие характерных для нее критериев успеха: тиражи, популярность, внимание желтой прессы и т. п. Сила притяжения celebrities culture очень велика [2]. На этой территории все чаще оказываются представители так называемой элитарной культуры. Яркий пример – журнал «Сноб», к участию в котором были приглашены писатели, ранее печатавшиеся в толстых литературных журналах: Л. Петрушевская, М. Шишкин, Т. Толстая, З. Прилепин, С. Шаргунов и др.

Как справедливо указала Н. Иванова, «Сноб» закрепляет за своими авторами статус модных писателей [4]. Появление нового журнала означает повышение писательских гонораров и расширение круга читателей. Для авторов это еще и приглашение в мир celebrities, о чем свидетельствуют роскошные гляцевые

фотографии. Художественным достоинствам текстов они урона нанести не могут, но по правилам продвижения в celebrities за фотосессией должна следовать информация о личной жизни писателя, кулинарных пристрастиях, светских развлечениях и т. п. Хочется надеяться, что «Сноб» – новая упаковка для серьезных авторов, приведенная в соответствие с запросами новой целевой аудитории.

Читательская аудитория 2000-х – это в большинстве пользователи Интернета. Электронные коммуникации наилучшим образом удовлетворяют потребности мышления нового типа, они уже приобрели настолько универсальное значение, что могут служить самым разным когнитивным стилям. Интернет, ридеры и другие электронные средства могут открыть второе дыхание и книжной культуре.

Беспорным лидером привнесения в художественный текст компьютерных технологий является Виктор Пелевин. Мир Интернета в его произведениях является формой и способом отсылки к принципиально другим мирам, а компьютерные приемы предоставляют автору дополнительные возможности для воплощения новой концепции человека, связанной с кризисом традиционного сознания. Из текста в текст у Пелевина повторяется ситуация неравенства субъекта самому себе, которая по-разному репрезентируется в рамках использования той или иной технологии [8].

В последних книгах Пелевина – «t» (2009), «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010), «S.N.U.F.F.» (2012) – интернет-среда и компьютерный мир уже не столько влияют на собственно поэтику, сколько становятся привычным местом действия – даже не предметом изображения, а его фоном. Так, виртуальный по сути персонаж граф Т («t») путешествует по виртуальным ландшафтам, воспринимая их как должное. Идеальным представляется выход за пределы логоса – в пустоту, чистое созерцание. Таким образом, комбинируя традиционные литературные стратегии и структурные элементы компьютерной виртуальности, Пелевин вовлекает в ряды читателей все новые и новые поколения, рожденные и сформировавшиеся в эпоху Интернета, одновременно способствуя обновлению художественного языка современной литературы.

Не менее ощутимой тенденцией компьютеризации литературы в нулевых годах является обращение литераторов к сетевому блогу. Яркий пример – книжная серия Е. Гришкова

«Год жизни» (2008), «Продолжение жизни» (2009), «151 эпизод жизни» (2011), «От жизни к жизни» (2012).

В предисловии к первой, состоящей из записей сетевого дневника, автор пишет: «В этой книге хорошо видно, как я осваивался в интернет-пространстве, как долго и мучительно выбирал стиль и язык высказываний в Интернете» [3. С. 5]. Книга, выстроенная таким образом, рассчитана на устоявшуюся читательскую аудиторию, которой Гришковец давно и хорошо знаком как писатель и актер. Гришковец вступает в диалог со своими сетевыми «фрэндами», но он больше похож на диалог актера с залом. Сюжет всей серии Ф. Катаев определяет как «путь развиртуализации героя-рассказчика» [7. С. 13]. Действительно, проект завершился закрытием сетевого блога на livejournal.com. Писатель и сегодня продолжает вести дневник на персональном сайте odnovremenno.ru, но уже без возможности его комментирования интернет-пользователями.

Литературная известность ряда писателей поддержана их общественно-политической активностью: участие в боевых действиях в Чечне, работа в нижегородском отделении НБП (З. Прилепин), пребывание в верхушке партии «Справедливая Россия» (С. Шаргунов), авторство проекта «Гражданин поэт» и участие в митинге на Болотной площади (Д. Быков).

Предпринятый анализ коммуникативных механизмов и способов достижения признания современными российскими писателями свидетельствует о том, что никакой универсальной, беспроеигрышной стратегии успеха в литературе не существует. В условиях рынка писатель поставлен перед необходимостью выработки и постоянной коррекции индивидуальной стратегии взаимоотношения с читателем. А игра в поддавки всегда сопряжена с определенным риском.

Список литературы

1. Берг, М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. 352 с.
2. Богуславская, О. Селебритиз и поклонники // Знамя. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/3/bu12.html>.
3. Гришковец, Е. Год жизни. М., 2008. 317 с.

4. Иванова, Н. Дорогое удовольствие // Знамя. 2010. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/11/iv11.html>.
5. Латынина, А. «Так смеется маска маске»: Борис Акунин и проект «Авторы» // Новый мир. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/6/la15.html.
6. Липовецкий, М. ПМС (постмодернизм сегодня) // Знамя. 2002. № 5. С. 200–212.
7. Катаев, Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике (1990–2000-е годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь. 2012. 18 с.
8. Маркова, Т. Н. Компьютерные технологии и компьютерные приемы в новейшей русской прозе // Филол. класс. 2009. № 21. С. 17–19.
9. Ранчин, А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предуведомлением, лирическим отступлением и эпилогом // Новое лит. обозрение. 2004. № 67. С. 235–267.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 158–160.*

О. Ю. Подъяпольская

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ КАК СПОСОБ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОТЧУЖДЕНИЯ В РАССКАЗЕ В. Г. ФРИТЦА «AUGENBLICKE IV» («МГНОВЕНИЯ IV»)

Статья посвящена особенностям организации внутреннего монолога как формы повествования в рассказе В. Г. Фритца. Рассматривается, каким образом внутренний монолог способствует раскрытию психологического состояния героя и какими приемами достигается эффект отчуждения у читателя.

Ключевые слова: *текст, форма повествования, внутренний монолог, внутренний диалог, внешняя, внутренняя фокализация повествования, эффект отчуждения, перволичная форма повествования, персонифицированный рассказчик, ретардация.*

Короткий рассказ немецкого писателя В. Г. Фритца (около 2500 знаков) посвящен описанию момента расставания двух любящих людей. Чувства и переживания близких людей глазами одного из них и образуют фокус повествования.

Содержательно текст рассказа может быть поделен на три части. Повествование начинается с описания момента расставания, отмеченного внешней фокализацией: персонифицированный рассказчик описывает, как удаляется его партнер и машет на прощанье рукой. Основную часть текста составляет попытка рассказчика интерпретировать этот жест. В заключении читатель вновь видит удаляющуюся фигуру, исчезающую в лесу за поворотом. Таким образом, внешняя фокализация повествования образует своеобразное «обрамление»,

рамочную конструкцию для внутренней фокализации – обращению к миру мыслей, чувств и эмоций рассказчика.

Повествовательной формой текста выступает внутренний монолог рассказчика. Однако лишь в основной части текста он приобретает наиболее рефлексивную форму и выражается в виде потока сознания.

Одним из лингвистических средств создания внутреннего монолога выступает перволичная форма повествования, которая заслуживает в данном произведении отдельного внимания. Особенностью немецкого языка обусловлен тот факт, что по форме глаголов, прилагательных и причастий читатель не может определить ни пол рассказчика, ни пол второго героя. Поэтому ему до конца рассказа не ясно, ведется ли повествование от лица женщины

или от лица мужчины, кто выступает в роли провожающего и кто в роли уходящего.

Таким образом, автор текста, с одной стороны, предлагает читателю глубоко личностный текст, обнажая с помощью внутреннего монолога душевные страдания героя. С другой стороны, перволичная форма повествования в рамках внутреннего монолога в определенной степени обезличивает текст, не предоставляя читателю никакой информации о половой принадлежности рассказчика, его возрасте, социальном статусе и других характеристиках. В общем и целом в тексте много имплицитных моментов. Не ясно, например, что послужило причиной разрыва. Персонафицированный рассказчик, ведущий внутренний монолог, не нуждается в уточнении деталей, разъяснении чего-либо, так как эта информация является для него известной и, следовательно, избыточной. Данный факт однако вызывает у читателя эффект отчуждения, недоумение, поскольку он не владеет общими с героем пресуппозициями и вынужден творить свою реальность, додумывая, восполняя «белые пятна» и произвольно распределяя роли.

Хотелось бы отметить еще один интересный момент, связанный с использованием местоимений 1-го и 2-го лица в исследуемом произведении. В своем внутреннем монологе герой обращается к партнеру, что выражается в активном использовании личного местоимения 2-го лица ед. числа «du». Малого того: он не только обращается к партнеру, но и идентифицирует себя с ним, ведя воображаемый диалог от его имени и обращаясь к самому себе. С лингвистической точки зрения, мы наблюдаем транспозицию местоимений 2-го лица в сферу обозначения 1-го лица и наоборот. Перед нами, по сути, не просто внутренний монолог, а *внутренний диалог* героя со своим партнером, а посредством данного диалога и диалог с самой собой: „Du winktest, als wolltest du sagen, es war doch schön, warum soll ich denn fortgehen, warum denn, es hat doch keinen Sinn, was sollen wir ohne einander tun, was wirst du tun, was werde ich tun, nur noch diese paar Schritte, und alles wird unwiderruflich sein, wir werden keine Chance mehr haben, noch einmal miteinander zu sprechen <...>“ [1. С. 196].

То, насколько хорошо рассказчик знает мысли, переживания, аргументы партнера, насколько хорошо он понимает значение его прощального жеста, свидетельствует о том, как этот человек дорог ему.

Помимо перволичной повествовательной формы маркерами внутреннего монолога выступают глаголы, выражающие мыслительный процесс (*dachte, wusste, meinte*). Спонтанность, динамичность, а также повышенная напряженность мыслительного процесса создается рядом средств синтаксического уровня: основную часть текста составляет значительное по объему предложение (30 строчек!), части которого отделены друг от друга с помощью точки с запятой. Кроме того, можно отметить использование средств разрыхления синтаксической структуры (обособления, парцелляции, вынесения за характерную для немецкого языка глагольную рамку), неполных предложений, риторических вопросов, в которых отсутствует вопросительный знак, синтаксического параллелизма, разнообразных по структуре, объему и функциональному назначению предложений и т. д. Все перечисленные средства придают тексту, с одной стороны, особый неравномерный, «неспокойный» ритм, с другой – отражают спонтанность и непрерывность мыслительного процесса.

Эмоциональная напряженность на лексическом уровне создается с помощью глаголов, существительных, выражающих ощущения и эмоции повествователя: „*ich empfand*“, „*ich spürte*“, „*es war Bitterkeit*“, „*ich spürte es mit Entsetzen*“ [1. С. 196].

Следует также отметить, что в первой и последней частях текста используется прошедшее время (Präteritum), создающее эпическую дистанцию между описываемыми событиями и читателем текста: „*Du gingst die Anhöhe hinauf, wandtest dich aber jeweils nach ein paar Schritten um und winktest. Ich wußte wohl, was es meinte*“ [1. С. 196]. Основная же часть текста, содержащая поток сознания, отмечена настоящим моментом речи, придающим тексту большую динамичность, а описываемым событиям актуальность: „*erkennst du nicht, daß ich mich immer weiter von dir entferne, auch wenn ich dir noch zugewandt bleibe und winke; aber ich kann nicht stehenbleiben, um alles hinauszuzögern, um dir noch Zeit zu geben; etwas treibt mich fort, ich spüre es mit Entsetzen; <...>*“ [1. С. 196]. Данный прием заставляет читателя прочувствовать весь накал эмоций за счет создания иллюзии соприсутствия:

Динамичность тексту придают также глаголы движения (*winken, sich entfernen, fortgehen, entschwunden sein*), приобретающие в представленном контексте особую смысловую на-

грузку, поскольку каждый шаг отдаляет близких людей друг от друга, приближая судьбоносный момент окончательного разрыва. В связи с этим словосочетание „*nur noch diese paar Schritte*“ («еще только несколько шагов») приобретает темпоральное значение и, по сути, символизирует бой часов, отсчитывающих последние минуты, когда все еще можно изменить. Этот смысл подкрепляется выражением „*von Minute zu Minute*“ («от минуты к минуте») [1. С. 196].

Отсюда понятным становится и подробное описание дороги, по которой удаляется второй участник трагедии. Поворот дороги – „*Biegung des Weges*“, „*Wegbiegung*“ [1. С. 196, 197], приближающий момент расставания, символизирует поворотный момент в жизни партнеров, своеобразную «точку невозврата».

Кроме прочего, внутренний монолог помогает читателю увидеть яркий контраст между внешним поведением рассказчика и его внутренним состоянием. Внешне герой спокоен и даже в определенной степени парализован, вяло отвечая на прощальный жест: „*ich empfand nichts dabei, ich war zerstreut*“, „*Ich habe selbst noch einmal gewinkt, aber noch immer abwesend*“ [1. С. 196, 197]. Внутренне же он переживает бурю эмоций, ярко отраженной в его внутреннем «моно-диалоге» с помощью многочисленных языковых средств, описанных ранее. Перед нами предстает человек, переживающий сильнейший стресс, который одних людей заставляет активно действовать, а других – как в данном случае – парализует. Этот контраст создается подтекстом рассказа: прощаясь со своим возлюбленным / возлюбленной, герой / героиня не желает прощаться, однако и не находит в себе сил остановить партнера. На **языковом уровне контраст подчеркивается** за счет активного использования противительного союза „*aber*“ («но»): „*aber ich verstehe nicht, daß du nichts sagtest*“, „*aber ich kann nicht stehenbleiben*“, „*aber wir haben gar nicht Abschied voneinander genommen, nicht im Guten und nicht im Bösen*“, „*aber ich wäre nicht fortgegangen, wenn ich nicht den Eindruck gehabt hätte*“ [1. С. 196].

Еще одним средством, с помощью которого описывается психологическое состояние рассказчика, является ретардация – композиционный прием задержки развития сюжетного действия. В исследуемом произведении она осуществляется посредством передачи всех деталей мыслительного процесса, описания чувств и переживаний рассказчика, а также многочисленными лексическими и синтаксическими повторами. Разница между тем, как быстро развивается действие в рассказе (несколько мгновений, пока партнер не удалится за поворотом дороги, что отражено также в названии текста), и тем, как интенсивно, «растянуто во времени» данный момент переживает героем, позволяет читателю прочувствовать душевное состояние героя, подчеркивает силу его эмоционального возбуждения. В рассказе лишь раз используется глагол «любить» в вообразимом диалоге героя со своим партнером от лица партнера: „*du weißt, wie ich dich liebte, ich liebe dich noch immer*“ [1. С. 196]. Другими словами, рассказчик знает, что его партнер любил и любит его, но не признается даже самому себе в ответном чувстве. Однако тот факт, что он внутренне эмоционально переживает момент расставания, свидетельствует о том, насколько небезразличен ему человек, с которым он расстается, как сильно его чувство к нему.

Основную идею текста, с нашей точки зрения, можно сформулировать следующим образом: судьбоносное мгновение может эмоционально переживаться как целая вечность, поскольку оно может многое изменить в нашей жизни. Нельзя относиться к мгновению «свысока», нельзя упускать момент, чтобы не стало слишком поздно: „*nur noch diese paar Schritte, und alles wird unwiderruflich sein*“ («Еще только несколько шагов, и ничего нельзя будет вернуть») [1. С. 196].

Список литературы

1. Fritz, H. F. Augenblicke IV // Krusche, D. Aufschluss: Kurze deutsche Prosa im Unterricht als Fremdsprache. Bonn, 1989. S. 196–197.

СИСТЕМА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Предпринята попытка изучения категории профессионального деятеля на материале произведений одного из представителей Серебряного века О. Э. Мандельштама. Характеристика наименований лирических персонажей по роду занятий нацелена на конструирование индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: *Осип Мандельштам, идиолект, категория профессионального деятеля, поэтическая картина мира, текст.*

В современной лингвистике, стоящей на позициях антропоцентризма, одним из важнейших объектов исследования является человек – в силу уникальности самого феномена *homo mensuris* («меры вещей», согласно Протагору). Научное изучение поистине неисчерпаемого образа человека интенсивно происходит в рамках лексико-фразеологической системы языка. Однако для полного и всестороннего моделирования человека во всем его многообразии необходимо привлекать художественные тексты, несущие на себе отпечаток личности создателя. Проникновение в «лингвосемиотическое ателье» мастера позволит вскрыть специфику авторского видения проблемы на фоне общеязыковых (коллективных) представлений. Показателен в этом аспекте пример поэтического наследия О. Э. Мандельштама, «непостижимого *ratio*» (С. Зонтаг) по выразительности и интонационному своеобразию.

Неповторимый голос поэта, его иудео-христианское мироощущение и беспримерный поединок со своим временем предопределили «сказочный рост художника» (Н. Струве), создавшего произведения, которые вошли в золотой фонд литературы XX века. Архитектура, живопись, лингвистика, музыка, религия – составные элементы лирических произведений. Полифоническая структура поэтического пространства вбирает бесчисленные артефакты и краски. Любимые образы поэта – насекомые, птицы, звери, рыбы. В тематическом плюрализме стихотворений существенное место занимает тропеический пласт, связанный с человеком – его обликом, характером, поведением. Общий объем поэтических реализаций образа человека составляет около одной тысячи контекстов. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди обозначений персонажей часто упоминаются представители разных профессий, репрезентируются значимые для про-

фессиональной сферы предметы, процессы, действия. Интересно проследить, каким образом в поэтическом тексте авторские модели реализуют интерпретации человека по его отношению к трудовой деятельности в положении *trivium* («на перепутье трех дорог») между профанным, специальным и художественным знанием.

Цель работы – определить корпус обозначений лица как носителя профессиональных знаний в рамках взаимодействия автономных систем, отметить его роль в формировании индивидуально-авторской картины мира.

В качестве источника исследования использовался корпус 450 стихотворений, извлеченных из первого тома комментированного собрания сочинений Мандельштама [2]. Материалом исследования послужили слова и словосочетания, содержащие сему «профессия». Путем сплошной выборки была составлена картотека в количестве более 300 единиц.

Методологически наша работа ориентирована на теоретические положения, изложенные в монографии Е. И. Головановой [1]. В качестве приемов концептуального анализа выполнены следующие операции: дефинирование, обобщение, классификация, интерпретация.

Проведенный анализ обозначений человека по профессиональной принадлежности свидетельствует об их уникальном использовании поэтом. Несомненно, образ специалиста занимает ведущую позицию в поэтической картине мира Мандельштама. *Hinc et nunc*, ограничимся несколькими, впечатляющими, на наш взгляд, выписками из стихотворений, относящимися к исследуемой теме: *Художник нам изобразил глубокий обморок сирени* («Импрессионизм»); *Публикают, согнувшись, музыканты* («Феодосия»); *То зрачок профессорский, орлиный – Египтологи и нумизматы* («Канцона»); *Кто может описать чиновника доход!* («Егип-

тянин»); *грязных адвокатов жало* («Домби и сын»); *Овчины пастухов и посохи судей* («В хрустальном омуте какая крутизна!»); *Хищный глазомер простого столяра* («Адмиралтейство»); *В кузнице веселой Работает кузнец* («В лазури месяц новый»); *Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик* («Грифельная ода»); *Стынет рожок почтальона* («Возможна ли женщине мертвой хвала?»); *В руках плетеные корзинки, Служанки спорят с продавцами* («Когда часы показывают восемь»); *Голубые судомойки, Добродетельная челядь* («Песенка»); *На шарнирах он куражится с цветочницей* («Я прошу, как жалости и милости»); *И духаник там румяный Подает гостям стаканы* («Мне Тифлис горбатый снится»); *Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки* («Армения»); *Только тот, действительно, спортсмен – Кто разорвет печальной жизни плен* («Спорт»); *Заманили охотники в капкан* («Автопортрет»); *Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани* («Армения»); *Уходили с последним трамваем Прямо за город красноармейцы* («Как по улицам Киева-Вия»); *О спутник вечного романа, Аббат Флобера и Золя* («Аббат»). Толика приведенного цитатного материала указывает на две профессионально-маркированные сферы – otium (умственный труд) и negotium (физический труд). Внутри каждой сферы можно выделить обозначения героев по таким разновидностям интеллектуально-культурной деятельности, как художественная, спортивная, научно-просветительская, военная, конфессиональная. Семантическая группа единиц, характеризующих персонажей по художественной деятельности, включает индивидуально-авторские описательные обороты, например, создателя архитектурных шедевров (*душа готическая*), театрального деятеля (*актер-корабельщик на палубе мира*), живописца (*мастер и отец черно-зеленой темы*). Семантическая группа номинаций, характеризующих представителей литературы, искусства, науки, отличается большим количеством реализаций (*матовый ангел, пламенный Ламарк, бирюзовый учитель*).

Мандельштам первым закрепил тему спорта в русской литературе. Поэт активно использует спортивные термины для характеристики молодых героев стихотворений, занимающихся греблей, фехтованием, теннисом, футболом.

Разнообразно представлены характеристики лица по административно-управленческой

деятельности: *казнелюбивые владыки, сброд тонкошеих вождей, теоретики чужой казны, октябрьский времениц*. Индивидуально-авторские обозначения подчеркивают гражданскую позицию автора, выражающего свое негативное отношение к деятельности чиновников.

Многочисленны реализации обозначений героев, занимающихся физическим трудом. Данные номинации могут быть распределены по трем семантическим зонам: созидательная деятельность (*золотые пальцы краснодеревца, плотник дюжий*), обслуживающая (*небесные прачки, кучер упрямый*) и торговая (*продащица восковая, булочные грации*). Обширную группу слов-репрезентантов категории деятеля составляют наименования лиц, связанных с исполнением воинского долга: *однодумы-генералы, уланы, пехотинцы, пулеметчики, аттический солдат* и т. д. Примечательно, что важная для поэта информация актуализируется в многочленной структуре перифрастических оборотов: *конная и пешая черновехая масса; грамотеющее в шинелях с наганами племя, хвойное мясо* (характеристики сотрудников ГПУ). Обращают на себя внимание слова и словосочетания, обозначающие лицо, деятельность которого связана с религией: *имябожцы-мужики, ставленник последнего собора, смиренный царственный, кряжистый Лютер*. Условно можно выделить созданные поэтом наименования религиозных деятелей в соответствии с их убеждениями и родом занятий: представители иудаизма, православия, католицизма, протестантизма (*левит, монах, проповедник, священник, чернецы*).

Подводя итоги, подчеркнем, что постижение мира и человека посредством слова, воплощенного в произведениях высочайшей пробы, актуально а priori. Изучение поэтического мира О. Мандельштама в избранном аспекте представляется весьма интересной и перспективной задачей, поскольку полезно не только с языковой, но и с морально-этической точки зрения.

По частоте использования обозначения профессиональной личности в поэтической картине мира Мандельштама неравноценны: обыденные названия профессий, имена собственные, словосочетания, метафорические комплексы. Своеобразие обнаруживается при рассмотрении каждого из ракурсов их изучения ('физический труд', 'искусство', 'наука', 'религия', 'чиновничество'). Авторские единицы употреблены поэтом в русле идейно-художественной направленности произведений.

Лирические герои, занимающиеся созидательной деятельностью, оцениваются поэтом положительно. Иногда выбор имени великого древнегреческого поэта имеет целью подчеркнуть масштаб личности мастера (*Эсхил-грузчик, Софокл-лесоруб*). О персонажах, вовлеченных в сферу непроемительного труда (услуги, торговля), Мандельштам говорит часто с изрядной долей иронии. В желании примирить антитезу 'физический труд / интеллектуальный труд' поэт пытается объединить молот и лиру, рабочего и художника, плотника и поэта в силу их общего творческого начала («Актер и рабочий»).

Руководствуясь изложенными положениями, считаем, что один из прагматических признаков значимости слова в поэтическом тексте

– это высокая частотность его употребления. Важность категории профессионального деятеля в авторской концептосфере подтверждается статистически и всем объемом концептуальной информации.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. 2-е изд., исправл. и доп. М., 2008. 304 с.
2. Мандельштам, О. Э. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. I. М., 1991. 684 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 163–165.*

Л. И. Стрелец

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМА НЕАДЕКВАТНОСТИ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ ЧИТАТЕЛЯМИ-ШКОЛЬНИКАМИ

Рассматриваются такие особенности художественной информации, как оригинальность, неоднозначность, осознание условности мира, создаваемого в произведении, субъективная организация текста, специфические реакции на помехи и требование особых условий трансляции. Утверждается, что игнорирование названных особенностей в процессе организации восприятия текста читателем ведет к неадекватности понимания им художественной информации.

Ключевые слова: *художественная коммуникация, барьеры восприятия, коммуникативная структура художественного произведения.*

В коммуникативном треугольнике «адресант – объект – адресат» каждая из трех точек является активной. Если активность адресанта и адресата не раз обозначалась, то активность объекта, то есть информации, с которой работают субъекты коммуникации, исследовалась мало. Специфика информации влияет на процессы, протекающие внутри треугольника. Докажем это, обращаясь к особенностям художественной информации. С этим типом информации мы работаем в рамках художественной коммуникации, под которой понимаем процесс передачи и восприятия художественной информации и возникающее в связи с этим взаимодействие между художником (автором),

произведением искусства и читателем, слушателем, зрителем. Специфику художественной коммуникации Ю. М. Лотман связывает, прежде всего, со спецификой художественной информации: «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую *художественную* информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга» [3. С. 19]. Всякая попытка выделить информацию в чистом виде приводит к ее разрушению, как к разрушению, например, поэтического текста приводит попытка пересказать его прозой. Знак, используемый в

художественной коммуникационной системе, в значительно большей степени «нагружен» смыслами и должен быть расшифрован именно в рамках этой системы, то есть носителем значения является все произведение.

Очевидным является тот факт, что художественная информация относится к разряду сложных, требующих для своей передачи усложненной семиотической системы, которая «позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной, собственно языковой структуры» [3. С. 23]. Если в основе обычного коммуникационного знака лежит социально признанное (конвенциональное) единство значения и имени, то о художественном произведении этого сказать нельзя.

Когда речь идет о художественной коммуникации, мы должны осознавать намеренную неоднозначность передаваемых сообщений, которая предполагает и неоднозначность их интерпретации.

Язык искусства создает особый условный мир, который «существенным образом отличается от языков, на которых говорит реальность, – и речь идет не только о вполне специфических языках искусства, какими являются языки музыки, балета, кино, театра, живописи и т. д., но и о языках искусства слова, изначально строившихся как языки, которые невозможно смешать с языками реальной жизни» [4. С. 240]. Самоценность этого языка указывает на его особую задачу – творить фикциональный мир, принципиально отличающийся от реальности, и реципиент должен осознавать это. Если этого не происходит, мы сталкиваемся с феноменом неадекватности восприятия художественной информации. Проиллюстрируем это, обратившись к фрагменту урока литературы в восьмом классе:

Учитель: Изменился ли Мцыри после трех дней, проведенных на воле?

Ученик: Да. В худшую сторону. Он стал агрессивнее. Его агрессивность проявилась еще во время побега. Зачем он напал на барса? Барс лежал, грыз кость, хищных животных в этот момент вообще трогать нельзя.

Приведенный пример достаточно точно иллюстрирует положение А. Б. Есина, который утверждает, что наивно-реалистический подход «ведет к утрате эстетической специфики – произведение уже невозможно изучать как собственно художественное, то есть в конечном итоге извлекать из него специфически-

художественную информацию и получать от него своеобразное, ничем не заменимое эстетическое наслаждение» [2. С. 13].

Сложность проблемы заключается в том, что данный подход неизбежен и необходим на этапе первичного восприятия текста читателем, на это указывал В. Ф. Асмус: «Первое условие, которое необходимо для того, чтобы чтение протекало как чтение именно художественного произведения, состоит в особой установке ума читателя, действующей во все время чтения. В силу этой установки читатель относится к читаемому или к «видимому» посредством чтения не как к сплошному вымыслу или небылице, а как к своеобразной действительности. Второе условие чтения вещи как вещи художественной может показаться противоположным первому. Чтобы читать произведение как произведение искусства, читатель должен во все время чтения сознавать, что показанный автором посредством искусства кусок жизни не есть все же непосредственная жизнь, а только ее образ» [1. С. 56].

Художественная коммуникация в отличие от нехудожественной иначе воспринимает и преодолевает шумы и помехи, это связано с особенностями ее структуры. В практической речевой коммуникации шумы и помехи – явление обычное и, как правило, преодолимое. Если информация, пусть в неполном, виде, доходит до адресата, то она без особых потерь может быть восстановлена. Иное дело – художественная коммуникация, для которой даже незначительная потеря информации, уникальной по своей сути, разрушительна, так как в структуре художественных объектов нет незначительных элементов. С другой стороны, по мысли Ю. М. Лотмана, искусство способно преобразовывать помехи в информацию. Художественная коммуникация предполагает взаимодействие с внешней средой, откуда исходит угроза помех. В ряде случаев помехи могут вступать в семантические отношения с эстетическим объектом, порождая его новые значения.

Неадекватность восприятия художественной информации читателем часто может быть связана с отсутствием у него представлений о коммуникативной природе литературного произведения. Распространенная точка зрения на коммуникативную структуру художественного произведения предполагает ее рассмотрение как многоуровневой, представленной внешним (биографический автор – реальный читатель);

фикциональным, воображаемым, интенциональным (виртуальная интенция автора – виртуальная интенция адресата) и внутренним уровнями. Внутренний уровень соответствует уровню изображенной коммуникации.

Развитое читательское сознание должно быть обращено не столько к биографическому автору или герою, сколько к воплощению авторского сознания в конкретном произведении. Сегодня школьная практика преподавания литературы в старших классах практически не поднимается на ступень осознания субъективной организации и коммуникативной природы литературного произведения. Игнорирование этой проблемы приводит к ошибкам понимания. Например, на вопрос, кому принадлежит первая фраза романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Я ехал на перекладных из Тифлиса»), мы часто получаем ответы: Печорину, автору, Максиму Максимычу. Вот ошибка этого же типа из школьного сочинения: «Гоголь пишет, что «все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой»».

В рамках данной статьи мы не имеем возможности рассмотреть детально специфические особенности художественной информации, однако из всего их комплекса мы выделили те, которые, на наш взгляд, наиболее тесно связаны с проблемой неадекватности понимания художественного текста читателем.

Список литературы

1. Асмус, В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики : сб. ст. М., 1968. 654 с.
2. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1999. 248 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.
4. Рымарь, Н. Т. Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестн. Самар. гум. акад. Сер. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 247–256.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 165–167.

И. А. Тарасова

ПОЭТ КАК КРИТИК: КОНСТАНТЫ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ

Автор пытается установить соотношение между константами когнитивного стиля и его дискурсивным варьированием. Исследование основано на материале критических статей И. Анненского и Н. Гумилева.

Ключевые слова: когнитивный стиль, идиостиль, И. Анненский, Н. Гумилев.

Одной из разновидностей профессиональной художественной коммуникации (обоснование понятия см. в нашей работе [6]) является литературно-критическая деятельность писателей. В настоящем исследовании мы попытаемся ответить на вопрос: сохраняются ли черты когнитивного стиля поэта в его критических статьях?

Термин «когнитивный стиль» принадлежит сфере психологии. В лингвистические работы он проник недавно. В самом общем виде под когнитивным стилем понимаются индивидуально-специфические способы восприятия и

кодирования информации. Считается, что когнитивный стиль – одна из констант языковой личности. В то же время в работах психологов высказывается мнение о том, что когнитивные стили могут 1) специфицироваться в разных видах профессиональной деятельности; 2) варьироваться в зависимости от коммуникативной задачи, то есть носить ситуационный характер [8. С. 144].

Проблематизируем контекст исследования: когнитивный стиль – это константа или функция дискурса? Для ответа на этот вопрос соотнесем инвариантные характеристики стиля и

проявления его дискурсивного варьирования на материале критических сборников двух выдающихся поэтов-современников – И. Анненского («Книги отражений») и Н. Гумилева («Письма о русской поэзии»).

Процедура сравнения осуществляется нами по когнитивным параметрам стиля, предложенным Е. Г. Беляевской [2]. К их числу относятся модель адресанта, модель адресата, коммуникативное задание (функция и прагматическая установка) и способ трансляции основной идеи текста. Учитывая, что первые три параметра совпадают с составляющими когнитивной модели жанра, внесем в сопоставление критического творчества И. Анненского и Н. Гумилева жанровый аспект.

«Письма о русской поэзии» Н. С. Гумилева представляют собой рецензии на поэтические сборники, регулярно печатавшиеся в журнале «Аполлон» с 1909 по 1916 год. Рецензиям Гумилева присуща хроникальность, беспристрастность, информативность, лаконичность. Преимущественный способ передачи основной идеи рецензии – логически-дискурсивный. Авторская позиция – *над* анализируемым литературным материалом, позиция вненаходимости. По замечанию исследователя творчества Н. С. Гумилева, в «Письмах...» критик предстает как «один из авторитетнейших истолкователей и судей российского поэтического Парнаса начала века» [7. С. 295]. Иными словами, когнитивный стиль гумилевских рецензий обладает такой специфицирующей чертой, как *полнезависимость*. Согласно данным когнитивной психологии, полнезависимый стиль предполагает критичность, компетентность и отчужденность. Наиболее тесно эта черта связана с таким «метаизмерением» стиля, как аналитичность.

Конечно, аналитичность – одно из жанровых требований, предъявляемых к рецензии. Но ее можно рассматривать и как одну из когнитивных констант языковой личности Н. С. Гумилева. Аналитический способ мышления обнаруживает себя в теоретических трудах Н. С. Гумилева (в этом смысле характерно заглавие одной из его статей – «Анатомия стихотворения»), в метаописательных заявлениях о связи «культы формы» с «работой мозга» [3. С. 211], в предпочтении, оказываемом стилистическому приему антитезы – фигуры мысли [4].

Критическая проза И. Ф. Анненского принадлежит особому, оригинальному жанру «от-

ражения». В авторском предисловии к первой «Книге отражений» поэт писал: «Критик стоит обыкновенно вне произведения: он его разбирает и оценивает. Он не только *вне его*, он где-то *над ним*. Я же писал здесь только о том, что мною владело, за чем я следовал, чему я отдавался, что я хотел сберечь в себе, сделав собою. Вот в каком смысле мои очерки – отражения, это вовсе не метафора» [1. С. 5].

В этой прагматической установке усматривается *полезависимый* характер когнитивного стиля Анненского. На языковом уровне эта черта проявляется в стилистической имитации речи портретируемого писателя и его героев.

Интересно, что эту способность Анненского к перевоплощению, дар эмпатии одним из первых отметил рецензент Н. С. Гумилев, назвавший «Книги отражений» «настоящим романом»: «Пусть в нем появляются то Пушкин, то Гейне, то Ибсен, то Достоевский, мы чувствуем, что это только личины, которые автор по странному, *а может быть и глубоко обоснованному*, капризу не пожелал претворить в собственные образцы...» [3. С. 213].

Думается, что речь действительно должна идти о глубокой обоснованности этой жанровой формы когнитивным стилем Анненского. Не случайно сам Гумилев в одной из рецензий на стихотворение Анненского пронизательно заметил: «Творить для Анненского – это уходить к обидам других, плакать чужими слезами и кричать чужими устами» [3. С. 92]. С этой чертой связана такая особенность поэтики Анненского, как передача вещам чувств лирического героя, доминантный характер олицетворения в системе поэтических тропов.

Полезависимый стиль проявляет себя не только в образе автора, но и в образе адресата, от которого Анненский себя принципиально отделяет («Я отражаю то же, что и вы»). Эта слитность критика с читателями подчеркивается местоимением «мы». Так, интерпретируя высказывание чеховской героини, Анненский вопрошает: «Кто это говорит? Ольга, Чехов или мы говорим? <...> Это мы вопрошаем и ждем, что наша обетованная земля придет за нами» [1. С. 87].

Полезависимость коррелирует с таким «метаизмерением» стиля, как синтетичность. Синтетический характер своих критических работ подчеркивает в предисловии к первой «Книге отражений» сам И. Анненский. Синтетичность предполагает приоритет эмоции, «вчувствования», суггестии над дискурсивно-логическим

развертыванием мысли, подчеркнутую субъективность.

Аналитичность / синтетичность непосредственно связаны с преимущественными способами кодирования информации: вербально-визуальным либо сенсорно-эмоциональным (по типологии стилей кодирования информации М. А. Холодной [8]).

Корреляция визуальности и аналитичности была обнаружена самим И. Анненским, который в статье «Гончаров и его Обломов» писал: «Живет ли человек в своем творчестве больше зрительными или слуховыми впечатлениями, от этого, мне кажется, в значительной мере зависит характер его поэзии. Зрительные впечатления существенно отличаются от звуковых: во-первых, они устойчивее; во-вторых, *раздельнее* и яснее; в-третьих, они занимают ум и теснее связаны с областью мысли, тогда как звуковые ближе к области аффектов и эмоций» [1. С. 254].

Анненский, безусловно, отдает предпочтение музыке стиха: за его сдержанной оценкой сборника Н. Гумилева «Романтические цветы» сквозит несогласие с творческим методом начинающего поэта, которому присущи красота, декоративность, искусный подбор *звукоцветностей*, любовь к изяществу, а не к *музыкально-прекрасному* [1. С. 378].

В этом несогласии отражается несовпадение когнитивных стилей Анненского и Гумилева по ведущему способу кодирования информации – вербально-визуальному у Гумилева и сенсорно-эмоциональному (со звуковой доминантой) у Анненского. Будучи константами, эти специфицирующие признаки сохраняются и в поэтическом, и в литературно-художественном дискурсе.

В своем известном стихотворении «Я люблю безнадежный покой...» Г. Иванов противопоставил размытую образность и музыкальность Анненского поэтике мэтра акмеизма. Твердость, определенность стихотворной формы Н. Гумилева проявляется в афористичности, активности различных типов лексико-семантического контраста, «вещности» метафор, акцентировании основания признака сравнения в компаративных тропах [5].

Различия когнитивных стилей критиков отчетливо просматриваются при сравнении рецензий на стихотворения одного и того же поэта, например, Ф. Сологуба.

Н. С. Гумилев подходит к стихам Ф. Сологуба с позиций визуально-вербальной доминанты: «Словно сквозь закопченное стекло смотрит поэт вокруг себя. Красок нет, да и линии как-то подозрительно стерты; свет зари у него холодный и печальный, жизнь – бледная, день – ясный, бездна – немая. Словарь благородный, но зато какой невыразительный...» [3. С. 104].

Как будто предвидя вердикт Гумилева, Анненский защищает стихи Сологуба, апеллируя к их фонике: «Только вы не разбирайте здесь слов. Я боюсь даже, что вы найдете их сочетания банальными. А вот лучше сосчитайте-ка, сколько здесь *A* и полу-*A*...» [1. С. 354].

Обнаружение когнитивных констант стиля поэта позволяет рассматривать поэтическое и критическое творчество как единый текст, при обязательном учете факторов его дискурсивного варьирования.

Список литературы

1. Анненский, И. Ф. Книги отражений. М., 1979. 680 с.
2. Беляевская, Е. Г. Когнитивные параметры стиля // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2010. № 1. С. 211–229.
3. Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. 383 с.
4. Станиславская, С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001. 21 с.
5. Сыпченко, С. В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. Н. С. Болотновой*. Томск, 2001. С. 99–112.
6. Тарасова, И. А. Параметры профессиональной художественной коммуникации // *Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф. / отв. ред.-сост. Е. И. Голованова : в 2 т.* Челябинск, 2007. Т. 2. С. 184–187.
7. Тименчик, Р. Д. Комментарии // Гумилев, Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 283–365.
8. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004. 384 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена описанию явлений звукоподражания и звукосимволизма в поэтических текстах. Показано, что благодаря использованию звукописи поэты воссоздают образы окружающей действительности, передают авторское отношение к тому или иному явлению.

Ключевые слова: поэтический язык, звукоподражание, звукосимволизм, звуковые повторы.

В произведениях английских поэтов очень часто присутствует звуковой символизм, при помощи которого авторам удается создать определенное настроение, выразить эмоции и чувства. По мнению Р. Якобсона, которого занимали явления звукоподражания и звукосимволизма, «поэзия – это своеобразный язык, поэтому лингвист <...> должен включить поэзию в сферу своих исследований» [7. С. 20].

Осознанный или неосознанный отбор в поэтический текст слов с определенным звучанием оказывает на читателя скрытое эмоциональное воздействие. Так, например, стихотворение В. Оден изобилует звукоподражательными и звукосимволическими формами, которые воспроизводят звуки окружающей действительности:

*Stop all the clocks, cut off the telephone,
Prevent the dog from barking with a juicy bone
Silence the pianos and with the muffled drum
Bring out the coffin, let the mourners come.
Let airplanes circle moaning overhead
Scribbling on the sky the message He Is Dead...
W. H. Auden "Twelve Songs"*

Из контекста произведения очевидно, что лирический герой испытывает скорбь и печаль. Обилие звукоподражательных слов указывает на обостренное восприятие им действительности, его боль настолько сильна, что ее невозможно терпеть, и мозг болезненно воспринимает окружающие звуки. Именно такое настроение передается читателю: ...prevent the dog from barking..., ...with the muffled drum..., ...let airplanes circle moaning overhead.

В некоторых случаях автор не использует непосредственно звукоподражательных слов, но «идея» того или иного звука все равно присутствует. Так, например, во фразе *Stop all the clocks, cut off the telephone...* звукоподражательные слова не употребляются, но все равно ощущается мерный стук часов и звон телефона. То же можно сказать и о фразе: ...*Silence*

the pianos..., где незримо присутствует звук пианино.

Таким образом, звукоподражательные слова помогают автору передать свои чувства, а читателю – понять их, в зависимости от контекста и ситуации.

Очень часто в стихотворениях переплетается использование звукоподражательных и звукосимволических слов, особенно когда звуки реальной действительности отражают какую-то идею. Поэт включает в текст звукоподражательное слово, а затем обыгрывает его, используя аллитерацию:

...There **she** weaves by night and day
A magic web with colours gay.
She has heard a **whisper** say,
A curse is on her if **she** stay
To look down to Camelot.
She knows not what curse may be,
And so **she** weaveth steadily
And little other care hath **she**,
The Lady of **Shallott**...

Alfred Lord Tennyson "The Lady of Shallott"

В приведенном этом отрывке из произведения Альфреда лорда Теннисона выделяется звукоподражательное слово *whisper*, которое задает тон всему фрагменту. Согласно классификации С. В. Воронина, это слово принадлежит классу континуантов, обозначающих шум в его наиболее чистом виде. Именно «шумом» наполнен весь отрывок, мы видим неоднократное повторение звуков [w], [s], которые входят в состав упомянутого слова, а также звук [j], который, по мнению Л. П. Смита, «описывает действие, не кончающееся внезапно, а переходящее в массу смешанных звуков, чего-то разламываемого или шуршашего» [4. С. 156].

Читая этот текст, мы буквально можем «услышать» шепот, окружающий леди Шаллотт, и в то же время, благодаря контексту (*magic web, curse*), можем почувствовать тайну, связанную с этим замком, поскольку слово *whisper*

уже имеет в себе что-то «тайное», что-то, чего нельзя произнести вслух.

Ярким примером косвенного звукоподражания может служить отрывок из стихотворения Джона Мэнсфилда “Sea – Fever”:

I must down to the seas again, to the lonely sea and the sky,

And all I ask is a tall ship and a star to steer her by,

And the wheel's kick and the wind's song and the white sail's shaking,

And a grey mist on the sea's face and a grey dawn breaking...

John Mansfield “Sea – Fever”

В этом произведении автор передает шум моря при помощи аллитерации звука [s] в словах *sea, sky, ask, star, steer, wheel's, wind's, song, sail's, mist...* Благодаря звуковому повтору поэту удастся воспроизвести движение волн.

Завывания ветра переданы посредством аллитерации звука [w], который, по мнению С. В. Воронина, как правило, обозначает шумовой удар, шум в его чистом виде: *wheel's, wind's, white...* [4. С. 88].

Использование прямого звукоподражания во фразе *...the wheel's kick...* помогает читателю «услышать», как скрипит штурвал. При помощи некоторых звуко-символических слов, мы можем также «увидеть», как качается парус: *...white sail's shaking...*, звук [ei] характеризует трясущиеся, неровные движения. Помимо этого, с его помощью можно почувствовать ту неустойчивость, качку, которая царит на борту корабля и вокруг него: *...And a grey mist on the sea's face, and a grey dawn breaking...*

Так автор при помощи отдельных звуков и их сочетаний создает яркую картину моря и тех ощущений и чувств, которые испытывает человек, находящийся в плавании.

В приводимом ниже примере также можно наблюдать явление аллитерации, которая имитирует звуки действительности:

*Slowly, silently, now the moon
Walks the night in her silver shoon;
This way and that she peers and sees
Silver fruit upon silver trees;
One by one the casement catch
Her beams beneath the silvery thatch;
Couched in his kennel, like a log,
With paws of silver sleeps the dog;
From their shadowy cote the white breasts peep
Of doves in a silver-feathered sleep;
A harvest mouse goes scampering by,
With silver claws, and silver eye;*

And moveless fish in the water gleam,

By silver reeds in a silver stream.

Walter de La Mare “Silver”

В этом произведении аллитерация звука [s] позволяет почувствовать ту умиротворенную, спокойную атмосферу, которая наполняет все стихотворение: *slowly, silently, walks, silver, peers, sees, silver fruit, silver trees, ...with paws of silver sleeps the dog..., ...with silver claws, and silver eye..., ...by silver reeds in a silver stream.*

Автор описывает лунную ночь, когда все спят, вокруг тихо, и доносятся лишь неясные шорохи. Повтор звука [s] можно также охарактеризовать как косвенное звукоподражание, поскольку при прочтении стихотворения мы можем ясно представить звуки, что наполняют лунную, серебристую ночь.

Помимо этого, поэт использует преимущественно «мягкие», «идиллические» звуки, которые свидетельствуют о расслабленной, спокойной обстановке. При помощи повтора таких звуков, как [m]: *moon, casement, mouse, scampering, beams, moveless, gleam...*; [l]: *slowly, silently, silver, kennel, sleeps, log...*, читатель как бы «погружается» в само стихотворение, наблюдая за ночью, за движением луны по небу, за тем, как спит собака. Благодаря использованию слова *gleam*, где сочетание [gl] означает «неподвижный свет», мы можем «увидеть», как лунное сияние отражается в тихой, неподвижной воде.

Обращение к звукописи позволяет автору данного стихотворения «нарисовать» картину лунной ночи и передать звуки, наполняющие ее.

В следующем отрывке мы вновь встречаемся с описанием природы. Здесь звуко-символические слова используются для того, чтобы вызвать в сознании читателя зрительные образы:

*I wander'd lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host of golden daffodils,
Beside the lake, beneath the trees
Fluttering and dancing in the breeze...*
William Wordsworth “The Daffodils”

Поэт сравнивает себя с облаком, для описания движения которого он использует слово *floats*, где сочетание [fl] соответствует слабому колыханию воздуха [3. С. 149]. Так можно представить себе человека, который наслаждается природой, «плывет» по холмам и долинам, подобно облаку.

Затем перед нашим внутренним взором предстает поле с нарциссами, для их описания

автор использует слово, где вновь встречается звукосочетание [f]. Благодаря тому, что автор употребляет преимущественно «мягкие», «мажорные» звуки, можно понять, что сам поэт испытывает наслаждение от созерцания природы.

Таким образом, при помощи звукоизобразительных средств в поэзии «рисует» картина окружающей действительности, читатель не только может ощутить состояние природы, описанное в стихотворении, но и проникнуться чувствами автора.

Список литературы

1. Английский сонет XVI–XIX веков : сб. / сост. А. Л. Зорин; на англ. яз. с парал. рус. текстом. М., 1990. 698 с.

2. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. СПб., 1999. 444 с.

3. Блумфильд, Л. Язык / пер. с англ. Е. С. Кубряковой. М., 1968. 607 с.

4. Воронин, С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.

5. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 347 с.

6. Журавлев, А. П. Звук и смысл. М., 1991. 155 с.

7. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М., 1987. 460 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328).
Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 170–172.*

О. В. Томберг

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ В ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Освещаются конститутивные особенности архаичного эпического текста с коммуникативной точки зрения. Автор рассматривает коммуникативные скрепы плана содержания и плана выражения и их место в культуре рассматриваемого периода.

Ключевые слова: эпос, фольклорная коммуникация, фольклорный художественный образ.

Изучение архаичных эпических текстов возможно с различных исследовательских позиций. Данная работа сфокусирована на исследовании англосаксонского эпоса «Беовульф» как объекта и средства коммуникации в контексте определенной культуры. Эпос возникает в смешанном англо-скандинавском сообществе Британских островов приблизительно в VII–VIII веках н. э. и принадлежит к текстам устной культуры, что влечет за собой ряд конститутивных признаков текста как продукта культуры: пластичность, синкретичность, функциональность и др. Эти и другие особенности архаического эпоса являются коммуникативно релевантными, поскольку для фольклора вообще и эпоса в частности характерна «инклюзивность» в социологический контекст, неотделимость художественной функ-

ции от функции «исторической» и магической (М. И. Стеблин-Каменский).

Согласно мнению основоположника функциональной теории культуры Б. Малиновского, функция – это роль института в целостной схеме культуры [4. С. 50], при этом сфера символического также входит «в определенную инструментально опосредованную цепочку и остается ее неотъемлемой частью» [4. С. 120]. Фольклор выступает – в определенных условиях и обстоятельствах – равноценным участником прагматических действий, функционирующих социальных институтов, бытовых ситуаций [7. С. 64], что делает его важнейшим элементом интегральной системы культуры этноса. Это конституирует социальную функцию эпоса и его магистрального образа – образа национального героя – как индикатора на-

циональной идентичности англосаксов в контексте англо-скандинавских взаимоотношений VII–X веков.

В функциональном аспекте эпос и шире – сфера символического в целом – это культурный ответ на ряд базовых потребностей, таких, как безопасность, движение, развитие и производных от них потребностей: в терминологии Б. Малиновского, в приложении к сфере символического – интегративных императивов человеческой культуры. Основной тезис звучит здесь следующим образом: культура не могла возникнуть «без одновременного появления артефактов, техник, организации и символического» [4. С. 115]. Согласно Б. Н. Путилову, задачей фольклориста и является раскрытие, преломление и механизм действий функциональных связей на всех уровнях текста [7. С. 82].

Функциональная нагрузка архаичных текстов во многом обуславливает специфику данных текстов с коммуникативной точки зрения. Инклюзивность фольклора в повседневную ритуально-обрядовую деятельность коллектива, его устный генезис превращают текст в объект и средство коммуникации, при этом эпический певец не продуцирует, а репродуцирует устный культурный текст в его устойчивости и завершенности [6. С. 18]. И в этих условиях важным является достижение коммуникативной прозрачности текста для всех членов культурного сообщества. С этой точки зрения архаичный эпический текст представляет собой «полностью детерминированный объект с заранее известной жесткой структурой, имеющий минимальную энтропию» [3. С. 140].

Коммуникативные скрепы относятся и к плану содержания, и к плану выражения, однако наиболее ригидным является именно содержательный аспект, отсылающий к общему культурному семиотическому пространству. Эпический певец был более свободен и пластичен в плане выражения, отсюда все возможные повторы и синонимические дублиеты. Эпические повторы релевантны в коммуникативном аспекте: это важнейшее средство получения «выводных» знаний, позволяющее при фольклорном исполнении напомнить о прослушанном ранее [6. С. 18]. Однако эти вариации условны: для них характерна опора на общую семантическую зону варьируемых элементов, что обеспечивало однозначное понимание культурного текста всеми участниками коммуникации. В целом средневековая поэтика, согласно теории П. Зюмтора, есть поэтика

эффекта, а ее задача – оправдать ожидание аудитории, которое содержит общеизвестные константы [2. С. 40]. Данные константы есть топосы, то есть общие места культурной традиции, понимаемые всеми членами коллектива, которые относятся ко всем уровням текста.

Художественный образ как одна из конститутивных содержательных категорий поэтики также является важным элементом эпической коммуникации, обладающим рядом специфических черт. Особенно это релевантно для культурно значимых образов, как, например, образ национального героя – репрезентант народной идеи о национальном англосаксонском герое. Это древнеэпический герой высокого миметического модуса (в определении Н. Фрая), в образе которого, с исторической точки зрения, сосуществуют и реликты архаичного мифологического сознания, языческие мотивы германцев, скандинавское влияние, новейшие христианские тенденции.

Уже имя героя *Beowulf* имеет глубокую символическую семантику: согласно одной из теорий, в названии племени гаутов *Geatas*, к которому принадлежит Беовульф, содержится поэтическая аллюзия на одно из германских племен (юты) *Iuti* (или *Iutae*) из поэтического перевода “*Historia Ecclesiastica*” Беда Достопочтенного [9. С. 126]. Подобные этнически маркированные имагологические метки являются во-первых, способом национального объединения англосаксов в сложный период скандинавских вторжений; во-вторых, элементом общего коммуникативного пространства англосаксов. В художественном образе синкретически соединены эстетическая, семантическая и прагматическая информация [3. С. 140], причем это соотношение не является константой: эволюция искусства обнаруживает смещение в пользу эстетической доминанты. В эпосе и, как следствие, в образе Беовульфа, присутствует синтез двух видов информации – семантической и прагматической: коммуникация осуществлена в едином семантическом пространстве певца, текста и аудитории. Образ репрезентирует ожидания адресата, энтропия образа и его концептуальной и лингвостилистической разработки сведена к нулю.

В основе данного магистрального эпического образа лежит идеал, за которым стоит общая для англосаксов потребность в единой концепции мира: гармонизация с окружающей враждебной действительностью (репрезентированной в образах сверхъестественных чудовищ),

стремление к порядку, «деянию, изменяющему мир» [2. С. 39]. Семантическое выделение Беовульфа как *homo heroicus* из общей массы воинов со- и иноплеменников происходит благодаря таким древнеанглийским эпитетам, как *sigehreð secgum, wæltreowwiga, modganmægnes, heafodeor, heardunderhelme, ellenrof, wigenastrengest, secgbetsta, mægnesblæd, ðegnbetstan, sigoreadigsecg, heardunderhelme, strengegetruwode, mundgripemægenes* и др. Денотатами данных определений являются идеи смелости, решительности, силы, мужества, уверенности в победе, негибкости. Беовульф выделен по высочайшей степени данных качеств – как воин (*secg* и *wig*), он *betstan, strengest, mildustondmondwærust, leodumliðostondlofgeornost*. Обилие в речи Беовульфа модальных конструкций, в том числе в сильных текстовых позициях согласуется с эталонно-предписывающей функцией героя в условиях жесточайшей угрозы. Даже любые отклонения от традиционной содержательной и выразительной формульности и традиционности не являются коммуникативными помехами: концепция героического наделяет национального героя большей мировоззренческой и поведенческой свободой.

Например, один из ключевых концептов «судьба», представленный ядерной лексемой «*wyrd*», в эпосе репрезентирует реликты языческой семантики – пациентивную позицию по отношению к судьбе. И только Беовульф может занять более активную позицию: только «герой трагически противостоит судьбе, способен утвердить себя в ее царстве» [8. С. 492]. Качество, противостоящее силе судьбы, силе обреченности (сделать воина *unfægne – notappointedtodie / не обреченного на смерть*) – это мужество (*ellen*): ...*Wyrdofnereð unfægneorl, þonnehisellendeah* (572–573).

С коммуникативной точки зрения интересна и психологическая разработка образа – в характеристике героя преобладают внешние черты, эксплицирующие его силу, доблесть и воинскую мощь: *sigehreð secgum, wæltreowwiga, modganmægnes, heafodeor, heardunderhelme, guðhreð, sigoreadigsecg, wigenastrengest, secgbetsta, marecempa, mægnesblæd, hordweardhælepa, þeodenScyldinga, ðegnbetstan, frodcyning, ealdeþelweard, hringafengel, mundgripemægenes* и т.д. Национальный герой в англосаксонский период осмысливается как непротиворечивая личность, в которой внутреннее содержание и внешние проявления находятся в согласии.

Чувства и мысли, конституирующие внутреннее пространство образа, подчинены мотивационно-потребностным и ценностным установкам личности героя и шире – аксиологическим доминантам англосаксонской культуры в целом, поскольку эпос репрезентирует «специфическое <...> гармоническое единство богатыря и коллектива», при этом общественные моральные принципы «осуществляются в индивидуальном подвиге богатыря» [5. С. 21]. Мысли и чувства героя осмысливаются в его деяниях, и содержание его мыслей, чувств, переживаний ни у кого не могло вызвать никаких сомнений [1. С. 165].

Таким образом, архаичный эпический текст является не просто средством коммуникации по линии «культура – певец – слушатель», он погружен в повседневную ритуально-обрядовую коммуникацию, что конституирует коммуникативные и прагматические особенности его стилевой организации на всех уровнях.

Список литературы

1. Гуревич, А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 134–162.
2. Зюмтор, П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003. 544 с.
3. Копчик, В. А. Этюды по теории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук / В. А. Копчик, В. П. Рыжов, В. М. Петров. М., 2004. 368 с.
4. Малиновский, Б. Научная теория культуры. М., 2005. 184 с.
5. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М., 2004. 462 с.
6. Неклюдов, С. Ю. Традиции устной и книжной культуры // Слово устное и слово книжное : сб. ст. М., 2009. С. 15–33.
7. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб., 2003. 464 с.
8. Сапронов, П. А. Феномен героизма. СПб., 2005. 512 с.
9. Nyles, John D. Reconceiving *Beowulf*: Poetry as social praxis // *Beowulf: a prose translation: contexts, criticism* / ed. by N. Howe. NY, 2002. P. 111–134.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена анализу феномена речевой агрессии в креолизованных текстах. Мем, троллинг, виртуальная коммуникация рассматриваются с точки зрения социолингвистики.

Ключевые слова: речевая агрессия, мем, креолизованные тексты, троллинг.

В современном информационном пространстве такое понятие, как «культурное речевое поведение», к сожалению, нередко утрачивает свои позиции, вместо него на первый план выходит агрессивная коммуникативная модель поведения. Возможность анонимного общения в социальных сетях и на различных форумах избавляет участников от ответственности за свои слова, рождает у них чувство безнаказанности. В связи с этим речевая агрессия в сети Интернет становится актуальным объектом лингвистического изучения.

Речевую агрессию можно охарактеризовать как речевую грубость по отношению к собеседнику, проявляющуюся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии и др. [3]. Особенность проявления агрессии в креолизованных интернет-текстах заключается в том, что агрессия здесь, как правило, направлена на широкую аудиторию (пользователей Интернета) и носит социальный, культурный или политический характер.

Креолизованным текстом в нашем исследовании мы называем картинку (мем), вызывающую определенные ассоциации у большей части интернет-пользователей и служащую для более точного выражения некоей идеи. Картинка сопровождается короткой надписью, в которой отражена авторская мысль. Обычно текст носит иронический (сатирический) характер и преследует цель вызвать какую-либо реакцию, в нашем случае негативную – раздражение, возмущение, негодование и т. д. Термин «мем», таким образом, мы отождествляем в данной статье с понятием «креолизованный текст».

Ричард Броуди в своей книге «Психические вирусы» разъяснил подходы некоторых наук к понятию мема. Так, например, приводится биологическое определение мема (по Докинсу): мем – это основная единица передачи культурной информации, то есть имитации. Исходя из этого понимания, все, что входит в понятие

культуры, состоит из мельчайших частиц – мемов, которые «находятся в постоянной конкуренции между собой». Распространяются мемы во время коммуникативного акта, «посредством передачи от сознания одного человека к другому».

Психологическое определение мема (по Генри Плоткину) состоит в следующем: мем является единицей культурной наследственности, аналогичной гену. Данное определение представляет мем как «внутреннюю репрезентацию знания». Соответственно, мемы являются не чем иным, как структурной и функциональной психологической единицей и «живут не во внешних атрибутах культуры, а в самом сознании».

Когнитивистское определение мема (по Дэниела Деннетту): мем – это такого рода комплексная идея, которая формирует себя в виде чего-то определенного и запоминаемого, и распространяется посредством орудий – физических проявлений мема.

В качестве рабочего мы принимаем следующее определение. Мем – это единица информации, которая содержится в сознании. Мем воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество его копий.

Так или иначе, мемы циркулируют в коммуникативной среде, определенным образом влияя на сознание и человеческое поведение в целом. Задача мема – в конечном счете «осесть в голове» как можно большего количества людей, «инфицировав» их. Как утверждает Ричард Броуди, «если в вашем сознании действует какой-либо мем, то можно не сомневаться, что он влияет на ваше поведение – существенно или несущественно» [3].

По сути, задача креолизованных текстов – вызвать какую-либо реакцию на представленное заявление – позитивную (смех, согласие) или негативную (возмущение, несогласие). Назначение речевой агрессии, естественно, вызывать негативную реакцию и в подобном виде она отчасти совпадает с функциями *троллинга* и *кибербуллинга*.

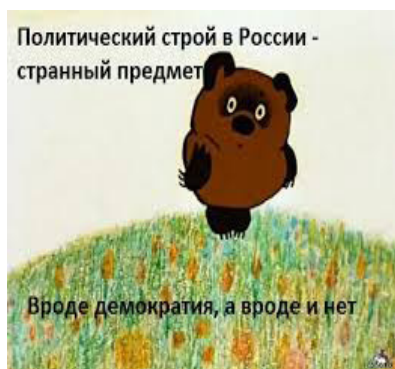
Троллинг и кибербуллинг представляют собой разновидности подрывной деятельности в Интернете, заключающейся в размещении в виртуальном пространстве заведомо провокационных сообщений, целью которых может быть разжигание конфликтов в сети, психологическое давление на интернет-пользователей, киберзапугивание, кибершантаж и т. п. [2].

В интернет-терминологии «тролль» – это человек, который размещает грубые или провокационные сообщения в Интернете, например в дискуссионных форумах, мешает обсуждению или оскорбляет его участников. Слово «троллинг» может характеризовать конкретное сообщение либо в целом размещение таких сообщений.

Кроме чисто субъективных проявлений, троллинг может использоваться (и используется) для ведения информационных войн. В этом случае целью его применения является отвлечение внимания людей от острых тем и перевод конструктивного обсуждения проблемы в словесную перепалку. Троллинг является также одним из методов нападения на кого-либо путем агрессивного вброса клеветы, компромата, слухов и т. д.

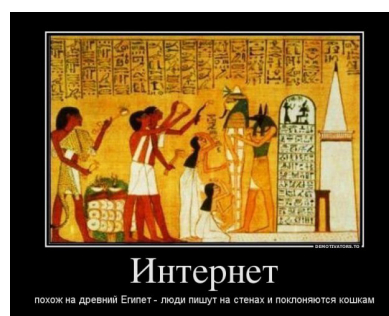
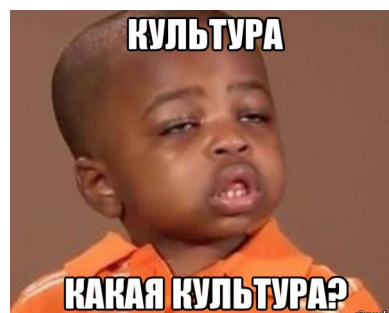
Ниже рассмотрим проявления речевой агрессии в нескольких сферах:

1. Политическая сфера. Задача политических мемов, как правило, сводится к дискредитации партии соперника (см. рис.) либо к популяризации «своей» партии.



По определению А. П. Сковородникова, политические мемы являются активной непрямой речевой агрессией – распространением злой клеветы или сплетен о ком-либо. Они служат для создания определенного образа отдельно взятого представителя или партии в целом;

2. Сфера культуры. Задачей речевой агрессии в мемах, посвященных культурной проблематике, является осмеяние принципов и норм морали, общепринятых негласных законов и устоев, насмешка над чьей-либо культурой, либо критика своей.



3. Сфера межнациональных отношений. Самая распространенная речевая агрессия в креолизованных текстах – нападки на представителей других этнических групп. Другими словами, в мемах происходит самоутверждение представителей одних национальных сообществ за счет дискредитации других. По А. П. Сковородникову, данные мемы можно отнести к активной прямой речевой агрессии.



4. Социальная сфера. Мемы, относящиеся к данной сфере, посвящены разнообразным проблемам, возникающим в социуме. Задача подобных мемов – заострить внимание пользователей на негативных аспектах тех или иных социальных групп.



Распространение речевой агрессии (троллинга) на просторах Интернета во многом отражает состояние морали в обществе, где люди не относятся друг к другу как к личности, игнорируют проблемы и переживания других и, наконец, отвечают цинизмом на попытку завязать общение.

Речевая агрессия в интернет-общении проявляется по-разному: наклеивание различных ярлыков, вызывание негативных ассоциаций, обыгрывание имени объекта агрессии, заострение внимания на неприятных и/или обидных для кого-либо деталях, прямое / косвенное оскорбление и т. д.

По степени «интенсивности» речевой агрессии можно выделить две основных разновидности: сильные, или открытые, формы речевой агрессии: брань, ругань, прямое порицание; слабые, или стертые, формы: косвенное осуждение, скрытый упрек.

В заключение еще раз подчеркнем, что анонимность, свобода и открытость интернет-коммуникации порождают ряд негативных явлений, в том числе направленную речевую агрессию в виде креолизованных текстов. Последствия такого общения могут быть вполне серьезными, а способы фильтрации и корректировки креолизованных текстов представляются довольно смутно. Исследование агрессивно-негативного контента в сети Интернет, выявление механизмов возникновения и тенденций развития агрессивного речевого поведения поможет найти позитивные решения и эффективно противостоять нарастанию данной проблемы.

Список литературы

1. Броди, Р. Психические вирусы. Как защититься от программирования психики : метод. пособие для слушателей курса «Современные психотехнологии». М., 2002. 192 с.
2. Валевский, В. Интернет-троллинг и кибербуллинг. Что это? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2012/04/20/10137>.
3. Романова, Н. Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. М. 2009. 304 с.
4. Салий, Н. С. Речевая агрессия в российских и региональных (дальневосточных) СМИ и ее последствия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.festival.mggu-sh.ru/works/item/2027>.

СТОХАСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Рассматриваются особенности поэтического текста и тесно связанного с ним понятия полуотмеченных структур, приводятся некоторые теории, которые могли бы составить методологические основы анализа поэтического текста, а также дается пример стохастического анализа отрывка стихотворения.

Ключевые слова: поэтический текст, полуотмеченная структура, коэффициент стохастичности, эффект обманутого ожидания, диафора, комбинаторная семантика.

Элементы поэтического текста характеризуются весьма сложными коррелятивными связями, порой дистантными и имплицативными. Благодаря этим связям осмысленными становятся сочетания, которые в изоляции могли бы показаться лишёнными смысла. Одним из средств соединения далеких понятий для создания емких синтактико-смысловых структур, а также одним из способов квантования, перераспределения и компрессии информации в образной системе художественного текста являются полуотмеченные структуры (ПС)¹ – фразы с нарушением лексической (*once below a time*) или грамматической (*chips of when*) сочетаемости слов, а также сложные слова с лексической либо грамматической несочетаемостью морфем. Широко известны такие поэтические примеры ПС, как *a grief ago, a farmyard away, the shadows of a sound, little whos, he danced his did* [1. С. 93]. Смысл ПС выявляется в широком контексте произведения, причем порой не только в лингвистическом, но и экстралингвистическом. Полуотмеченные структуры подразделяются на:

1. Грамматические метафоры, предполагающие перенос грамматической формы с одного вида отношений на другой с целью создания образности либо употребление какой-либо части речи в несвойственной ей грамматической функции [7]. Например, во фразе *chips of when*: вопросительное наречие употребляется в функции дополнения. Грамматическая метафора возникает также при нарушении грамматической парадигмы слова, например, в словосочетании *something heavenlier*, где относительное прилагательное *heavenly* приобретает степень сравнения.

2. Лексические ПС предполагают употребление слова с другими, семантически несогласованными с ним словами. Например, в сочетании *a grief ago* вместо слова *grief* нужно существительное со значением единицы вре-

мени. К лексическим ПС можно отнести и оксюморонные сочетания типа *sing of human unsuccess* (W. H. Auden), а также неимпликационные сочетания, приведенные М. В. Никитиным (см. ниже).

3. Лексико-грамматические ПС имеют нарушения как лексической, так и грамматической валентности слов. В качестве примера приведем строку из стихотворения Х. Крейна: *What words can strangle this deaf moonlight?* (H. Crane. *Voyages*). В противоположность фактически употребленным в предложении словоформам, переходный глагол *strangle* во фразе *to strangle moonlight* требует одушевленного существительного; а прилагательное *deaf* в *deaf moonlight* сочетается с одушевленными существительными [1].

4. Морфологические ПС характеризуются либо семантической и грамматической несочетаемостью частей сложного слова (*fishwife*), либо добавлением суффиксов, не сочетающихся с данным словом (*balalaikalogical*), либо объединением в сложные слова целых фраз и предложений (*at-homeness*). Вероятно, к морфологическим ПС следует причислить и случаи паронимии, например: *Homo Insapiens, subspecies, Col. Brit* (R. Aldington) [1].

ПС могут иметь большую и меньшую степень прозрачности. В абсолютно «затемненных» ПС не просматривается ни черт сходства, ни какой-либо логической связи между ее элементами (как в примере Н. Хомского: *colourless green ideas sleep furiously*). Однако в большей части ПС между элементами угадываются определенные логические связи, включая синкретическую «логику» эмотивно-образных ассоциаций. Например, синестезическое сходство манеры действия и ассоциации с грозностью, смелостью в отрывке *Твои зубы смелы, / В них усмешка ножа, / И гудят, как имели, / Золотые глаза* (А. Вознесенский), или символизм летящих колоколов, означающих

неотвратимость хода времени, вкупе с ритмом соответствующей аграмматичной фразы с перераспределенными компонентами: *anyone lived in a pretty how town / (with up so floating many bells down)*... (Е. Е. Cummings). Тем не менее, и эти ПС следует признать смысловыми единицами, сложными для понимания, прежде всего, в связи с их компактностью и информационной насыщенностью, а также грамматическими транспозициями в них, ведущими к нарушениям логики. Порой читатель вынужден обращаться к таким фразам и контексту произведения несколько раз, прежде чем он поймет их смысл.

Возможными методологическими рамками для рассмотрения поэтического текста и, в частности, ПС могут являться различные семантические концепции. Их можно рассматривать в свете дихотомии конвенциональный троп и новообразованный, оригинальный троп (ср. «эпифора» и «диафора» [3]); в свете теорий валентности, коллокации / коллигации и их нарушений. Весьма эффективно в качестве методологической базы может использоваться и теория комбинаторной семантики, разработанная М. В. Никитиным, которая рассматривает закономерности «сложения смыслов» отдельных полнозначных слов (имен), объединяющихся в сложные номинативные единицы, и соотношения между значениями имен-компонентов и значением целого сочетания [5. С. 62–114]. В свете этой концепции ПС относятся к числу сочетаний, для которых характерна экспликация негемпликациональных признаков значения одного или более элементов. По М. В. Никитину, «негемпликационал» – это совокупность понятий отрицательной импликации, то есть семантических признаков, несовместимых с интенционалом значения слова. Автор приводит следующие примеры негемпликациональных словосочетаний, **каждое из которых одновременно является и ПС**: *joyous alarms, furnished souls, peevish gutter, eyeless road, a white sleep, the hyenna dispair, breasted tree, the conceiving moon, gooseskin winter, dunghill sky, in its box of sky lavender and cornerless / the moon rattles like a fragment of angry candy, sour cream wall, my blood stings, winds that knife us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; lifelong the fishlipped lovers lie / kissing catastrophes, smothering mountains of my silence, lizards of reminiscence.*

Все перечисленные теории могут плодотворно использоваться для изучения поэтиче-

ского текста и, в частности, ПС, однако в настоящем исследовании мы возьмем в качестве методологической базы две другие концепции, которые предполагают использование точных методов – формальных исчислений. Речь идет о «стохастических» (вероятностных) моделях текста М. Риффатера и А. Н. Мороховского, позволяющих измерить предсказуемость и непредсказуемость элементов текста и, соответственно, определить степень воздействия ПС на читателя. Обе концепции исходят из одинаковых посылок, однако М. Риффатер описывает воздействие текста на читателя и ставит в центр внимания понятие эффекта обманутого ожидания, а А. Н. Мороховский стремится формализовать предсказуемость и непредсказуемость компонентов текста с помощью введения специального показателя – коэффициента стохастичности текста. По мнению М. Риффатера, декодирование цепи письменных высказываний является более сложным и контекстно-обусловленным, чем декодирование высказываний в цепи устной речи, хотя это и компенсируется возможностью прочесть текст еще раз. Письменный текст сложнее и в отношении кодирования, так как в распоряжении писателя нет тех непосредственных и естественных средств, которые имеются в распоряжении говорящего и обуславливают большой внушающий эффект: тона, тембра голоса, мимики, жестов и т. д. Поэтому, если писатель хочет, чтобы его намерения достигли цели, он должен контролировать декодирование самим кодированием, стараясь привлечь внимание читателя к тем элементам речевой цепи, которые кажутся ему важными, и сделать так, чтобы они не ускользнули даже при самом поверхностном чтении. А поскольку предсказуемость, по мнению М. Риффатера, приводит к «эллиптическому декодированию», важнейшие элементы текста должны быть непредсказуемыми.

Как проявляется непредсказуемость и предсказуемость элементов и как ее измерить? Линейность речи обуславливает тот факт, что появление каждого последующего элемента подготавливается предшествующим элементом, само же появление нового элемента подготавливает последующие. Если на этом фоне появляется элемент, обладающий малой вероятностью появления (или малой предсказуемостью), он создает стилистический эффект, который М. Риффатер называет эффектом обманутого ожидания. ПС, будучи основанной на несочетаемости входящих в нее элементов,

является структурой, обладающей малой предсказуемостью. Именно этим обуславливается ее высокая степень экспрессивности. По утверждению М. Риффатера, этот эффект выделения из фона, примечания, можно сам по себе рассматривать как сигнал значимости ПС, даже если полностью отбросить субъективную интерпретацию ее читателями.

В отличие от М. Риффатера, который предлагает выявлять релевантные в смысловом и стилистическом отношении элементы текста, основываясь на восприятии их реципиентом, А. Н. Мороховский предлагает точную формулу расчета соотношения предсказуемых и непредсказуемых элементов в тексте, вводя для этого переменную величину, названную коэффициентом стохастичности. По мнению А. Н. Мороховского, М. Риффатер преувеличивает удельный вес эффекта обманутого ожидания в тексте. Для обеспечения прагматической направленности высказывания или текста, в том числе и художественного текста, необходимо совмещение в системе случайных (отсутствующих в тезаурусе реципиента) и детерминированных элементов и их связей [4].

Обозначим случайные (непредсказуемые) элементы какого-либо текста символом H , а детерминированные – символом D . Отношение величин этих связей показывает коэффициент стохастичности (вероятности). Обозначим его символом G , таким образом, $G = H : D$.

В письменном типе речи из каждых пяти битов информации, приходящихся на одну букву текста, четыре бита являются избыточными, содержат заранее известную информацию, получение которой детерминировано системой, и один бит непредсказуем, то есть коэффициент стохастичности в среднем равен $G = H : D = 1 : 4$. Как утверждает А. Н. Мороховский, это результат длительной эволюции языка, обеспечивающий, с одной стороны, достаточную информативность, а с другой – структурную целостность любого текста. Если бы количество детерминированных элементов стремилось к нулю, то язык стал бы полностью бессмысленным, представляя собой некий неупорядоченный набор компонентов. Если бы количество непредсказуемых элементов стремилось к нулю, все элементы были бы полностью предсказуемы, в результате чего язык не мог бы служить средством коммуникации.

Эти отношения применимы не только к естественному языку, но и к вторичным семиотическим системам, в частности, к художественным

текстам. В том случае, если художественный текст тяготеет к использованию жестко детерминированного набора элементов в их отношении, то для него характерна крайняя степень традиционности, как следствие этого, малая информативность, низкий коэффициент стохастичности. Тяготение к традиционным формам характерно для фольклора, где широко используются клишированные конструкции типа добрый молодец, красна девица, ясный взор, темный лес, быстра реченька и проч. В случае же, когда элементы и их связи непредсказуемы, коэффициент стохастичности стремится к бесконечности. Такое явление часто встречается в художественных текстах формалистского типа. Как утверждает А. Н. Мороховский, в художественных текстах существует некое оптимальное соотношение H и D . При этом оценку непредсказуемых элементов читатель может проводить только на основе элементов D , то есть на основе предварительных знаний норм литературного языка, канонов литературных школ и направлений, законов жанра, всего историко-социального контекста.

Большое место в концепции А. Н. Мороховского имеет ограничение контекста для выявления коэффициента стохастичности текста. Ученый считает целесообразным дифференцировать такие типы стилистического контекста, как микро-, макро- и мегаконтекст, реализуемые, соответственно, в рамках отдельного предложения, сверхфразового единства и всего текста. Многократное употребление так называемых ключевых или тематических слов в различных речевых ситуациях в пределах одного текста обогащает и изменяет их смысловое содержание. При неясности значения единицы в микроконтексте привлекается макроконтекст, при непроясненности ее в макроконтексте – мегаконтекст, в том числе экстралингвистический. Эта процедура приложима и к анализу поэтического текста.

Для иллюстрации стохастического анализа поэтического текста нами был взят отрывок из стихотворения американского поэта Сола Фунароффа. На первом этапе на основе макроконтекста производился расчет детерминированных и недетерминированных элементов и вычислялся коэффициент стохастичности. На втором этапе выявлялись ПС, которые находятся на стыках детерминированных и недетерминированных элементов и создают эффект обманутого ожидания. На третьем этапе определялись значения и функции ПС в контексте.

*I am that exile
from a future time,
from shores of freedom
I may never know,
who hears, sounding in the surf,
tidings from the lips of waves
that meet and kiss
in submarine gardens
of a new Atlantis
where gold-colored fishes
paint the green gloom.* (Funaroff, *The Bell-buoy*)

Данный отрывок содержит образ аллегорико-фантастического типа, создаваемый за счет развернутой метафоры. Анализ детерминированных и недетерминированных элементов здесь лучше проводить в два шага. Шаг первый показывает границы референта и образа первичной метафоры: здесь один детерминированный элемент, в прямом значении соответствующий референту – “I”, остальные же элементы в совокупности образуют образ метафоры. Сокращенно: *D: I; H: exile, future time, shores, freedom, know, hears, sounding, surf, tidings, lips, waves, meet, kiss, submarine gardens, new Atlantis, gold-colored fishes, paint, green gloom.* Шаг второй классифицирует по степени детерминированности / недетерминированности элементы, входящие в референцию и образ вторичной, развернутой метафоры: *D: I, exile, shores of freedom, surf, know, tidings, waves, submarine, Atlantis, gold-colored fishes, green. H: future time, lips, meet, kiss, tidings, gardens, paint, gloom.* $G = 8:11 = 0,73$.

На стыке детерминированных и недетерминированных элементов выделяется ряд метафор, которые можно трактовать как ПС, образующие эффект обманутого ожидания:

1) *exile from a future time* – ПС лексического типа. Реализуемый троп – оригинальная авторская метафора пространственно-временного типа, где временная категория (time) выполняет пространственную функцию: изгнанник из будущего;

2) *gold-colored fish paint the green gloom* – сочетание предикативного типа является ПС лексического типа. Реализуемый троп – оригинальная авторская метафора: двигаясь, рыбки расцвечивают темно-зеленый сумрак подводного мира;

3) *tidings from the lips of waves that meet and kiss* – ПС лексического типа. Реализуемый троп – игра слов + оригинальная авторская метафора. Игра слов состоит в реализации двух значений слова *tidings*: 1) прибой, 2) новости. Первое значение обеспечивается предыдущим и последующим контекстом «морской» тематики, а второе значение обеспечивается контекстом олицетворения: *lips... that meet and kiss.*

Итак, коэффициент стохастичности в представленном поэтическом отрывке почти в три раза превышает норму (0,73 против 0,25), что усложняет его понимание. Эффект обманутого ожидания создается на стыках детерминированных и недетерминированных элементов текста, здесь же обнаруживаются ПС. Главная черта, отличающая ПС от других авторских тропов, – это значительная семантическая отдаленность составляющих их элементов.

Примечание

¹ Термин И. В. Арнольд. Н. Хомский обозначал аналогичное явление термином *casual structures*.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1981. 295 с.
2. Золина, Н. Н. Полуотмеченные структуры и их стилистические функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 21 с.
3. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры : сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990. С. 358–387.
4. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка. Киев, 1991. 272 с.
5. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие. М., 1983. 127 с.
6. Риффатер, М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. № 9. С. 69–97.
7. Шендельс, Е. И. Грамматическая метафора // Филол. науки. 1972. № 3. С. 48–57.
8. Funaroff, S. *The Spider and the Clock*. N.Y., 1936.

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАСТОЯЩЕГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале произведений В. Пелевина)

Описываются способы использования языков для специальных целей, а также игровые приемы их моделирования в художественном дискурсе на материале произведений В. Пелевина «П 5» и «Т». Языки для специальных целей рассматриваются как средство репрезентации некоторых тенденций, характерных для современного русского языка.

Ключевые слова: языки для специальных целей, тенденции развития языка, художественный дискурс, языковая игра.

Создаваемые на основе игровых приемов фантастические и абсурдные миры произведений В. Пелевина являются вместе с тем и средством репрезентации настоящего, при этом объектом изображения автора оказываются не только реалии постсоветского общества, но и общие и частные тенденции, характерные для современного языка. Цель данной статьи – описание языковых тенденций, являющихся объектом изображения в пелевинских текстах (на примере произведений «П 5» и «Т»).

Понятно, что процессы, происходящие в постсоветском пространстве, появление новых технологий и развитие науки вызвали изменения в языке. В частности, сформировались новые языки для специальных целей, представляющие собой функциональные разновидности «современных развитых национальных языков, обслуживающих разнообразные специальные области знаний и деятельности, характерные для нашей эпохи» [1. С. 133], такие как высокоинтеллектуальный жаргон программистов или компьютерно-интернетский жаргон. Элементы последнего активно используются в произведениях В. Пелевина («Шлем ужаса», «П 5», «Т»). Однако для В. Пелевина характерна языковая полифония, которая проявляется в объединении в рамках одного произведения сразу нескольких разновидностей национального языка.

Так, в «Т» используются специальные лексические единицы, отображающие разные сферы деятельности: верования (*исихасты, эзотерик, каббалист, каббала, сефирот, зороастрийцы, маздаисты, тантристы, ламаизм*); науку – историю (*гоплит, конкиста*), психологию (*фрустрированный, реципиент, вторая сигнальная система, первая сигнальная система*), математику и информатику (*маши-*

на Тьюринга); экономику (*инсайд, девелопер, моргидж, маркетолог*); технику (*реверсировать*); СМИ (*прайм-тайм, гляцевый журнал*); политику (*политтехнолог*). Отдельными элементами представлены также молодежный жаргон (*ботва, планктон, колбасить, отмудохать*), уголовный жаргон (*баллон катят*), национальный жаргон (*бабки, бабло, крыша, жмурик*).

Более полно в романе изображены жаргон наркоманов и компьютерно-интернетский жаргон, которые представлены не отдельными элементами, а именно как языки для специальных целей, имеющие внутреннее стилистическое расслоение. В частности, жаргон наркоманов включает специальную лексику, обозначающую химические вещества (*лизергиновая кислота, ЛСД*), заимствования из английского языка (*трип*, в сочетании *кислотный трип*), сниженную лексику, образованную по разговорным словообразовательным моделям (*торчок, косячок, торч, штырить*). Так же неоднороден компьютерно-интернетский жаргон, который, по сути, представлен субъязыками, связанными с устройством компьютеров, их программным обеспечением, Интернетом и компьютерными играми: *контент, девайс, шутер, консольный шутер, флеха, топ, инфа, движок, писи, босс-файт, кат-цена*. Причем заимствованная специальная лексика может включаться в текст на английском языке или в русском транскрибированном варианте, например: *Иронический ретро-шутер на движке «source» выйдет в версиях для писи и иксбокса. Консольный вариант пойдет в комплекте со специально написанной книгой, типа как коллекционный «Warcraft»* [3. С. 142–143]; *Охрана ставит на склон «макбук эйр» с мак ос десять-шесть* [3. С. 139].

Такая языковая полифония отображает общие черты развитых национальных языков XX–XXI веков, представленных сотнями языков для специальных целей (см., напр.: [1. С. 133]), а изображение жаргонов, объединяющих специальную лексику и термины, заимствования и сниженную лексику, репрезентирует две основные, по мнению В. М. Лейчика, тенденции в развитии современного русского языка – его интеллектуализацию и демократизацию [1. С. 133].

Вместе с тем В. Пелевин не просто имитирует языки для специальных целей, а моделирует эти языки, расширяя их состав и отражая тенденции развития современного русского языка. Можно выделить несколько способов и приемов такого моделирования.

1. Для обозначения понятий и реалий, связанных с разными сферами деятельности в творимой виртуальной реальности, создаются окказионализмы на основе книжных, нейтральных и разговорных словообразовательных моделей, например: *баблонавты*, *клиентозаход*, *криптомастурбатор с «правой ру»*, *кавалердавр*, *некроденичик*, *зомбомичман*. Нередко значение окказионализмов поясняется в тексте: *мурзилаки* – «*виртуалы Константина Голгофского*» [2. С. 203]; «*криптосник*» – **разговорная техника**, внедряющая «*в сознание собеседника специальные микрокоманды, сами по себе безвредные, но в контексте выверенной фразы образующие что-то вроде бинарного лингвистического оружия*» [2. С. 3]; **трупотсос** у нас самый уважаемый жанр, потому что прямой аналог нефтедобычи [3. С. 142]; **багряноносцы** – «*это такие сотрудники [ГИБДД], которым доверено ношение георгинового банта. То есть багряного банта с портретом святой Георгины*» [2. С. 178]. При этом могут выстраиваться словообразовательные цепочки окказиональных слов (*багряноносец* – *багряноносный*): **багряноносный** Святой Георгины первый линейный отряд ГИБДД города Москвы [2. С. 179].

2. Формируется окказиональное сленговое значение на основе метафорического переноса: *Контакт произошел на четвертой поляне с начала вахты («поляной» девушки называли интервал времени между сменами сервировки на круглом столе)* [2. С. 56].

3. Осуществляется окказиональное толкование слов с опорой на игровой прием, базирующийся на ложной этимологии, например: *Словом «гонота» и «гонники», образованным*

от инициалов «ГОП», в те дни обычно называли политтехнологов из бригады Гойды Орестовича Пушистого, которая вела генеральский проект [2. С. 156]; *Вы даже не осы. <...> «Оса» – это «объект секс-аттракции» <...> Наш профессиональный жаргон* [2. С. 17].

При этом может происходить столкновение квазинаучного и основанного на ложной этимологии толкования слова, например: **Контркультура** – это... эстетика антибуржуазного бунта, экспропрированная правящей элитой... Просто рыночная ниша, – пожала плечами Кима. – ... По-английски пишется «*counterculture*». «**Counter**» – прилавок. **Контркультура** – это любой товар, который собираются круто продать и кладут на прилавок у самой кассы [2. С. 30].

4. На базе существующих устойчивых словосочетаний создаются окказиональные слова с последующим их окказиональным толкованием: «**непротивление злу насилем**», сокращенно «**незнас**» – школа рукопашного боя [3. С. 10].

5. В качестве нарицательных сленговых слов используются антропонимы, например, фамилия Якимец: **якимец** – «*это, по скопческой терминологии, свинцовый гвоздик из колеса, который в дырочке носят*» [3. С. 83].

6. Образуются квазитерминологические сочетания: *психические вирусы, вредоносный код, компаративно-фаллические коннотации, боевое НЛП, финансовая гравитация, внутреннее измерение баблонавта*. Причем, с одной стороны, введение таких словосочетаний может обосновываться в фрагментах, имитирующих научный дискурс и включающих подлинные терминологические сочетания (*радиус Шварцшильда, уравнения гравитации, нестационарное решение, черная дыра*): *По аналогии с радиусом Шварцшильда, при достижении которого происходит образование черной дыры, назовем эту сумму порогом Шварцмана. Его величина может быть рассчитана на основе нестационарного решения уравнений гравитации Эйнштейна, которое предложил в 1923 году А. А. Фридман. В память о великом математике назовем загадочное измерение, в которое попадает человек, чье состояние превысит пороговую сумму, пространством Фридмана* [2. С. 220]. С другой стороны, в тексте может содержаться указание на абсурдность некоторых квазитерминологических сочетаний: «**Семиотические знаки**» <...> *Если на русский перевести, выйдет «знаковые знаки»* [2. С. 28].

Наряду с этим с помощью игровых приемов подчеркивается функциональная неоднородность национального языка и языковая полифония самих пелевинских текстов. К таким приемам можно отнести:

– толкование литературной или специальной терминологической лексики через жаргон: «*согласование и сопровождение*» в современном русском языке *означают попросту откат* [2. С. 173]; *артефакты* – «*это предметы, которые придают ироническому шутеру аспект виртуального шопинга*» [3. С. 250];

– рокировку словосочетаний, с помощью которых означаетается одно и то же понятие в обыденной (или корпоративной) и квазинаучной картине мира, например: *И пусть на этом вашем пути сердца озарит то прекрасное и невыразимое, что Боря Гребеничиков называет делом мастера Бо, а простые люди вроде меня – трансцендентально-экстралингвистическим императивом* [2. С. 14–15];

– параллельное означивание чего- или кого-либо с помощью языков для специальных целей, минуя общеупотребительные лексические единицы: *Торчок. Ну, или криэйтор психоделического контента, как в ведомости написано* [3. С. 92].

Конечно, любые языковые единицы в художественном дискурсе полифункциональны. Языки для специальных целей в произведени-

ях В. Пелевина выполняют ряд функций: являются средством моделирования виртуальной реальности и способом создания иронии, с их помощью осуществляется речевая характеристика персонажей и создается образная система произведения, формируются основные черты постмодернистского дискурса – стилистическая разнородность, интертекстуальность, игровая стихия, двойное кодирование. Наряду с этим одна из основных их функций – репрезентация настоящего, при этом языки для специальных целей оказываются одновременно средством отображения реалий и понятий, ими означиваемых, и исторически изменчивым объектом изображения.

Список литературы

1. Лейчик, В. М. Тенденции интеллектуализации и демократизации в современном русском языке и их выражение в публицистическом тексте // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения : междунар. сб. науч. тр., посв. проф. З. И. Комаровой. Екатеринбург, 2007. С. 133–137.
2. Пелевин, В. П 5: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана. М., 2008. 288 с.
3. Пелевин, В. Т. М., 2009. 384 с.